СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVII, № 3.

ЗАМѢТКИ

о

ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ

ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

М. А. Колосова

Отчеты Отдѣленію русскаго языка и словесности.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1877 г.
Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

1. Новгородская губернія.

Свои наблюденія въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія я рѣшился начать съ новгородской губерніи, а въ ней—съ береговъ озера Ильменя, — историческаго центра, основнаго гнѣзда сѣверно-русскаго славянства.

Приступая къ своему дѣлу, я, между прочимъ, задался слѣдующими двумя цѣлями: 1) опредѣлить, — какіе важнѣйшіе говоры можно различить въ предѣлахъ нынѣшней новгородской губерніи; 2) — какія между ними существуютъ естественныя границы. Я думалъ, что — наиболѣе рѣзкія, по крайней мѣрѣ,—звуковыя явленія, составляющія особенности говоровъ, должны имѣть естественные предѣлы.

Не много нужно было опыта, чтобы убѣдиться въ неисполнимости какъ той, такъ и другой задачи.

Языкъ населенія новгородской губерніи представляетъ не мало діалектическаго разнообразія; но — отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ—какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губерніи, — я — по крайней мѣрѣ для себя — не вижу возможности.

Въ однихъ мѣстахъ этой губерніи цокаютъ и чакаютъ, въ другихъ дзекаютъ, въ третьихъ смѣняютъ *ѣ* на *и*. Не говоря о болѣе мелкихъ звуковыхъ различіяхъ, — таковы главныя проявленія новгородской фонетики. Можно ли на основаніи этихъ проявленій утверждать, что въ предѣлахъ новгородской губерніи слѣдуетъ различать три главные говора: цокающій (и чакающій), дзекающій и мѣняющій *ѣ* на *и*? Вовсе нѣтъ,—такое раздѣленіе было бы ложнымъ: дзеканье почти на столько же несвойственно новгородской губ., какъ и аканье; а остальныя двѣ примѣты мѣстами существуютъ въ одиночку, мѣстами же являются соединенными въ одномъ и томъ же говорѣ. Принципъ дѣленія, такимъ образомъ, оказался бы неудовлетворительнымъ. И я не знаю такой звуковой черты, которую можно бы было положить въ основу настоящаго, строго научнаго дѣленія новгородскаго нарѣчія на говоры.

Ни одна изъ указанныхъ примѣтъ не является, въ то же время, замкнутою въ извѣстныхъ предѣлахъ. Отъ Ильменя до Бѣлоозера различныя звуковыя черты новгородскихъ говоровъ много разъ и появляются и исчезаютъ передъ наблюдателемъ, и притомъ такъ, что почти нигдѣ топографическихъ причинъ ихъ появленія и исчезновенія не оказывается.

Во многихъ уѣздахъ мѣстности, смежныя одна съ другой и не раздѣленныя ни рѣками, ни озерами, ни лѣсами, ни болотами, представляютъ большія разности въ звуковыхъ чертахъ языка населенія. На оборотъ — нерѣдко и то, что сходныя и даже тожественныя черты говоровъ можно встрѣтить на разныхъ, противоположныхъ концахъ губерніи. Цокаютъ и чакаютъ кое гдѣ по берегамъ Ильменя и—напримѣръ—въ череповскомъ и бѣлозерскомъ уѣздахъ. Въ новгородскомъ уѣздѣ смѣняютъ *ѣ* на *и*— въ Ямкѣ постоянно, въ Голинѣ (верстъ 15 отъ Ямка) — иногда, въ Шимскомъ (верстъ 9 отъ Голина)—вовсе не смѣняютъ; тоже напр. въ валдайскомъ уѣздѣ: въ самомъ городѣ *ѣ*=*е*, въ Зимогорьи (подгороднее село) = *и*, въ Короцкомъ (4 версты отъ города) на мѣстѣ *ѣ* опять *е*, въ Полосахъ (верстъ 5 отъ Короц-

каго) опять *и*. Что сказано объ этихъ двухъ примѣтахъ — относится и къ прочимъ, звуковымъ и формальнымъ. По отношенію къ формамъ говоръ напр. Эстьянъ (новг. у.) уже нѣсколько разнится отъ говора Бронницъ (2 версты разстоянія), а въ Бѣлой Горѣ (близъ лежащее селеніе) опять уже, какъ выражаются мѣстные жители,—«рѣчь отмѣнитая».

На разности говоровъ и перестановку ихъ въ новгородской губ. вліяли различныя причины: 1) колонизація новгородской области жителями другихъ, — сопредѣльныхъ ей, а иногда и отдаленныхъ мѣстностей; 2) насильственное переселеніе крестьянъ волею помѣщиковъ и свободное, по разнымъ причинамъ совершавшееся, передвиженіе населенія; 3) скрещеніе говоровъ, порождавшее новыя особенности; 4) вліяніе одного говора на другіе и вслѣдствіе того ассимиляція нѣсколькихъ съ однимъ какимъ либо; 5) вліяніе городовъ на села и вслѣдствіе того нивеллировка языка послѣднихъ.

Въ силу двухъ послѣднихъ причинъ на извѣстномъ пространствѣ могли стереться особенности мѣстнаго нарѣчія, сохранившись однако кое гдѣ. Не многія мѣстности, оказавшіяся наиболѣе устойчивыми передъ чуждымъ вліяніемъ, очутились съ теченіемъ времени изолированными. Каждая изъ такихъ мѣстностей,—сохранивъ одна—однѣ, другая—другія черты,—представляетъ собою относительно языка ея населенія нѣчто особенное.

Стремленіе говоровъ подойти подъ одинъ общій уровень замѣчается сильное. Есть мѣстности, въ которыхъ исчезновеніе звуковыхъ особенностей языка совершается, такъ сказать, во очію. Въ одной деревнѣ, гдѣ — какъ мнѣ сказали — *ѣ* смѣняется на *и*, я говорилъ съ нѣсколькими крестьянами, и только у одной старухи замѣтилъ такое произношеніе. Молодежи казалось уже смѣшнымъ говорить — хлиб, сино и т. п. Въ другой деревнѣ я нашелъ лишь въ нѣкоторыхъ семьяхъ удержавшеюся интересную формальную особенность (см. ниже). Можно бы привести и не одинъ, два, а много примѣровъ того, что особенности говоровъ

видимо исчезаютъ, сохраняясь лишь между стариками, а еще чаще между старухами. Мѣстныя нарѣчія все болѣе и болѣе уравниваются; но процессомъ этого уравненія, какъ то замѣчено выше, создаются до времени какъ бы новыя діалектическія разности. Исчезновеніемъ нѣкоторыхъ особенностей языка въ однихъ мѣстахъ, нѣкоторыхъ—но иныхъ—въ другихъ, и сохраненіемъ ихъ—въ третьихъ,—дробится прежде цѣльное нарѣчіе или говоръ на части.

Можно поэтому думать, что нѣкогда въ новгородскомъ нарѣчіи было болѣе однообразія. Не принимая въ разсчетъ одного изъ упомянутыхъ трехъ признаковъ, именно дзеканья, какъ встрѣчающагося очень рѣдко и, по всей вѣроятности, лишь въ средѣ нетуземцевъ, можно даже признать, что въ былое время языкъ новгородской области представлялъ собою одно цѣлое, не знавшее, по крайней мѣрѣ рѣзкихъ, подраздѣленій. Такъ можно думать потому, что смѣна *ѣ* на *и* нѣкогда была, вѣроятно, общею чертою новгородскаго нарѣчія: остатки произношенія *ѣ* какъ *и* можно прослѣдить и теперь по всей губерніи: есть такія мѣста, въ которыхъ *и* изъ *ѣ* уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ словахъ, смѣнившись въ большинствѣ случаевъ на *е*: хлибъ, но—сѣно и т. п. и безъ исключенія по всей губерніи можно слышать йисть=ѣсть и йиздить=ѣздить. Что же касается до мѣны *ц* на *ч*, то эта особенность, я думаю, сравнительно поздняя и коренится въ мягкомъ древне-русскомъ и отчасти современномъ сѣверно-великорусскомъ—*ц*,—о чемъ сказано подробнѣе ниже.

При невозможности охарактеризовать отдѣльные говоры, я ограничиваюсь въ послѣдующемъ сведеніемъ въ систему того, что было мною подмѣчено на пространствѣ всей губерніи, указывая при каждой сообщаемой особенности мѣсто, гдѣ она была мною слышана. Хотя такой пріемъ описанія имѣетъ свой важный недостатокъ, такъ какъ въ немъ исчезаютъ индивидуальности говоровъ, я избралъ его, потому что охарактеризовать полно какой либо говоръ не могу, а расположеніе описанія по уѣздамъ считаю не основательнымъ. Замѣчанія по уѣздамъ,

представленныя Далемъ въ его статьѣ о русскихъ нарѣчіяхъ, могутъ послужить прямымъ предостереженіемъ отъ такого пріема описаній. Объѣхавъ тѣ уѣзды, о которыхъ говоритъ онъ, я нахожу, что почти ни одна черта, обозначенная имъ, не можетъ быть признана прямо характерною для мѣстности, къ которой она отнесена.

Всѣ нижеприводимыя данныя извлечены мною изъ непосредственнаго ознакомленія съ живою рѣчью народа. Все это—подслушано мною въ бесѣдахъ крестьянъ между ими, или замѣчено при моихъ разговорахъ съ ними. Поэтому, хотя приводимыя данныя и не имѣютъ въ большей части случаевъ характера новизны, — все же онѣ, думаю, не лишены значенія: извлеченныя изъ обыденной рѣчи народа, онѣ являются подтвержденіемъ дѣйствительнаго присутствія въ народномъ языкѣ многихъ изъ тѣхъ чертъ, которыя до сихъ поръ большею частію извлекались изъ памятниковъ народнаго творчества и по преимуществу изъ пѣсенъ.

Совѣтъ, данный мнѣ Вторымъ Отдѣленіемъ—обратить вниманіе на сказки, я желалъ выполнить тѣмъ болѣе, что и собственнымъ опытомъ убѣдился, какимъ важнымъ пособіемъ для выводовъ по языку могла бы послужить мнѣ сказка. При отсутствіи всякихъ общихъ интересовъ, мои бесѣды съ крестьянами не могли быть продолжительны, ограничиваясь большей частію немногими фразами. Особенности звуковыя еще можно было подмѣчать при такихъ бесѣдахъ, но онѣ почти ровно ничего не могли дать для синтаксиса. Сказка давала бы мнѣ возможность слушать въ теченіи продолжительнаго времени непрерывную рѣчь крестьянина. Я, поэтому, вездѣ выискивалъ сказочниковъ, но — къ сожалѣнію — только въ Бѣлозерскѣ, дня за два, за три до выѣзда изъ губерніи, удалось мнѣ найти человѣка, отъ котораго я могъ выслушать и записать нѣсколько сказокъ [1]).

---

[1]) Гораздо легче записать въ народѣ пѣсню чѣмъ сказку. Желаніе выслушать послѣднюю удивляетъ народъ, а желаніе записать ее вызываетъ даже недовѣріе, возбуждаетъ подозрительность. Это первое затрудненіе, на которое

Въ предѣлахъ новгородской губ. я оставался не много болѣе полутора мѣсяца. За это время я объѣхалъ пространство около 1200 верстъ, посѣтивъ, за исключеніемъ Крестцовъ и Тихвина (и ихъ уѣздовъ), всѣ остальные города губерніи и много селъ и деревень, названія которыхъ ниже приводятся. Было бы полезнѣе для дѣла ограничиться меньшимъ числомъ мѣстностей, избравъ для наблюденія немногіе, типичные по отношенію къ языку, пункты. Но—къ сожалѣнію—я ни отъ кого не могъ получить вѣрныхъ указаній на такія мѣстности [1]).

Въ обозначеніи мѣстностей употреблены нижеслѣдующія сокращенія:

Н. у. Новгородскій уѣздъ:

Нд. Новгородъ.

Т. Тесовщина (общее названіе нѣсколькихъ селъ въ сз. части уѣзда.)

Кс. Кусони.

Л. Люболяды.

Э. Эстьяны.

Бр. Бронницы.

М. Мстаньё.

Г. Голино.

Ям. Ямокъ.

Ш. Шимское.

Ст. Р. у. Старорусскій уѣздъ:

Ст. Р. Старая Руса.

я наткнулся, выискивая сказки. Второе было въ томъ, что я объѣзжалъ новгородскую губ. въ «страдную» пору, въ пору лѣтнихъ работъ, когда крестьянину—понятно—не до сказокъ. Впрочемъ едва ли и въ другую пору года можно бы разсчитывать на богатую поживу матеріала этого рода: новгородская губ. хранитъ очень мало сказокъ, какъ меня увѣряли; да и по моимъ личнымъ наблюденіямъ губернія эта бѣдна народно-поэтическими произведеніями вообще.

[1]) Указывая на извѣстную мѣстность при обозначеніи извѣстной особенности, я отнюдь не хочу тѣмъ сказать, что особенность эта принадлежитъ исключительно этой мѣстности: указаніе на мѣстность есть лишь обозначеніе того, гдѣ особенность мною замѣчена.

Зв. Звадъ.
Кор. Коростыня.
Рам. Рамушево.
Пор. Порусье.

Д. у. Демьянскій уѣздъ:
Д. Демьянскъ.
Зал. Залучье.

В. у. Валдайскій уѣздъ:
В. Валдай.
Крц. Короцкое.
З. Зимогорье.
П. Полосы.
Кгр. Кагрино.
Ед. Едно.
Вл. Вельё.

Б. у. Боровичской уѣздъ:
Брв. Борови́чи.
Ор. Орѣхно.
С. Сычево.
Пт. Пѣтухово.
Рк. Рѣчька.
Кр. Красное.
Бх. Бахмарово.

У. у. Устюженскій уѣздъ:
У. Устюжна.
Зас. Залѣсье.
Мр. Миро́во.
Пр. Перя.

Ч. у. Череповскій уѣздъ:
Ч. Чере́повецъ.
Дв. Давыдово.
Ен. Енюково.
Ив. Ивановское.
Б. Д. Большая Дора.

Г. Громичиха.

К. у. Кириловскій уѣздъ:

К. Кириловъ.

Ив. Б. Ивановъ Боръ.

Мтв. Матвеевское.

К. в. Казанская волость.

П. в. Петропавловская волость[1]).

Бз. у. Бѣлозерскій уѣздъ.

Бз. Бѣлозерскъ.

Извѣстно, что звуковая система древнихъ языковъ, въ частности старо-славянскаго языка, отличается строгою опредѣленностью, легко въ немъ подмѣтить существующія звуковыя отношенія и объяснить причины звуковыхъ явленій. Тоже можно сказать и о русскомъ языкѣ древнѣйшей поры. Иное дѣло живой, современный нашъ русскій языкъ. Безъ всякаго сомнѣнія и въ немъ есть своя звуковая система, свои звуковыя отношенія, на столько же опредѣленныя, какъ и тѣ, какія представляютъ намъ старо-славянскій и древне-русскій языки. Но эти отношенія остаются во многихъ случаяхъ невыясненными, а потому и звуковой строй живаго русскаго языка не представляетъ повидимому выдержанности, опредѣленности явленій. Научное пониманіе этихъ явленій слишкомъ далеко отъ совершенства. Множество проблематическаго характера положеній замѣняетъ въ объясненіи ихъ строго выработанныя истины. Причины, подъ которыя подводятся извѣстныя группы явленій, оказываются нерѣдко несостоятельными въ виду многихъ фактовъ той же категоріи, не подходящихъ подъ выдуманный законъ. Важнѣйшее затрудненіе при обобщеніи явленій живаго языка, мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ: живой языкъ представляетъ всегда болѣе или менѣе діалектическаго разнообразія. И каждый говоръ его есть самостоятельная особь, имѣющая свою особенную жизненную дѣятельность. Я не думаю, чтобы такая особь отъ другихъ, бли-

---

[1]) Въ этихъ двухъ волостяхъ я не былъ.

жайшихъ къ ней, различалась лишь однимъ какимъ либо звуковымъ признакомъ. Одинъ такой признакъ только подмѣченъ, какъ наиболѣе рѣзкій, бьющій въ глаза; а ужь если онъ есть, то должны быть, находящіяся съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и другія черты—мелкія, трудно услѣдимыя, но не повторяющіяся въ особяхъ той же группы. Каждый говоръ есть самостоятельный организмъ, проявленія жизненной дѣятельности котораго могутъ стоять въ противорѣчіи съ такими же проявленіями нѣкоторыхъ другихъ говоровъ того же нарѣчія. Поэтому, при объясненіи фактовъ даннаго нарѣчія, мы, быть можетъ, нерѣдко сопоставляемъ между собою, такъ сказать, несоизмѣримыя величины. . . . Къ строго научнымъ заключеніямъ, я думаю, скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на пространствѣ цѣлаго нарѣчія. Наблюдатель, поэтому, подмѣчающій только наиболѣе видныя черты говоровъ извѣстнаго нарѣчія, получитъ сумму данныхъ, характеризующихъ это нарѣчіе, но едва ли будетъ въ состояніи дать его особенностямъ прочныя научныя объясненія. Въ положеніи такого наблюдателя нахожусь и я. Многое въ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся здѣсь, остается для меня не яснымъ.

Общая отличительная черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ отдѣлѣ *гласныхъ* звуковъ — сохраненіе неударяемаго *о*— выдерживается на пространствѣ всей новгородской губерніи. Даже спорадическихъ случаевъ перехода *о* въ *а* мнѣ не встрѣтилось [1]).

---

[1]) За исключеніемъ двухъ собственныхъ именъ: Расся, Расейскихъ Зв. Яврей В. Послѣдней формы въ другихъ мѣстностяхъ я не встрѣтилъ. Въ В. у. есть нѣсколько акающихъ селъ, тоже въ Ст. Р. у., а можетъ быть и въ другихъ. Жители этихъ селъ выселенцы изъ области южнаго нарѣчія. Ихъ произношеніе на *а* не только не заражаетъ ближайшихъ ихъ сосѣдей, но считается послѣдними смѣшнымъ и страннымъ.

Обратные случаи имѣютъ мѣсто въ новгородскихъ говорахъ, т. е. неударяемое *а* иногда переходитъ въ *о*:

а) въ началѣ словъ: Офонюшко Ям.

б) въ срединѣ: роботник Кс. пороход. Ст. Р. довнёхонько Бз. оспóривать ibid. Въ предлогѣ *раз* при сліяніи его съ именами и глаголами я слышалъ постоянно *о*; постоянно же *о* вм. а и въ род. п. пр. им.: доброво и т. п.

в) въ концѣ: батюшко, дядюшко У. Бз. и др. мѣста [1]).

Ударяемое *а* въ *о* кажется не переходитъ, по крайней мѣрѣ мнѣ встрѣтился лишь одинъ случай такого перехода, да и то въ иноземномъ словѣ: троур. Нд.

За исключеніемъ *о* звукъ *а* ни съ какимъ другимъ не сближается.

Въ отношеніяхъ звука *о* къ другимъ звукамъ замѣчается смѣшеніе звуковыхъ категорій: въ нѣкоторыхъ словахъ онъ переходитъ въ *у*. Такъ *у* вм. *о* я слышалъ, кромѣ собственнаго имени Русіи Зв. (форма, которая вѣроятно и не предполагаетъ формы—Россія), въ двухъ словахъ: морусит (дождь —) В. и севóгуду Бз. [2]).

Въ томъ и другомъ случаѣ измѣнилось *о* неударяемое. Обратнаго явленія я не замѣтилъ.

У иногда переходитъ въ ы, но не наоборотъ: бытто (будто) В. слых. ib.

Звукъ *е* сближается съ *и* и съ *о*. Въ *и* переходитъ *е* очень рѣдко: жнит. Кс. Слышалъ я эту форму дважды, но отъ одного

---

[1]) Мнѣ говорили, что мѣстами въ Паозерьѣ (такъ называются селенія по берегамъ Ильменя, преимущественно на зап. и южн. берегу его) слышится: батюшк*и*, матушк*и*. Не знаю, на сколько вѣрно такое сообщеніе,—самъ я не слыхалъ такихъ формъ, — и не понимаю причинъ явленія, если оно дѣйствительно существуетъ. Во всякомъ случаѣ оно не принадлежитъ къ области фонетическихъ измѣненій.

[2]) Сближеніе звуковъ *о* и *у* находимъ и въ области южно-великорусскаго нарѣчія: ку(о)ляда Пѣсни Шейна. 26 с. изъ ру(о)ду ib. 455. Въ одной рязанской пѣснѣ *о* вм. *у*: ко(у)нью шубу. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ VII. 56. (Можетъ быть послѣдній примѣръ слѣдуетъ объяснять иначе: не понято ли здѣсь слово кунью въ смыслѣ конью)?

лица; тамъ же говорятъ обыкновенно: жнет [1]). Форма — на пилсй. У., конечно, предполагаетъ — напилсе изъ напился.

Чаще можно встрѣтить обратный переходъ. Рядъ примѣровъ измѣненія *и* въ *е* въ области свр. нар., извлеченныхъ изъ былевыхъ пѣсенъ, представленъ мною въ статьѣ «Матеріалъ для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія» [2]). Случаевъ, подобныхъ отмѣченнымъ тамъ, измѣненія кореннаго *и* на *е* (пер, вехорь и т. п.) въ новгородскихъ говорахъ я не встрѣтилъ; не разъ однако слышалъ я (все, впрочемъ, въ одной только мѣстности) такой переходъ *и* въ окончаніяхъ:

онѣ Бз.
не ib. как небудь ib.
издале ib. впереде ib.
говорѣла ib.

Одинъ изъ этихъ примѣровъ можно объяснять смѣшеніемъ формъ; другой (предпослѣдній) быть можетъ слѣдуетъ отнести на счетъ особенностей словообразованія; въ остальныхъ, я думаю, нельзя не видѣть фонетическаго явленія [3]).

Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ Валдаѣ («По борамъ-борикамъ»), встрѣчается форма-бравше (см. приложеніе). Я не слышалъ подобной формы въ живомъ употребленіи, но вѣроятно она встрѣчается: въ одной изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Новгородскомъ Сборникѣ, — в. III, отд. пѣсенъ, стр. 9-я, — есть форма тожественная съ приведенной: недостроивш*е* (пѣсня записана въ Эстьянахъ) [1]).

---

[1]) Въ руской волости Н. у. можно, какъ мнѣ говорили, слышать: пойд*и*мте.

[2]) Варшавск. Унив. Извѣстія 1874 г.

[3]) Приведенные мною въ упомянутой статьѣ примѣры перехода *и* въ *е* можно пополнить многими другими примѣрами, доказывающими несомнѣнное существованіе этого фонетическаго явленія въ различныхъ мѣстностяхъ живаго русскаго языка. См. въ Сборникѣ Шейна стр. 35, 58, 147, 531, 551, 560 и у Кирѣевскаго в. II с. 35, в. IV. с. 74, в. V. с. 4., в. X. с. 87 и 113. Иноземныя имена на *ир* по всей Россіи мѣняютъ *и* на *е:* квартера (Ср. бригадерушка, командеры. Кир. X. 113).

[1]) Упомянутая пѣсня: «По борам-борикам» напечатана въ брошюркѣ Те-

Въ виду сказаннаго, признаю несомнѣннымъ, что въ современномъ великорусскомъ языкѣ конечно *и* иногда мѣняется на *е;* не вижу, поэтому, причины отрицать такую смѣну и для древнерусскаго.

Начальное *е* иногда смѣняется на *о*, какъ въ древне-русскомъ: още У.

Обратное явленіе есть уже результатъ перегласованія. Говоря о древностяхъ языка Паозерья, нѣкоторыя лица въ Новгородѣ увѣряли меня, что мѣстами тамъ можно слышать слово озеро въ древней формѣ ѥзеро. Тамъ, гдѣ я былъ въ Паозерьѣ (Ям., Кор., Зв.), такой формы нѣтъ. Считаю однако вполнѣ возможнымъ, что форма ѥзеро мѣстами существуетъ; но безъ всякаго сомнѣнія она не остатокъ доисторической древности, а очень позднее явленіе, предполагающее между собой и озеро посредствующую форму йозеро [1]). Это явленіе того же рода, что встрѣчающееся мѣстами въ свр. енъ, ены изъ онъ, оны—черезъ йонъ, йоны [2]).

Въ срединѣ словъ *е* на *о* мѣняется часто, всегда оставляя свой слѣдъ на мягкости предъидущаго согласнаго звука [3]).

рюхина «Городъ Валдай». Спб. 1874. Форма бравши напечатана съ *и*, но за то смѣну *и* на *е* находимъ въ словахъ: ягодке (и), будите (н. н.), знобите (н. н.). Пѣсня видимо была записана очень дурно: вм. пріуснула — въ ней читаемъ брюснула, вм. шибнул—шубнул, вм. батажкомъ—батачкой,—рядъ безсмыслицъ; можно бы не довѣрять поэтому и указаннымъ, въ ней находящимся звуковымъ особенностямъ пѣсни; но, что онѣ въ языкѣ возможны и дѣйствительны, доказывается другими свидѣтельствами: въ Сборн. Шейна въ одной изъ пѣсенъ Псковской губ. трижды встрѣчается форма неопр. накл. на *те* вм. *ти:* скопите, купите, носите. Ср. съ этимъ: грабите (н. н.) во Вр. Нест. Ип. списка и узяте въ Грамотѣ 1229 г. То объясненіе, которое я далъ этимъ формамъ въ своемъ Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. (с. 91 и 152), считаю и теперь совершенно вѣрнымъ.

[1]) Такія переходныя формы мѣстами существуютъ. Въ Выксинскомъ приходѣ Чер. у. говорится, напр.: йодин=один (Новг. Сб. V. 39). Возможно, что изъ этой формы со временемъ образуется тожественная съ старо-слав. ѥдинъ. Такая форма, впрочемъ, мѣстами въ русскомъ языкѣ и теперь есть: въ Симб. губ., какъ видно изъ пѣсенъ Кирѣевскаго, можно слышать: една (Кир. в. I, с. 5).

[2]) При формѣ іезеро слышится, какъ говорили мнѣ, и *л*езеро. Это *л* есть, конечно, видоизмѣненіе йота.

[3]) Такъ для устраненія сбивчивости въ выраженіи обозначилъ я то явленіе,

На сколько мнѣ извѣстно, первые случаи такого превращенія *е* въ *о* (если не считать измѣненія *е* на о послѣ шипящихъ) относится только къ XV вѣку (Очеркъ и пр. 133). Съ того времени это явленіе распространилось на значительную массу словъ, являясь въ сѣверно-великорусскомъ болѣе широкимъ и менѣе опредѣленнымъ по употребленію, чѣмъ въ южномъ. Замѣченные мною въ Новгородской губ. случаи перехода *е* въ *о* сводятся къ слѣдующему.

а) Въ началѣ словъ довольно рѣдко:

ёво Р. ёсть В. у.[1]).

Формы эти непосредственно являются изъ ево, есть, не предполагая формъ съ нейотированнымъ *о* изъ е. Какъ въ срединѣ словъ *о* изъ *е* всегда имѣетъ передъ собою мягкій согласный звукъ, такъ въ началѣ словъ оно непремѣнно облекается йотомъ: ёво, т. е. йово и т. п.

б) Въ концѣ словъ:

Мѣстами постоянно послъ ь=йотъ:

успеньйо (успеньё) Т.

Удареніе въ этомъ и подобныхъ, слышанныхъ мною словахъ, падаетъ на послѣдній слогъ; можно бы поэтому думать, что оно то и является причиною звуковаго измѣненія[2]); но другіе случаи въ сѣв. великор., аналогичные съ даннымъ[3]), противорѣчатъ такому мнѣнію.

которое, обыкновенно называется переходомъ *е* въ *ё*. Говорить о превращеніи *е* въ *ё*, разумѣя, подъ послѣднимъ *йо*, нѣтъ основаній, такъ какъ нѣтъ основаній предполагать, что между формами, подобными напр. *вез* и *вёз*, стояла нѣкогда какъ посредствующее звено *вйоз*. Да, сверхъ того, превращеніе чистаго простаго звука *е* въ слогъ *йо* — немыслимо. Слогъ *йо* изъ *е* можно бы понять лишь въ томъ случаѣ, если бы на мѣстѣ *е* можно было предположить ѥ (*йе*), т. е. если бы форма напр. вёз предполагала ступени: вйозъ — вйез. Но и для такого предположенія нѣтъ никакого основанія. Что, наконецъ ё нельзя понять какъ звукъ цѣльный, подобный нѣмецкому ö или французскому *eu*, видно изъ самаго произношенія.

[1]) Послѣдній примѣръ привожу на основаніи сообщенія, сдѣланнаго мнѣ заслуживающимъ довѣрія лицомъ, а не на основаніи личнаго наблюденія.

[2]) Успеньё, но — успле́нье. Это однако факты разныхъ мѣстностей.

[3]) См. Матеріалъ и пр. с. 15 отд. оттиска.

Кажется, подъ вліяніемъ ударенія перешло *е* въ *о* въ формахъ: хотитё, дадитё У[1]).

в) Въ срединѣ словъ переходъ *е* въ *о* встрѣчается очень часто:

слёза Г. вёсна ib. вёдро сёстра Э. сёстры Кс. лёв Бз. бочёк ib. горёвать ib. воёт Э. сымёш ib. будёт ib.	*е* неударяемое.
дёржит Бз. трёснул ib. отпёхнуть Э. отпёхнутся Кс. лебедёй Кгр. гостёй ib. свадёбный В.	*е* ударяемое.

Ясно и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, что переходитъ въ *о* какъ ударяемое, такъ и неударяемое *е*, какъ основное такъ и явившееся изъ *и* (гостёй изъ гостей—гостии) и *ь* (суф. ьк и ьб).

Нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ аналогичны, а другіе и тожественны съ тѣми, какіе представляютъ изданные памятники народнаго творчества[2]).

Измѣненіе *е* на *о* принадлежитъ къ числу неясныхъ чертъ сѣв.-влкр. нар. Что удареніе, вліяющее на это измѣненіе въ южномъ, не вліяетъ на него въ сѣверномъ, видно какъ изъ того, что измѣняется въ *о* неударяемое *е*, такъ и изъ того, что не измѣняется иногда ударяемое. Мнѣ встрѣчались даже такіе случаи, что слово, имѣющее уже *о* изъ *е*, возстановляло этотъ послѣдній звукъ именно тогда, когда на него падало удареніе: вёдро́ Г., но ib: ве́дра (им. мн. ч.).

Въ полногласной формѣ *ере* второе *е* обыкновенно обращается

---

[1]) И въ Шенкурскѣ: беритё Кир. V. 139. Но однакоже, не смотря на удареніе, въ этихъ формахъ остается *е*: придадитé, пойдетé Бз.

[2]) Матеріалъ и пр. 13—16; Пѣсни Кир. II 45—47, 52, 62; Шейна 546, 555—6.

въ *о*, какъ и въ онежскихъ говорахъ (Матеріалъ и пр. с. 14): верёх Нд., заберёга Ш., на берёг Бз. Однако — к бе́регу ibid. Здѣсь какъ будто оказало свое вліяніе мѣсто ударенія въ словѣ. Мнѣ кажется, что неясность явленія, о которомъ идетъ рѣчь, условливается именно тѣмъ, что сопоставляются факты разныхъ мѣстностей и разныхъ слѣдовательно говоровъ, — условія же явленія для разныхъ говоровъ,не одинаковы[1]).

Объ отношеніи древняго *ѣ* къ *и* и *е* выше уже сказано.

Привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ употребленія *и* вм. *ѣ* въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно оно смѣняется на *е*: йисть и йись (ѣсть) Г., ниту ib., йти Крц. хлибца Ив., лис. ib. Ен., надинь, повисил, досѣдили, поизжаит, листница Бз.

Въ нарѣчіяхъ — гдѣ и здѣсь (къде и сьде) употребляется *и* вм. *е*: гди П., здись Бз., вѣроятно въ силу аналогіи, вліянія словъ имѣющихъ *и* на мѣстѣ конечнаго *ѣ*: на столи П. вси Зал. и т. п.

Ѣ на *я* смѣнилось въ сѣв. влкр., какъ извѣстно, въ окончаніи сравн. степени: свѣтляе мѣсяця Ив. Б. росляе Ен. мудреняе Бз.

Что касается до *я* въ сял (= сѣл), то оно должно получить иное объясненіе. Я убѣжденъ, что эта смѣна отнюдь не можетъ доказывать сродства звуковъ *ѣ* и *я*. Она есть фактъ не фонетики, а словообразованія, именно стремленія къ уравненію темы неопредѣленнаго наклоненія съ темой настоящаго времени: сясть и сялъ явились по аналогіи съ сяду.

При стеченіи двухъ гласныхъ звуковъ является мѣстами ассимиляція и стяженіе ихъ: почита(е)ш Л. недовлѣ(е)т Т. Г. дума(е)ш Мтв. ён ба(е)т Г.

Стеченіе согласныхъ вызываетъ вставку гласнаго зв: столоб Пор. долина́ (т. е. длина) Кор. Дв.

[1]) Отъ одного и того же лица мнѣ пришлось слышать въ Бз. различныя звуковыя формы одного и того же слова: шатер и шатёр, зеленый и зелёный (см. сказки — въ приложеніи). Человѣкъ, говорившій такъ, былъ грамотенъ и не выдерживалъ въ своей рѣчи всѣхъ особенностей мѣстнаго выговора. Но человѣкъ неграмотный и неподдавшійся какимъ бы то ни было чужимъ вліяніямъ не можетъ въ своей рѣчи стать въ такое фонетическое противорѣчіе самъ съ собою.

Изъ случаевъ опущенія гласныхъ интересно сокращеніе полногласной формы: оболокись У. Ч. у. Бз., но — облочись Мтв. [1]).

Перегласованіе встрѣчается: при шипящих: чешша (чаща) Бз.; при *ц:* вѣнценье Ив. Б.; при *р* и *л:* крени Пр., умышлеш (изъ умышлееш — умышляеш) Мтв.

Проявляющіяся особенности въ отдѣлѣ *согласныхъ* звуковъ разнообразны. Однако такихъ чертъ въ этомъ отдѣлѣ, которыя не были бы извѣстны и въ другихъ частяхъ сѣверно-великорусскаго, не замѣтно [2]). Звуковыя мѣны согласныхъ можно отмѣтить слѣдующія:

г мѣняется съ *к* и *х:*

г(к)иль Нд. флак(г) Бз. перешах(г)ивал ib.

Разъ слышалъ я форму, въ которой *х* смѣнилось на *в:* трёв(х) Ив.

Рѣдко, но встрѣчается древняя черта языка: смѣна *с* на *х:* опоях(с)ать Г. (ср. вху во Вкл. Варл.).

Перехода *в* въ *у* я нигдѣ не слышалъ. Онъ однако же существуетъ мѣстами въ Ч. у., какъ мнѣ говорили мѣстные жители и какъ то было засвидѣтельствовано Далемъ (О нарѣчіяхъ и пр. 22).

Тамъ же мѣстами можно встрѣтить смѣну *в* на *м:* пимцо.

Переходъ *м* въ *н* я замѣтилъ только въ одномъ словѣ: подын(м)и Кс. Э. Вм. *н* стоитъ вм. *л* въ словѣ: сухмель В. Бх. (Ср. присталь въ Сб. Гильфердинга с. 284. 367).

Ф на *п* мѣняется въ словѣ п(ф)ашинникъ Ив. Б. *Ф* вм. *хв* въ фатать Бз. и фатера (конечно, черезъ посредствующую форму хватера) ib. Вм. *х* является *хв* въ словѣ: *ох*вотникъ Г.

Отзвучные зубные переходятъ иногда въ звучные:

збирается Бз. очудился ib.

Первый примѣръ — обыкновенное и понятное явленіе непол-

---

[1]) Ср. подобные случаи сокращенія въ Сборн. Гильфердинга (с. 455. 513. 923) и Барсова (Причитанья с. 4).

[2]) Ср. нижеприводимые примѣры съ тѣми данными олонецкихъ говоровъ, которыя собраны въ Матеріал. и пр.

ной ассимиляціи. Появленіе *д* вм. *т* во второмъ, быть можетъ, слѣдствіе народной этимологіи, т. е. быть можетъ это слово сближено народомъ съ — чудо.

Вмѣсто *щ* мѣстами двойное *ш:*

шшука П. свѣшшенник Ив. шшетинка, сшшо, чашша Бз.

Явленіе это не составляетъ неизмѣннаго правила: въ тѣхъ же мѣстностяхъ можно слышать и *щ*.

Смѣны *с* на *ш* не замѣтилъ [1]). Обратный случай только въ словѣ слюзы (шлюзы) Брв. Бз.

С вм. *ц* является въ — свѣты (цвѣты) В. свѣтики Бз. [2]).

З вм. *ж* я слышалъ въ словахъ:

рогозка Ив. зелѣзный В. порозной Бр. порознём Ш. на норозёнкѣ Крц (т. е. порожнём [3])

щ вм. *шт* въ — що (что) Пр.

---

[1]) Смѣна эта однако же существуетъ въ сѣв. великор. См. Матеріалъ и пр. с. 29. Кромѣ того: въ Шенкурскѣ говорится: *ш*(с)ельшина. Пѣсни Кир. I. 83, въ Онегѣ: тышаць ів. 87.

[2]) Форма — свѣт. вм. цвѣт — встрѣчается и въ южно-великор., напр. въ Тул. г. См. Пѣсни Шейна с. 446. Форма твѣты (цвѣты), которую мѣстами можно слышать въ В. у., тоже свойственна югу. См. Кир. II. 67.

[3]) Форму — порозній — я считаю первичною по отношенію къ формѣ порожній. Эта форма вызываетъ меня на слѣдующія замѣчанія.

Какъ извѣстно, слова — порожній и праздникъ — тожественны по кореннымъ звукамъ, и представляемая ими звуковая разница условливается лишь особенностями фонетики двухъ нарѣчій: русскаго, которому принадлежитъ слово — порожній, и старо-славянскаго, собственность котораго слово праздный. Что такое *зд* послѣдняго?

Миклошичъ (Vergl. Gg. der Sl. Spr. I) считаетъ вѣроятнымъ, что *зд* есть смягченное *д*. Рѣшаюсь усомниться въ этомъ. Основанія для сомнѣнія слѣдующія:

1) Остается совершенно непонятнымъ, почему *dj*, постоянно превращающееся въ *жд*, въ данномъ случаѣ и не многихъ другихъ (гвоздь, звѣзда и т. п.) является въ формѣ *зд* (считать же группу *зд* первичною по отношенію къ *жд*, т. е. предположить ступени: дз — зд — жд, — нѣтъ никакого основанія).

2) Для смягченія *д* въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимаго условія: суффиксъ *ьн* слова праздьн-ик-ъ не равняется *йън*, а есть видоизмѣненіе *ин* (ср. аналогичныя образованія въ словахъ: бѣдьн-ик-ъ, мутьн-ик-ъ и т. п.: *д* и *т* остаются неизмѣнными).

3) Соотвѣтствующія звуковыя формы этого слова въ другихъ славянскихъ

Самое важное звуковое явленіе мѣны согласныхъ звуковъ въ новгородскихъ говорахъ, да и вообще въ сѣверно великорусскомъ нарѣчіи, — это мѣна *ц* на *ч* и обратно.

Такую мѣну я слышалъ въ Новг., Устюжскомъ, Череп. и Кириловскомъ уѣздахъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры цоканья и чаканья:

вышедци Ш. ушодци Т. лутце Г. вцера Пр. легце ib. уцить Дв. молоцка ів. угароцки ib. руцка с руцкой Ив. Б.;

отечь, купець Г. полотенче ib. молодича ib.

Мнѣ говорили, что можно въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышать цоканье и чаканье. Примѣры статьи Даля о нарѣчіяхъ подтверждаютъ это сообщеніе. Если дѣйствительно оба признака совпадаютъ въ какомъ либо говорѣ, то причина явленія остается для меня непонятной. Самъ я однако нигдѣ не встрѣтилъ такого совпаденія (если не считать слышанной мною въ Г. формы лутце: нѣкоторыя слова съ *ц* на *ч* встрѣчаются по всей губерніи, не исключая мѣстностей, гдѣ не цокаютъ и не чакаютъ; такъ вездѣ я встрѣчалъ форму — ушодци произносится мѣстами — ушодси Т.).

Если же цоканье не совпадаетъ съ чаканьемъ, тогда послѣднее можно, какъ мнѣ кажется, объяснять нѣкогда бывшею въ

нарѣчіяхъ не таковы, какихъ слѣдовало бы ожидать, еслибъ *зд* этого слова явилось изъ *дj*.

На основаніи этихъ соображеній мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ относительно группы *зд* слѣдующее предположеніе.

Извѣстно, что въ старо-слав., да вѣроятно и въ древне-русскомъ, было два рода звука *г*: *г* = лат. *g* и *г* = лат. *h*. Рядъ высказанныхъ въ наукѣ замѣчаній о характерѣ перваго изъ этихъ звуковъ, привелъ къ убѣжденію, что г = лат. *g*, при смягченіи давало *дз*, выражавшееся буквою ѕ. Самой группы *дз* изъ *г* указано не было.

Не есть ли группа *зд* результатъ этого смягченія? Ст-слав. нарѣчію была свойственна звуковая перестановка въ извѣстныхъ случаяхъ: жд. вм. дж — изъ дj, шт вм. тш — изъ тj; также, быть можетъ, и сочетаніе *дз* превратилось въ *зд*.

Я бы считалъ это несомнѣннымъ, если бы могъ доказать, что въ корнѣ словъ: праздьнъ, гвоздь и другихъ подобнаго образованія былъ нѣкогда звукъ *г*. Не будучи въ состояніи этого сдѣлать, я высказываю мою мысль только предположительно.

говорѣ мягкостью *ц*. Сочетаніе *ча*, *чу* и т. п. непремѣнно, я думаю; предполагаютъ: *ця*, *цю*, а не *ца*, *цу*. Эта мысль подтверждается: 1) измѣненіемъ *ся* (т. е. *сьа*, с'а, s'а) въ *ша:* тышаць (см. Пѣсни Кир. I. 87); 2) тѣмъ, что въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, нѣтъ формъ, подобныхъ курича и пр. По крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ такого совпаденія явленій. Говоры съ мягкимъ *ц* — переходные отъ тѣхъ, въ которыхъ *ц* твердо, къ тѣмъ, въ которыхъ оно смѣняется на *ч*. А можетъ быть вѣрнѣе будетъ сказать такъ: основные говоры тѣ, которые имѣютъ мягкое *ц*, отъ нихъ пошли въ одну сторону говоры съ твердымъ *ц*, въ другую — съ *ц* превращеннымъ въ *ч*.

Трудно объяснить обратное явленіе — превращеніе *ч* въ *ц*. Могу сдѣлать лишь слѣдующее предположеніе. Мѣстами *ц* такъ мягко, что стоитъ на рубежѣ *ц* и *ч*, — слышится не то тотъ, не то другой звукъ. Древне-русскому языку были свойственны не только мягкое *ц*, но и мягкіе шипящіе — *ж*, *ч*, *ш*. Быть можетъ мягкое *ч* наклонилось, а съ теченіемъ времени и перешло въ *ц* по особенному строю фонетики нѣкоторыхъ говоровъ? Впрочемъ, явленіе цоканья и чаканья требуютъ еще наблюденій.

Ц изъ *ч*, стоящее передъ *т*, произносится почти какъ *с:* унистожилась Дв.

Мягкаго *ч*, а равно и другихъ шипящихъ я не слышалъ; твердость же шипящихъ замѣчалъ не только въ ударяемомъ, но и въ неударяемомъ слогѣ: не только: жо́нка, пошо́л Бз, ничо́во Нд., но и — чолови́к Пт.

Ц мягко не рѣдко, но далеко не вездѣ: пятниця Э. пятницю ib. коньцѣ Ив. отця Ив. Б. танцюютъ ib. молодець ib., но напр. пальцо́в Бз. серцо ib.

Мѣстами слышится мягкое конечное *в:* оставь Бз.

Изъ плавныхъ — *л* постоянно мягко, но *р* иногда твердо тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать его мягкости и наоборотъ: ря(а)ма В. ви́хор(ь). ib.

Въ словѣ лёд *д* мягко въ косвенныхъ падежахъ: льдю, льдём Бз.

2*

Тотъ же звукъ мягокъ въ концѣ слова — назадь.

Согласные *р*, *н*, *м*, *с* мягки передъ суфиксами прилагательныхъ *к* и *ск*, т. е. *ьк* и *ьск*. Мягкость ихъ—несомнѣнный слѣдъ *ь* этихъ суфиксовъ: барьской Зв. царьской ib.

Деревеньской Л. В. Э. Смоленьское Г. Казаньскій В. Демьяньскій ib.

Шимьской Г. Зв.

Руськая Э. петербурськое З. пироськое оз. С. ивановській Ив. московськое У.

Въ примѣрахъ, подобныхъ послѣднимъ двумъ, *в* почти изчезаетъ (какъ въ подобныхъ же случаяхъ въ варшавскомъ говорѣ польскаго языка).

Обратное явленіе случаямъ приведенной мягкости представляетъ твердость нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Тверды слѣдующіе звуки:

т: въ формѣ тых (тих изъ тѣхъ) Кс.;

н: въ — оны (вм. они) ib.,

и очень часто въ окончаніяхъ прилагательныхъ: осенная Зв. здѣшная У. дорожная Бз. вчерашново ib.;

д: передъ суф. *ми* тв. п. мн. числа: людмы Э.

м: въ томъ же суфиксѣ: *мы* вм. *ми*.

р: крычать Бз.

Мѣстами кромѣ обще-русскаго смягченія въ *ж*,—*д*, при сочетаніи съ йотъ, является въ формѣ *жд*. Съ такимъ смягченіемъ я слышалъ впрочемъ только одно слово и въ одной только мѣстности: урождай Злс.

Древняго смягченія гортанныхъ нѣтъ слѣдовъ.

Смягченіе, губныхъ проведено дальше, чѣмъ въ литературномъ языкѣ: успленье Злс. (но въ другихъ мѣстностяхъ: успеньё Т.).

Смягчающее губной звукъ *л*, являющееся въ 1 лицѣ наст. вр., выдерживается и въ прочихъ: засыплеш, задремлеш В.

Изъ явленія асимиляціи согласныхъ мнѣ встрѣтились только случаи уподобленія *б*—*м:*

омморокъ Бз. оммѣривать ib. амманывать ib.

Примѣрами перестановки согласныхъ могутъ послужить слова: арбан (анбар) В. квардат Кр. намастырь В.

Выпадаютъ слѣдующіе звуки:

в и *с* въ началѣ словъ: (в)стал Бз., (с)колько ib.;

к передъ глагольною примѣтою *ну:* тол(к)нуть П. зам(к)нул ib.;

т — передъ *н:* о(т)пустил Бз, и въ концѣ словъ послѣ *с:* хвос(т) Бз дас(т) ib, ес(т)ь Дв.;

й и *н*, явившееся изъ *й:* с ими (т. е. с йими) Бз. с ей Ст. р; подём (пойдём) Ст. р. да'ка (дай ка) Бз. сюды то' ди (йди) ib.

Вставнымъ *й* является въ словѣ: байна Бз.

Есть слова, представляющія выпаденіе цѣлаго слога: хотца (хочется) Г. видца (видится) ib.

Говоря выше о смягченіи *д*, я не упомянулъ о дзеканьи. Это потому, что я нигдѣ его не слышалъ. По примѣру, приводимому Далемъ, въ его статьѣ о нарѣчіяхъ, для характеристики говора Бронницъ, я ожидалъ, что Броничане смягчаютъ *д* въ *дз.* Оказалось, что нѣтъ. Въ Боровичскомъ уѣздѣ есть дзекающія селенія; но гдѣ именно они есть, того—къ удивленію моему—никто мнѣ положительно указать не могъ изъ мѣстныхъ жителей; въ тѣхъ же селеніяхъ и деревняхъ Б. у., которыя я посѣтилъ, этой примѣты не встрѣтилось.

Сообщаю нѣкоторыя изъ встрѣчавшихся мнѣ особенностей въ постановкѣ удареній:

Им. существ:

ру́чей Нд. (и по всей губерніи)

воро́та Г.

пива́ (им. мн.) Бз.

кобы́лица Бз.

жи́ла нѣт Зал.
братья́ (им. мн.) Бз.
звѣря́ (род. ед.) ib.
пальцо́в. ib.
на ко́нях Бз.
ко́ней ib.
севóгу(о)ду ib.
за́берёг. Ш.
у берегу́ Бз.

Им. прил. и числ:

временно́й Нд.
крѣпко́й Ш.
жарко́й день. Зал.
крупно́й Вл.
гладко́й Зв.
толсто́й В.
толста́я ib. Ям.
моло́дъ Бз.
сто́истѣе ib.
по́лтора ib.

Мѣстоим:

нико́во. Нд. (и въ большей части губ.)
ничо́во (почти по всей губ.) но —
ничево́ Бз.

Глаголы:

жечи́ Бз.
останови́тся Бз.
напился́ У.
поло́жилъ Бз.
пада́ет ib.
несете́ Бз. не продадите́ ли ib.
хотитѐ, дадитѐ Ч.
можно́ М.

Нарѣчіе:

тёпло Нд.
глубóко гв.
бы́стро Э., но иногда—быстрó Нд.
хóлодно Г.
дужó Зал. [1]).

По отношенію къ *формамъ* въ новгородской губерніи мнѣ встрѣтились слѣдующія особенности, большая часть которыхъ находятся впрочемъ и въ другихъ частяхъ сѣвернаго нарѣчія.

Въ формахъ склоненія именъ существительныхъ самая рѣзкая особенность — это извѣстное смѣшеніе дательнаго падежа съ творительнымъ: с дровам, с верёвкам Нд.; лошадьмы, людьмы, (дат. п.) Э. и. т. п. Это смѣшеніе обще всей новгородской губ. Рѣже слышится оно на СВ. (кириловскій и бѣлозерскій) уѣзды, хотя имѣетъ мѣсто и тамъ: спинам(и) Бз. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ губ. такое смѣшеніе слышится постоянно. Мѣстами суф. дат. п. служитъ и для дат. и. для твор., мѣстами же суфиксы этихъ падежей взаимно мѣняются ролями. Непонятно для меня происхожденіе этой особенности, причина возникновенія и существованія ея. Возобладаніе одной формы надъ другими и уподóбленіе ей этихъ другихъ формъ — явленіе общее, замѣчаемое въ жизни всѣхъ языковъ. Но какъ объяснить то, когда двѣ формы сохраняются въ языкѣ, но смѣшиваются?

Иное дѣло смѣшеніе дат. ед. ч. съ родит., имѣющее также мѣсто въ новгородскомъ: к сестры Нд. В.: здѣсь одна форма ассимилирована другой: суф. род. употребляется въ дат., но не на оборотъ.

Имена съ суф. *к* (ьк) мѣняютъ конечное *а* на *о* и склоняются,

---

[1]) Названія городовъ имѣютъ слѣдующія ударенія: Крéстцы, Борови́чи, У́стюжна, Черéповецъ.

какъ имена средняго рода: батюшка, к батюшку и т. д. Бз. и др. мѣста. Прилагательныя и мѣстоименія, относящіяся къ такимъ существительнымъ, согласуются съ ними не по грамматическому ихъ окончанію, а по смыслу.

Но прилаг. и мѣстоименія, относящіяся къ именамъ муж. р., оканчивающимся на *я*, иногда согласуются съ ними по окончанію: мировая судья Кр., Бх.

Слово день склоняется мѣстами по темѣ на *и*: к завтрашнему дни Бз.

По темѣ на *и* склоняется и слово—олень, употребляемое въ ж. р.: олени (р. п.) и т. д. Бз.

Имена съ суф *ин-ъ* имѣютъ въ им. п. мн. ч. окончанія *е* и *а*. Разность окончаній условливается кажется разностью удареній: бо́яра—боя́ре Бз.

Слово рожь мѣстами переходитъ въ тему на *а*: ржа Ор. (но ib. и рожь.)

Собирательная форма отъ рожь — ржева́, отъ лён — льнева́ (сообщ.), или отъ рожь—ржище В., отъ овёс—овсище ib.

Въ согласномъ склоненіи нѣкоторыя имена съ суф. *мя* въ род. мн. ч. оканчиваются на *ян* вм. *ен* (ен—е): сѣмян Б.

Имена собирательнаго значенія, оканчивающіяся на *ья*, имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: зятья́, братья́ Бз., какъ князья и т. п.

Йотъ именительнаго падежа такихъ формъ удерживается и въ косвенныхъ: князье́й, зятье́й и т. п. Бз.

Слово пиво употребляется и во мн. ч., съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: пива́ Бз.

Во мн. ч. употребляются и нѣкоторыя другія имена (въ смыслѣ нарѣчій), которымъ такое употребленіе не усвоено въ литературномъ языкѣ: вмѣстя́х Рам. вмѣстяхъ Зал. на воля́х (свободно) Кс.

Въ словѣ Новгородъ склоняются обѣ половины слова: Новагорода и. т. д. Нд. Т.

Нѣкоторыя имена существ. муж. р. употребляются въ жен-

скомъ: эта олень Бз., вреда(ъ) ib., бѣлояровой пшены ib.; ужина готова У. Бз.,

Прилагательныя имена въ им. ед. оканчиваются большей частью на *ой*: доброй и т. п. (см. прилагаемыя пѣсни и сказки.)

Въ род. ед. неизмѣнно является *ово*: доброво, широково (см. ib. [1]).

Во мн. ч. им. п. оканчивается на *ыи*, *ые*, *іе*, при чемъ роды не различаются (см. ib.)

Иногда въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ прилагательныхъ вмѣсто полнаго окончанія ставится краткое: солова кобыла Ен. которо ibid.

Удлинненныхъ формъ прилагательныхъ (на *ою* вм. *ой* и т. п.), которыя такъ обычны въ пѣсняхъ и былинахъ, въ живой рѣчи народа, я, какъ и слѣдовало ожидать, не встрѣтилъ [2]).

Мѣстоименіе *тот*—въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. имѣетъ *ы* вм *ѣ*: тыхъ Т.

Обѣ въ род. пад. (вѣроятно и въ прочихъ) представляетъ стяженіе звуковъ: обѣх Нд., но—обѣихъ Э. Бр.

Вм. притяжательныхъ мѣстоименій его и ея употребляются формы: евоной Нд. ейный Зм.

Въ мѣст. иной—*н* удвоивается: и́нной Бз.

Отъ род. пад. мѣстоименій *кто* и *что* образованы уменьшительныя формы: никимкоушки. В. ничо́вушки) Мтв.

нѣ, сложное съ который, кой, можетъ быть отдѣляемо отъ нихъ предлогами: нѣ въ коемъ (см. прилагаемыя сказки.)

Мѣстами сохраняются старинныя формы мѣстоименій лич-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ Новг. Сборн. встрѣчается въ р п. прил. и ого и даже аго (вып. IV, с. 92.). Это значитъ лишь то, что пѣсни или записаны, или напечатаны дурно.

[2]) Въ Выксинскомъ приходѣ Череп. у., какъ видно изъ Новг. Сб. (в. V, 39), употребляется удлинненное окончаніе въ тв. п. ед. ч. и въ дат. мн. въ прилагательныхъ: бѣлыем платкомъ, сухіем дорогам. Судя по примѣру: не приходитцы молодыем робятам по уличѣ шататьцы,—это особенность не пѣсенная. Цитованное мѣсто, замѣчу кстати, чуть ли не единственное во всѣхъ пяти томахъ Новг. Сб., дающее указаніе на особенности говоровъ губерніи.

наго и возвратнаго: про ся робота Г. (отвѣтъ на угощеніе; смыслъ: о себѣ помнимъ, себя не забываемъ), тя Бз. Таже форма и въ род.: у тя ib.

Въ глагольныхъ формахъ стоятъ вниманія слѣдующія особенности.

Вспомогательный глаголъ *быть* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. употребляется мѣстами въ формѣ — е Г. Кр. (въ послѣдней мѣстности такое употребленіе уже изчезаетъ.)

Та же форма на значительномъ пространствѣ губ. произносится: есте В. Б. У. (и уѣзды этихъ городовъ.) Это единственный замѣченный мною въ новг. губ. случай слѣда глухаго звука въ окончаніи. Мѣстами конечное *е* этого слова произносится почти какъ я (ä): естя Крц.

Глаголы *ѣсть* и *дать* хранятъ мѣстами старинныя формы— ѣси Мтв. Ч. даси Ч. Бз.

Глаголъ одѣть имѣетъ въ повелительномъ наклоненіи форму, образованную отъ удвоеннаго корня *дед*: одежи Ив.

Въ 3 лицѣ ед. ч. глаголовъ наст. вр. окончаніе всегда *т*, никогда *ть*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это окончаніе отбрасывается: идё Э. кося Г. ён ба(ет) ib.

Въ двухъ мѣстностяхъ слышалъ я форму 3 лица съ окончаніемъ на *та*: идёта Э. летита Г. [1]). Эта форма принадлежитъ къ числу изчезающихъ.

Въ Э. она хранится лишь въ нѣкоторыхъ семьяхъ, да и въ тѣхъ не всѣ члены употребляютъ ее.

Говорящіе идёта и т. п., не скажутъ идётъ и т. п., но безразлично употребятъ: и идёта и идё.

Происхожденіе этой формы не ясно для меня. Безъ сомнѣнія однако она не коренится въ древней фонетикѣ и въ *а* окончанія *та* нельзя, разумѣется, видѣть замѣны древняго глухаго. Вѣроятно, форма эта вызвана стремленіемъ вокализовать окон-

---

1) Въ Бронницахъ, къ которымъ отнесъ эту особенность Даль, ея не оказывается. Впрочемъ Эстьяны отъ Бронницъ всего въ двухъ верстахъ.

чаніе. Но если и такъ, то все же остается вопросъ — почему этой цѣли служитъ звукъ *а*?

Глаголы съ окончаніемъ неопр. накл. на *ч*, = г + т (и), к + т (и), не отбрасываютъ конечнаго *и*: жечи́ Бз. толчи́ ib.

Будущее время употребляется въ сложной формѣ — изъ неопр. н. спрягаемаго глагола и *буду*—вмѣсто формы совершеннаго вида, равной по окончанію настоящему времени: не отвинтить будет Л.

Сложныя формы прошедшаго времени—изъ прош. вр. вспомогательнаго глагола и дѣепричастія прошедшаго спрягаемаго: онъ был ушодци, был вставши и т. п. — постоянно слышатся по всей губерніи.

Въ *словообразованіи* именъ мнѣ встрѣтилась лишь одна особенность: употребленіе въ прилагательныхъ суффикса *йк* (и слѣдовательно *ък*) вмѣсто *йн:* знойко Бз. (ср. болько Ол. г.).

Въ глаголахъ—словообразовательныхъ особенностей много.

Тема на *и* употребляется иногда вмѣсто темы на *а:* розгонил Бз.,

и вмѣсто темы на *ну:* обманился Ш. расшатилися Бз.

Тема на *а* вм. темы на *я:* дыхать Нд.

Вмѣсто той же темы *я* иногда тема *ов-а:* не обидуйся Мтв.

Есть случаи уравненія темы неопр. накл. съ темой наст. вр: розгонил Бз. Сюда же относится, какъ то выше замѣчено, сясть.

Форма—наложаютъ Бз. или указываетъ на образованіе неоконч. вида отъ формы совершеннаго или предполагаетъ существованіе, — теперь или прежде — формы лажати.

Въ словѣ — зажгено Зал. — причастная форма прош. вр. образована какъ бы отъ темы настоящаго.

Въ причастіи страдательномъ прош. вр. нѣкоторыхъ глаголовъ вмѣлто суффикса *тъ* является *нъ*: взяно Пр.

Встрѣчается изрѣдка безпредложное употребленіе глаголовъ,

въ литературномъ языкѣ слитыхъ съ предлогами: сидим Бз. (= посидим).

Вѣроятно стремленіемъ къ уравненію въ звуковомъ отношеніи различныхъ формъ слѣдуетъ объяснять употребленіе *е* вм. *о* въ — ле(о)жись Бз., лежится Ив. Б.

Глаголъ — вынуть — я постоянно слышалъ въ правильной формѣ — вынять Бз. (= ложится).

Накопленія предлоговъ при глаголахъ, столь обычнаго въ языкѣ пѣсенъ (вос-про... за-у... и т. п.) въ живой рѣчи народа я конечно нигдѣ не нашелъ. Слышалъ впрочемъ одинъ подходящій сюда примѣръ: исполадь (устрой) Мтв. [1]).

Относительно *синтаксиса* я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго въ живой рѣчи народа. Кое-что, впрочемъ, можно извлечь относительно народнаго синтаксиса изъ прилагаемыхъ сказокъ: записывая ихъ, я старался сохранить пріемы и обороты рѣчи разсказчика.

Различныя мѣстности Новгородской губерніи (какъ вѣроятно и многихъ другихъ) отличаются одна отъ другой по отношенію

---

[1]) Со стороны словообразованія стоятъ вниманія многія собственныя имена, названія мѣстностей въ Новгородской губ. Приведу здѣсь нѣкоторыя изъ такихъ названій.

Горыни, Воротыни—образованы, кажется, также какъ древнія—рабыни, пустыни и т. п.

Велегощи напоминаетъ: худощи, лѣнощи и т. п.

Часто встрѣчаются сложныя имена древняго образованія: Люболяды, Ладоміръ, Вѣщозеро и т. п.

Имена, сложныя съ предлогомъ *за*, постоянно оканчиваются на *ье:* Залужье, Заключевье, Залѣсье, Замостье, Замошье, Заболотье, Заказарье и т. п.

Мѣстныя названія Новгородской губ. интересны впрочемъ не со стороны только языка, но и въ отношеніяхъ топо- и этнографическомъ.

Имена многихъ селъ и деревень повторяются какъ названія городовъ и селъ въ разныхъ краяхъ Россіи: Кіино, Витебско, Большая и Малая Велички, Шуя, Вятцы, Подолъ, Коростыня (ср. Коростень) и т. п.

Не лишены, конечно, своего значенія и такія имена, какъ Гридино, Смердячъ, Туриново, Тугариново, Заказарье, Ванда — село, Вандица — рѣка и т. п.

къ языку не только со стороны фонетики и формъ, но нерѣдко и особенностями лексическими.

Нѣкоторыя мѣстности имѣютъ свои особенныя слова, не употребляемыя въ другихъ, даже ближайшихъ къ нимъ. Такъ въ П. в. К. у. (если вѣрно сдѣланное мнѣ сообщеніе,—самъ я въ этой волости не былъ) есть слово — *изуфренно*, имѣющее значеніе — превосходно и неизвѣстное въ другихъ пунктахъ того же уѣзда.

Одному и тому же мѣстному слову въ разныхъ уѣздахъ придается иногда различное значеніе. Такъ слово борокъ въ В. значитъ кладбище, а въ Бх. У. у.—бусы, монисты; окрутить—въ Ст. Р. у. значитъ вообще снарядить, а въ Бз. только—повязать голову.

Наконецъ есть и такія мѣстности, въ которыхъ обще-русскія слова употребляются кромѣ прямаго ихъ значенія еще въ особенномъ. Такъ въ Бр. я слышалъ выраженіе — лошадь *прошла* — въ смыслѣ: лошадь пала, околѣла. Въ Г. говорятъ привелъ вм. привезъ и обратно (батюшка, говоритъ мужикъ священнику, отслужи панихиду: я мертвеца *привелъ*). Въ Ям. я слышалъ слово — *нѣсколько* въ значеніи очень много; въ В. и Нд. слово *преданіе* въ смыслѣ вещественныхъ остатковъ старины.

Мѣста, близкія къ Ильменю, хранятъ много старинныхъ словъ. Въ Г. я слышалъ въ живомъ употребленіи слова: пѣстовать, челядь, довлѣть.

Особенныхъ мѣстныхъ словъ у меня, за время переѣздовъ по Новгородской губ., накопилось много; но провѣрка записаннаго по словарю Даля значительно уменьшила число ихъ[1]).

Въ нижеприведенномъ спискѣ особенныхъ словъ Новг. губ. я удержалъ однако не тѣ только слова, которыхъ у Даля не оказалось (такихъ очень немного), и не тѣ только, которыя я слышалъ не въ томъ значеніи, какое имъ придано у него; но и тѣ,

[1]) Провѣрка эта вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не показать мнѣ ясно, какой важный трудъ имѣемъ мы въ словарѣ Даля и какого довѣрія этотъ словарь заслуживаетъ.

мѣсто употребленія которыхъ у него не обозначено; равно, наконецъ, и тѣ, которыя отмѣчены имъ, какъ употребляющіяся только на востокѣ, или югѣ, или западѣ.

Въ спискѣ этомъ только часть такихъ словъ, которыя я слышалъ самъ въ живомъ употребленіи; многія слова внесены въ него на основаніи сдѣланныхъ мнѣ различными лицами сообщеній. Лексиконъ — это единственная сторона языка, по части которой мнѣ были полезны мѣстные жители.

Слова, сообщенныя мнѣ даннымъ лицемъ, я старался провѣрить — или на мѣстѣ употребленія ихъ, или черезъ распросы другихъ лицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда провѣрка не могла быть сдѣлана, я при словѣ ставлю сокращенное обозначеніе фамиліи лица, отъ котораго его слышалъ [1]); или—когда указаніе на лицо было бы безполезно — отмѣчаю (*сбщ*), т. е. сообщено.

Изъ лицъ, дѣлавшихъ мнѣ сообщенія, я нужнымъ считаю упомянуть здѣсь съ признательностью — протоіереевъ: Богословскаго [2]) и Полетаева, Н. Ал. Дубинина (валдайскій купецъ, членъ новг. статист. комитета и Императорскаго Минералогическаго Общества) и Ф. Ф. Пардалоцкаго (бывшаго штатнаго смотрителя валдайскаго уѣзднаго училица)

Послѣдній обязательно передалъ мнѣ цѣлую тетрадь, заключавшую собраніе мѣстныхъ боровицкихъ словъ. Словъ въ этомъ сборникѣ было до сотни. При провѣркѣ ихъ Словаремъ Даля оказалось однако нужнымъ удержать изъ нихъ не болѣе 10 — 15. Ниже они помѣщаются съ отмѣткою (Пр.).

---

[1]) (Б.) значитъ Богословскій.
(Пл.) » Полетаевъ.
(Д.) » Дубининъ.
(Пр.) » Пардалоцкій.

[2]) Секретарь новгор. статист. комитета, редакторъ Новг. Сборн. Его совѣтамъ послѣдовалъ я въ общемъ направленіи своего пути по Новгородской губерніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. СЛОВА, СОБРАННЫЯ М. А. КОЛОСОВЫМЪ ВЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

В.

Баско — хорошо Бз.

Батулька — сказка, прибаутка Зм.

Бахилы — родъ калошъ, мужскихъ башмаковъ съ красною по верху оторочкою Брв.

Богомолье — сговоръ Бз.

Бóжка — нянька П. в. (сбщ.).

Борина — отмель на рѣкѣ С.

Бредá — кора ракиты В.

Борок — кладбище В., 2) бусы, манисты Бх. (сбщ.).

Бруснуть — отбивать головки льна В. у. (Д.).

В.

Вар — 1) смола для смазки колесъ, 2) горячая вода, но не всякая, а именно та, которая употребляется при печеніи баранокъ. В. (Д.).

Вéльги — покосъ на болотистомъ мѣстѣ У. у. (сбщ.).

Верещага — яичница — глазунья Н. у. В. у. Д. у.

Веснуха — весенняя лихорадка Г.

Вехоть — мочало для мытья половъ К.

Витчина -- вѣтвь (Б.) Н. у.

Водолив = коренной Бз.

Выть (муха воёт) Э.

Выскать (или Выскадь?) — сгнившее дерево В. Бх.

Вѣстúмо (уму не —) Бз.

Вякать (кошка вячит) Э.

Г.

Глажú — морошка Брв.

Глушить рыбу Бз.

Глыза и глызка — груда, комъ земли Г. Рам.

Глызобойка — молотъ, которымъ разбиваютъ глызы Рам.

Голуби́ца } родъ черники Брв.
Гоноболь }

Д.

Деряба — вздорливый, сварливый Брв. (Пр.).

Долонись — третьяго года Ч. у.

Дубо́м — вертикально Крц.

Дянки см. у Даля дѣянки Брв. Ст. р.

Ж.

Живушник — срубъ, служащій садкомъ для рыбы Ям.

Жито — ячмень В. у. Б. у.

З.

Заберёг — прибрежная вода по льду Ш.

Забирщик — торговецъ, закупщикъ товару на мѣстѣ производства В. (Д.).

Закутать — запереть Бх. Ч. у. К. завертывать Брв. (Пр.).

Заплав см. у Даля за́плавь Нд.

За́тони — лодки, слѣдующія за тонями Зв.

Зима́рь — самый холодный вѣтеръ К.

Знимать — унимать Брв. (Пр.).

Знойко — знойно Бз.

И.

Изневѣсть — нечаянно В.

Изуѳренно — превосходно П. в. (сбщ.).

Истёханный В. } см. у Д. истоко́нный.
Истёхонный В. }

Источница — источникъ, ключъ В.

К.

Кавы — столбики, къ которымъ привязываются лодки Нд.

Ка́лика — брюква Бх.

Ка́рзин — подполье В. у. (Д.).

Кастить — пачкать, марать Бз.

Кеп } цѣпъ Г.
Кепец }

? Кера — липкій, мокрый снѣгъ Бз. (сбщ.).

Кержанки (ложки —) — кленовыя ложки Бз.

Кій — большой деревянный молотъ Г. (П.).

Кіюра — молотокъ меньшаго размѣра (глызобойка) Г.

Клеч — родъ коромысла К. (сбщ.).

Кляч — обрубокъ дерева Кр.

Ко́кила — крюкъ, поддерживающій потокъ (желобъ) Брв. (Пр.)

Колобъ — 1) непомазанная творогомъ ватрушка В., 2) выбойки изъ масла, — разведенные въ водѣ служатъ пойломъ для скота Бх.

Кокора — дерево съ корнемъ клюкою, съ колѣномъ (Даль) Бз.

Кокорка — ватрушка П.

Кошушник = забирщик В. (Д.).

Корёжить — мять, ломать Э.

Костолон — сарафанъ съ косыми клиньями Бз. (сбщ.).

Коренной — работникъ на судахъ, тоже что водолив — отливающій воду Бз.

Кра́сная доска (у барки) Брв. см. у Даля.

Крылошане — духовенство Брв. Кр.

Кружалка — ватрушка Ив. Б.

Крянуться — тронуться, двинуться В.

Кувалда — большой желѣзный молотъ Г.

Кукка — пирожокъ изъ ржаной муки П.

Куриш — индюкъ У. [1]).

Л.

Ладиться — собираться, намѣреваться Э.

Лекало — форма для литья колоколовъ В.

Лисица — исподняя жердь въ повозкѣ.

---

[1]) Мальчики, гоняясь за индюкомъ, поютъ:

Куриш, Куриш не богат,
Нѣту каменных палат,
Курица богаче.

Листопáдина — осенняя лихорадка Г.
Ловец — рыбак Г.
Лойной дождь — проливной Брв.
Лучить рыбу см. у Даля. Пр.
Любовать — разсматривать В.

М.

Малёнка — мѣра К.
Малехтенный В. } очень маленькій.
Малехотённый Брв. } очень маленькій.
Миляш — любовникъ Брв. (Пр.), К.
Могилёк — кошелекъ Бз. [1]).
Морёные уголья — затушенные, а не залитые В. (Д.).
Мурать — дразнить Ив. Б. К.
Мутникъ — родъ невода Бз.
? Мыргас — самый мелкій дождь Ч. (сбщ.).
Мыт — поносъ Н. у.
Мягкая погода — дождливая погода Кор.
Мямли́на — слабый, плохой лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ Брв.

Н.

Налить ягодъ корзину — наполнить ее ими Г.
Нáпольно, нáпольное мѣсто — ровное, безлѣсное Э.
Небесный цвѣт — синій, голубой Зв.
Небозжинки во рту не было — ни крошки Брв. (сбщ.).
Независтный — незавидный Зал.
Некореный лѣс — неочищенный отъ коры К. в. (сообщ.).
Ником коушки — ровно никого В. [2]).

О.

Обжарка — яичница съ запеченымъ хлѣбомъ Бз.
Обиходовать — умѣть управляться съ чѣмъ Брв. (Пр.).

---

[1]) Это слово почти вышло изъ употребленія; можно его слышать только отъ нѣкоторыхъ старухъ.

[2]) Въ Бз.: ником ково

Обогнуться — укрыться одѣяломъ У. у. Ч. у.

Оководничать: что тебѣ не молчится? Зачала́ оководничать. Бз.

Окобрить } замерзнуть: руки окоркли В. (сбщ.).
Окоркнуть }

Окорить лѣсъ — очистить отъ коры К. в. (сбщ.).

Опакиш. См. у Даля. Нд.

Остречёк — мелкая рыба изъ породы окуня Зв.

? Опоряк — понялъ Г. (П.).

Остатній — послѣдній З. Мр.

Отурить барку Брв. см. у Даля.

Обрядиться — убраться съ домашней работой Брв. (Пр.).

Обузовать — обуздать Брв. (Пр.).

П.

Па́возки — мелкія суда Брв.

Папошник — бѣлый хлѣбъ Брв.

Погоня — рыбацкія лодки, слѣдующія для лова за уносимымъ теченіемъ льдомъ Бз.

Погонялка — кнутъ Бз.

Подсѣки — вырубленный лѣсъ У. у. (сбщ.).

Полулодка — родъ судна Нд.

Помахивать — походить Г.

Порсок — мѣсто въ печи, куда загребаютъ уголья В. (Д.).

Посад — свадебный столъ (передъ вѣнцомъ), за которымъ никто ничего не ѣстъ Бз.

Правиться — оправдываться Бз.

Праздницкое — село, гдѣ храмовой праздникъ и самый день праздника Н. у.

Прибатуривать — говорить побасенки, присказки З.

Прибатурочка — присказка Бз.

Привоза — рукоять цѣпа Г.

Присиживать вамъ! привѣтствіе сидящимъ Г.

Притка б тя взяла! В. (Д.).

Пришва — родъ пресса для капусты В. (Д.).

Пута см. у Даля — путце Г.
Прѣснушка — ватрушка Ив.

Р.

Разить — тащить: разилъ-разилъ бревно не въ моготу стало. Брв. (Пр.). — (Не рубить ли?)
Райда — ива. П. в. (сбщ.).
Рёкать (о свиньѣ) Бз. (сбщ.).
Рель — поемный лугъ Нд.
Рёлка — сѣнокосъ В. (Д.).
Ржева — собирательное отъ рожь Н. у. (Б.).
Ржище — поле, засѣянное рожью Г. (П.).
Рог, Рожок — отлогій мысъ В.
Рогулька — ватрушка Ив.
Роднѣть — причитаться къ кому въ родство: онъ къ тебѣ дюже близко роднѣетъ Брв. (Пр.).
Ростуриться — собраться съ средствами Брв. (сбщ.).
Рудовый лѣс — крѣпкій, красный лѣсъ, противоп. мямлинѣ Брв.
Руси см. у Даля. К. Бз.
Рыбак — продавецъ рыбы Г.
Рюхи см. у Даля. Нд.

С.

Самохотка — дѣвушка, спознавшаяся съ парнемъ до вѣнца Ив.
Сгибни — поклоны во время стоянья Маріи Египетской К. (сбщ.).
Сдобляться — собираться К. Бз.
Сильно — хорошо Ив. (сбщ.).
Слаз см. у Даля. В. Брв.
Слютить — соскучить. Н. у. (мѣстами). В. у. (Д.).
Слебовать — лакомиться, пользоваться великаго рода удовольствіями: были отъ отца оставшись деньжонки, да всѣ прослебовалъ. Брв. (Пр.).
Смыкать платье — износить В.
Солотина — болотина — топкое мѣсто Брв. (Пр.).

Сопка — горка Н. у. Д. у. В. у.

Сопилка — нижеколѣнная часть ноги. Г.

Сороковать — толковать, разговаривать Брв. (Пр.).

Спорынья́ — прибыль, избытокъ: «Спорынья́ въ тѣстѣ!» — привѣтствіе приготовляющимъ тѣсто. Отвѣтъ: «сто рублей въ мошню!» или — «здоровье въ голову!». Брв. (Пр.).

Спрошенни́ца — невѣста Бз.

Спытай — узнай Мр.

Сто́истѣе — крѣпче, прочнѣе Бз.

Стойщик — содержатель станціи У. Ч.

Столе́чник см. у Даля. Брв. (Пр.).

Столечница см. у Даля. Брв. (Пр.).

Степенный житель — коренной, не пришлый П.

Стырь — колъ, вбиваемый въ кадку съ капустой Брв. (сбщ.).

Сука — поплавокъ при якорѣ Гр.

Сульчина — ржаной блинъ, намазанный молочной кашей съ коровьимъ масломъ и свернутый колбасой В. у.

Супротивный пирог — блинчатый пирогъ Ив.

Сумачей — разпощикъ В. (Д.).

Сучья — вырубленный лѣсъ. Сомино Ч. у. (сбщ.).

*Сухмень — мѣста — въ рѣкѣ или въ озерѣ — поросшія трестою (глубиной нъ нѣсколько аршинъ) Бх.

Сѣннуха см. у Даля Нд.

Сяза см. у Даля шугъ. Бз.

Т.

Та́йбола — лѣсъ К. в. (сбщ.).

Талое мясо — мягкое, нѣжное Н. у. (Б.).

Трунье — тряпотье — ветошь Бз.

Тягушка — обрубокъ дерева въ формѣ бутылки съ прорѣзомъ на одной изъ широкихъ сторонъ. Тягушкой тянутъ паромный канатъ, на который она накладывается прорѣзомъ. Ш. [1])

---

[1]) У Даля тягушки — теплыя рукавицы. Въ такомъ значеніи этого слова я не слыхалъ.

У.

Уключины см. у Даля. В.

Улямить } замарать что въ грязь Брв. (Пр.).
Улюхать }

Умоскотать — уторговать Брв. (Пр.).

Унжак см. у Даля унженка. Бз.

Упакать — 1) угодить: на него не упакаешь Д., 2) поспѣть: до дождика упа́кали Бх.

Упетлять — опутать, обвязать Рк.

Утильный — крошечный Брв. (сбщ.).

Ф.

Фата́ см. у Даля. К. Бз.

Х.

Хворост — зажаренные на маслѣ завитки тѣста, пряженцы Ив. Б. [1]).

Хананыга } праздношатающійся Брв. (Пр.).
Хандрыга }

Хвостать — бить кнутомъ, прутомъ Бз.

Хлыщик — кнутъ Бз.

Ходовая вода — текучая Бз.

Ч.

Чардак — 1) этажъ Бз. 2) щели на льду Бѣлаго озера Бз. [2]).

Чвелочка — щелочка Ив. Б. [3]).

Чернолѣсье — лиственный лѣсъ Н. У. (Б.).

Череп (у барки) см. у Даля Брв.

Числяне — гости на свадьбѣ Брв. (сбщ.).

---

[1]) Въ П. в. роги (сбщ.).

[2]) Ежегодно зимою на этомъ озерѣ съ трескомъ и гуломъ ледъ мѣстами раскалывается. Кажется, чардакомъ называются не только образующіяся послѣ того щели, трещины, но и время ихъ образованія и процессъ его. Говорятъ: чардакъ прошелъ. Я не могъ опредѣленно выяснить себѣ то понятіе, которое у мѣстныхъ жителей соединяется съ этимъ словомъ.

[3]) Слышалъ только разъ.

Чиверить, чиврить — имѣть на тѣлѣ много струпьевъ Брв. (Пр.) [1]).

Ш.

Шабала́ — голова гагары П. в. (сообщ.).
Шамга — толпа дѣтей Брв. (Пр.).
Ша́вань — толпа дѣтей; бранное слово Брв. (Пр.).
Шавить — бредить П. в. (сбщ.).
Шано́ра — мелкая гагара П. в. (сбщ.).

Я.

Яровище — поле, засѣянное овсомъ Г. (П.).

---

2. ПѢСНИ И СКАЗКИ, СОБРАННЫЯ М. А. КОЛОСОВЫМЪ ВЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Новгородская губернія, на сколько я знаю ее, — одна изъ бѣдныхъ данными народной поэзіи.

Былинъ въ ней нигдѣ не поютъ. О богатыряхъ, не исключая и новгородскихъ, не знаютъ даже по слуху. Сказочники рѣдки. Старинныя пѣсни ограничиваются кругомъ свадебныхъ. Повседневная же пѣсня большею частью нова по времени своего происхожденія, безцвѣтна по своему содержанію, и нерѣдко представляетъ сцѣпленіе и путаницу различныхъ мотивовъ.

Опредѣляя такъ состояніе народной поэзіи въ новгородской губерніи, я, конечно, заключаю отъ извѣстнаго мнѣ къ неизвѣстному. А неизвѣстнымъ осталось мнѣ въ этомъ отношеніи многое. Думаю однако же, что большее накопленіе данныхъ не привело бы меня къ инымъ заключеніямъ. Бѣдность народной поэзіи въ этой губерніи условливается характеромъ народной жизни, бойкимъ ходомъ ея. Населеніе губерніи, большею частію, промысло-

[1]) Это не особое слово: оно явилось изъ чирвѣть (отъ чирей) вслѣдствіе звуковой перестановки.

вое. Ловля рыбы, сплавъ лѣса, работы на судахъ, кузнечный промыселъ—занимаютъ значительное число рукъ. Извѣстно, что въ средѣ такого населенія (поддавшагося при томъ на столько вліянію городовъ, что во многихъ селахъ не отличить по внѣшности крестьянина отъ горожанина—мѣщанина) не можетъ долго и въ чистотѣ храниться завѣщанный отцами поэтическій матеріалъ. На забвеніе его за послѣдніе годы по видимому оказали вліяніе и школы. Изъ школъ прошли въ народъ нѣкоторыя стихотворенія художественной литературы. И тамъ, гдѣ крестьяне поютъ «Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ», или «По синимъ волнамъ океана», понятно, трудно разсчитывать на богатую поживу по части народной поэзіи.

Изъ прилагаемыхъ пѣсенъ, по отношенію къ внутреннему достоинству ихъ, сто́ятъ вниманія свадебныя пѣсни г. Бѣлозерска. Онѣ отличаются и цѣльностью содержанія и поэтическими частностями. Того же характера и пѣсня № 6-й (тоже свадебная), записанная въ Валдаѣ.

Изъ остальныхъ, № 1 представляетъ собою образчикъ новой, рифмованной народной пѣсни. Тоже стремленіе къ рифмѣ замѣчается и въ пѣснѣ № 2. Первая половина ея видимо сложена недавно (по случаю на́бора 64-го года); вторая—это прицѣпка изъ другой пѣсни. Смѣшеніе различныхъ мотивовъ представляетъ и № 4.

Прилагаемыя сказки, независимо отъ ихъ содержанія, могутъ имѣть свой интересъ по отношенію къ языку: я старался записать ихъ слово въ слово[1]). Тѣ мѣста, которыя я передаю не дословно, заключены въ скобки. Содержаніе послѣдней сказки возстановлено мною по конспекту. Сказочникъ спѣшилъ, передавая ее. Онъ сознавался, что значительно сокращаетъ ея содер-

[1]) Такъ онѣ и записаны: слово въ слово, но не рѣшаюсь сказать: звукъ въ звукъ. При перепискѣ я съ сомнѣніемъ остановился на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Желаніе записать сказку полно, сохранить всѣ особенности фразы, иногда отвлекало мое вниманіе отъ звуковой стороны словъ. Быть можетъ, поэтому, кое что (весьма однако немногое) передано мною въ звуковомъ отношеніи и не вполнѣ вѣрно.

жаніе. Но замѣчательно: урѣзывая въ ней для сбереженія времени существенныя части, онъ не могъ избѣжать эпическихъ повтореній.

Прилагаемымъ описаніемъ свадебныхъ обрядовъ устюженскаго уѣзда ростороповской волости я обязанъ просвѣщенному вниманію тамошняго землевладѣльца г. Колюбакина. Онъ сдѣлалъ мнѣ письменное сообщеніе о томъ, что было имъ въ этомъ отношеніи замѣчено.

ПѢСНИ.

1.

На путях желѣзны шины,
По путям летят машины, —
Не на пары, — на парах, —
Посмотрѣть — так, право, страх!
Мѣсто — чудо просвѣтилось, —
Там диковинка явилась:
Там на мѣстѣ на пустом
Вырос вдруг огромной дом,
По державѣ волѣ царьской —
Вырос дом огромной барьской —

(Записана мною отъ молодой крестьянской дѣвушки въ селеніи Звадъ, въ домѣ священника).

2.

Въ шестьдесят четвертой год
Припечалился народ:
Царь записочку пришлёт;
Царь записочку такую
Про солдатчину большую.
Назначены дѣла
Отъ великово царя,

Главно дѣло — писаря́.
Писаря́ но́чи не спали —
Своё дѣло исполняли;
Закричали во весь рот:
Собирай народ на сход!
Собралось народу тѣсно [1])
Во присутственное мѣсто;
Наѣзжает Соловьев [2])
Для исправности дѣлов;
Для таких болѣ дѣлов —
Для подъёму жеребьёв.
Братцы жёребья метали,
Отцы плакали — рыдали.
Послужить было царю
За Русію за свою!
Ты Расея ли Расея,
Мать расейская земля!
Про тебя, моя Расея,
Широка слава прошла;
Широка и далека,
Про Плато́ва казака.
Платов с пушечки палил,
Повыше лѣсу дым валил;
Далеко пули летѣли
Через синія моря,
Через морюшки-моря
На уланьски острова́.
На уланьском острову́ —
Чуть завижу во дыму —
Воронцов гулял в полку,
Курил трубку табаку.
Для тово больше курил,

---

[1]) *вар.* без(д)на.
[2]) *вар.* Соколов.

Чтобы пьяному быть,
Чтобы пьяному быть,
Посмѣлѣе поступить;
Посмѣлѣй, повеселѣй
Французу голову срубить.
Француз голову повѣсил,
Ево слёзы протекли.
Я со этих то со слёз
Солью царю вѣнец.
И нашей пѣсенкѣ конец.

(Записано тамъ же).

3.

Чево мальчик сгоревался,
Холостой мало гулял?
По неволюшки женился,
Не милýю жóну взял.
Я не буду, я не стану
Во совѣтѣ с нею жить;
Лучше буду, лучше стану
К прежней любушкѣ ходить.
Моя рóдная-милая
Розохотница в лѣс за ягодам гулять[1]).
Она ягод не набрала,
Прогуляла цѣлый день,
День до вечера гуляла.
Пристигала тёмна ночь,
Ночка тёмна пристигала,
Не с кѣм ночку ночевать.
Не успѣла слова молвить,
Ѣде миленькой горой[2])
На лошадкѣ вороной,

[1]) Размѣръ нарушенъ. Пѣсня пересказывалась, а не пѣлась.
[2]) т. е. берегомъ, сухимъ путемъ.

На лошадкѣ, сам без шапки,
Маше правою рукой.

(Записано въ Валдаѣ отъ крестьянки села Едно Александры Демидовой).

4.[1])

Што за рѣчкой был я за Невагою,
За другой рѣчкой был я Перебрагою.
Не полынь травушка в полѣ шатается;
То не травушка шатается,
А уда́лый добрый молодец,
Добрый молодец—молодчик—задуша́ моя,
Мой милый — задуша моя
Мой милый — изсушил меня.
Што на рѣченьки мой милый
Бѣло моетса,
Платком шолковым мой милый
Утираетса.
Мнѣ не жаль платка,
Што платочек мочитса,
А жаль дружка
Што за подлой волочитса,
А мнѣ, дѣвушкѣ, отстать
Прочь не хочетса.
Расхороша жизнь наша боярьская
А служба государева,
Царя Бѣлово—Петра Первово.
Наша служба день до вечера,
Как со ве́чера до полуночи,
С полуно́чи звѣзды с неба сыплются
(не окончено)

(Записано тамъ же и отъ той же).

---

[1]) Ср. у Рыбникова т. III, с. 455.

5.

Соловеюшко ты, мой соловей,
Ой да чернобро́вой (sic!), хорошій ты удалой!
Ой да стань послушай, што я тѣ скажу,
Я словесно, чудесно накажу.
Не пой рано, соколик, по утру́,
По утря́ной по хо́лодной зари.
Ростошнёшенько стало молодцу,
Только я не знаю для ча случилось, почему.
Знаю, вижу — болит серце по ней,
По сударушкѣ дѣвушкѣ своей.
Сударушка моя, дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Вечер был я у тебе —
Не узнала ты мене,
Не узнала ты мене,
Отсылала от себе.
(Записано тамъ же и отъ той же).

6.

По борам, борам, борикам
Увита дорожка ковриком.
Да кто дорожку увивал?
Увивал дорожку Иван-князь
К[1]) . . . . . ходячи́[2])
Дороги подарки носячи́[3]).
Зародились ягодки буйныи.
Брала (*такая-то*) ягодки
Бравше ягодки, вздремнула,
А вздремнувши, пріуснула.
Ѣхал мимо ей Иван-князь, —
Шибнул батажком — не попал;

---

[1]) Имя дѣвушки.
[2]) [3]) *вар.* Хо́дячи . . . . но́сячи.

С доброво коня слѣз — посмотрѣл.
«Ты спи, спи, не убойся:
Не стану тебя будити
Твое серце злобити
Ты не к батькѣ пришла да не к маткѣ [1])
К деверям пришла — к золовкам».

(Записано въ Валдаѣ отъ валдайскаго купца Н. Ак. Дубинина).

Свадебныя пѣсни г. Бѣлозерска.

1.

Ты дитя наше, дитятко,
Наша дочерь сиротская! [1])
(*Такая-то*)!
Уж ты што ходиш не ве́село
И гуляеш не радошно?
Буйная го́лова не че́сана
И руса́ коса не пле́тена
И корона не повязана
Со жемчужной со поднизью! [2])
«Государыня матушка!
Мнѣ к чему веселитися?
Перед кѣм наряжатися?
Как ноче́сь то мнѣ, матушка,
Ноче́сь, государыня,
Не хорош сон — привидился,
Не хорош сон не радошен:

---

[1]) Между этой строкой и предыдущею въ упомянутой книжкѣ о Валдаѣ еще строка:

К свекру пришла ко свекрови.

[1]) Если невѣста сирота, въ противномъ случаѣ вм. сиротская — отецкая.

[2]) Старинное головное украшеніе. Теперь эти два стиха (И корона . . . . со поднизью) замѣняются одним:

И цвѣты не нако́лоты.

Мимо наш-о-т высок терем
Пролетал млад ясе́н сокол,
Как на наш на широ́кой двор
Заѣзжал до́брой мо́лодец,
(*Такой-то*)
Он меня за собой зовёт».
«Ты дитя наше, ди́тятко,
Наша дочерь сиротская!
Прилучай ясна со́кола,
Поѣзжай с до́брым мо́лодцем». —
«Государыня матушка!
Мнѣ прилука ясе́н соко́л,
Лиш разлука доброй мо́лодец, —
Разлучил молоде́шеньку
Мне со батюшком с матушкой
И со всем родом-племенем
И со миленьким подружками, —
Мнѣ всево пуще дѣвицѣ [1]) —
Мнѣ со красной со красотой
И с дѣвичьей вольной волею.

2.

Во полѣ травонька шелковая,
Во этой во травонькѣ ходит олень
Ходит олень — золотые рога (2-жды).
Мимо тут ѣхал Иван-господин,
Иван-господин, свѣт-Иванович.
Махнул оленюшку плёточкою, —
Бѣлая олень возмолилась ему:
Не бей — не стрѣляй, свѣт-Иван господин,
Свѣт Иванович!
Нѣ в кое время сгожусь я тебѣ:

---

[1]) *вар.* мо́лодѣ.

Будеш женится — на свадьбу приду, —
Золотыми рогами весь двор освѣщу,
В горницу взойду — всѣх гостей взвеселю
Болѣе всѣх — твою суженую,
Твою суженую, твою ряженую
(*имя невѣсты*).

3.

При путѣ при дороженькѣ,
При широкой проѣзжей [1]),
Тут стоял нов высок терем.
Што во том ли новом теремѣ
Всѣ покои изукрашены,
И диваны изуставлены.
Как в одной новой горницѣ
Тут стоитъ кровать тесовая
И перина пуховая.
Што на той на кроватичкѣ,
Што на той на тесовой [2])
Спит-лежит [3]) доброй молодец,
(*Такой-то*)
Перед им стоит дѣвица,
Стоит дочерь отецкая [4]).
(*Такая-то*).
Она плачет, как рѣка течéт,
Возрыдает, как быстрая.
Во слезах слово молвила,
Во горючих рѣч говорила;
Назвалá ево по имени

---

[1]) Вѣроятно, при пѣніи — проѣзжеей.
[2]) тесовоей?
[3]) Или — тут лежит.
[4]) Если невѣста сирота, то — дочерь сиротская.

Взвеличала по отечеству:
и (*Такой-то!*)
Уж ты будь мнѣ отец и мать,
Будь защита великая,
Оборона не малая!
Ты буди́ молоде́шеньку
Меня по́ утру ранёшенько,
И учи молодешеньку
Ко уму и ко разуму;
Ко уму и ко разуму
И ко вешму[1]) великому.

(Эти три пѣсни на вечеринкѣ поютъ подруги невѣстѣ).

4.

Как у мѣсяца рога зо́лоты,
У красново солнышка лу̀ны свѣтлыя;
У (*такого-то — имя*) кудри русыя,
У (*такого-то — отчество*) по плечам лежат,
По плечам лежат, —
Бу́ди жар горят,
Буди жар горят, разливаются,
Што за эти ли кудри русыи
Государь ево хочет жаловать
Тремя городам, тремя славными:
Первым городом — славным Питером,
Другим городом — каменной Москвой,
Третьим городом — Бѣлым озером.
В Бѣлозерском ему женитися,
У купца взяти у богатово
Взяти дочерь одинакую,
Взяти умную — разумную,

---

[1]) Пѣвица не знала, что это такое. Можетъ быть слѣдуетъ писать вѣшму изъ вѣщму, вѣчму отъ корня вѣт?

Взяти тихую — смиренную
Черноброву́ю — черноглазую
(*Такую-то*).

(Эту пѣсню поютъ дѣвушки дружкѣ или родственнику жениха три вечера передъ свадьбой).

5.

Не яхонец по горницѣ катался,
Не свачен жемчуг по блюду розсыпался,
Уж как Митрей жениться сподоблялся,
Как Иванович снаряжался.
Ево матушка снаряжала,
Государыня сподобляла;
Хорошо ему кудри росчесала,
Словесно ему наказала:
Ты поѣдеш, мое дитятко, жениться,
Ты со душечкой, со красной со дѣвицей, —
Тебѣ будут дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тебѣ будут невѣсту припѣвати,
Татьяною называти,
Степановной величати:
Не дари-тко ни рублём, ни полтиной;
Подари своим низким поклоном.
Наипаче тово
Поцѣлуй же ево
(Поцѣлуй же её)
(*женихъ и невѣста цѣлуются*).

(Эту пѣсню поютъ на вечеринкѣ, когда ходятъ съ вѣникомъ).

6.

Не было вѣтро́в — вдруг навіяли,
Не было гостей — вдруг наѣхали:
Полон двор коней и карет,

Полная зала князей и бояр.
Подломили зало новое [1]) с колидорами,
Роступили чару зо́лотую со свинистами,
Выпускали соловья в саду моём зеленом.
Росплачется — росплачется (*такая-то*):
Возго́ворит как (*имя жениха*), свѣт (*отчество*):
Не плач, не тужи (*имя невѣсты*), свѣт (*отчество*):
Со́строю я зало новое с калидорами
Со́лью тебѣ чару новую со свинистами;
Я у тебя соловей во саду, молодой в зеленом;
Буду тебя я по у́тру будить,
Уму разуму учить.

7.

От те́рема, суда́рь, до те́рема
Сла́ны ковры — славные бархаты.
Што с по тѣм коврам,
С по тѣм бархатам
Идут попы́ да идутъ дья́коны [2])
По за ими идет да доброй молодец,
С по имени (*такой-то*)
За собой он ведет красну дѣвицу душу́,
С по имени (*такую-то*).
Онъ идет-идет да остановится [3]),
Остановится да слово про́молвит,
Возговорит — про́молвит доброй молодец,
С по имени (*такой-то*):
Уж ты што же (*имя невѣсты*) тихо́ идеш,
Уж ты што же (*ея отчество*) по малу ступае́ш?

---

[1]) Или — сѣни новыя.

[2]) Или —
Идут князья да идут бо́яра.

[3]) Или —
Онъ идет-идет да сам оглянется.

Отвѣт держит красна дѣвица душа,
С по имени (*такая-то*):
От чево́ ту, суда́рь, земля стонѐт?
От яхонту, сударь, лицо горит,
Отъ тебя, мой свѣт-сударь, серцо́ дрожит.
Возговорит-промолвит доброй молодец,
С по имени (*такой-то*):
Стонать землѣ да перестать будет,
Горить лицу да потухать будет,
Дрожать серцу да привыкать будет;
Называть будеш меня по имени,
Величать будеш по отечеству.

8.

Што по тѣм сѣням-сѣничкам,
По частым переходичкам,
Тут ходила — возгуливала
Молодая боярыня,
А свѣт Анна Егоровна.
Во руках она но́сила
А два камня — два яхонта
Два алмазные запонка.
Она сама рѣч гово́рила:
Вы два камня, два яхонта,
Два алмазные запонка!
Полежите малешенько, —
Я схожу ли молодешенька
До столовыя горницы,
Гдѣ сидят князья-бо́яре
И купцы бѣлозерскіе,
Всѣ судьи́ магистрацкіе.
Они сидят — прохлаждаются,
Всѣ жена́ми похваляются.
Как возговори́т мой господин,

Свѣт Михайло Иванович:
У меня ли жена умная,
У меня жена разумная,
А свѣт Анна Егоровна:
До дѣтей она матушка,
До рабов она боярыня,
До сосѣдей сосѣдушка,
До меня ли молода жена,
А свѣт Анна Егоровна.

9.

(Первые пять стиховъ одинаковы съ предъидущею пѣснею).

Она будила — возбуживала
Своево друга милово (*имя*):
Уж ты встань — пробудись мой свѣт:
Отвязался твой добрый конь
От столба — столба точеново,
От кольца золоченово;
Притоптал он весь зеленый сад,
Всю и ка́лину и ма́лину,
Чернослив, сладки яблочки,
Всѣ изумные ягодки. —
Ты не плач, не тужи мой свѣт (*имя невѣсты*):
Наживём с тобой зеленый сад,
Всю и ка́лину и ма́лину,
Чернослив, сладки яблочки,
Всѣ изюмные ягодки.

10.

Што с по рѣчкѣ — рѣкѣ
Што с по рѣчкѣ суде́нце плывет;
Во суденцѣ сидит свѣт (*имя жениха*)
По бере́жку идет молодая боярыня.

Она кличет ево—свово друга милово:
Воротися мой свѣт (2-жды),
Свѣт (такой-то)!
Я вам радость скажу (2-жды),
Я веселье великое:
Я вам сына рожу (2-жды),
Я вам сына со дочерью.—
Это радость менѣ (2-жды)
И веселье великое:
Уж как сын от мене (2-жды)—
Сын замѣна великая;
Уж как доч то менѣ (2-жды)—
Доч мнѣ гостьба любезная.

11.

Отставила лебёдушка,
Отставила лебедь бѣлая
От стаду́ да лебединово;
Приставала лебёдушка,
Приставала лебедь бѣлая
Ко стаду́ да ко сѣрым гусям.
Ее стали гуси щи́пати,
Лебедь бѣлая гигати[1]):
Не щеплите-тко, сѣры́ гуси́:
Не сама я к вам зале́тѣла,
Не своёю охотою, —
Занесло меня пого́дою,
Што погодою—буйны́м вѣтро́м.
Отставала Марья душа,
Отставала Ивановна
От подружок-голубушок;
Приставала свѣт Марья,

---

[1]) Въ Каргополѣ: — крыкати.

Приставала Ивановна
Ко премногим чужим людям [1])
Её стали журить-бранить.
Уж как Марья стала плакати,
Свѣт Ивановна ту́жити:
Не браните-тко чужи́ люди:
Не сама я к вам заѣхала,
Не своёю охотою, —
Завезли меня добры́ кони,
Добры кони (*такого-то*).

(Пѣсни 6—11 поются на дѣвичникѣ. 8, 9 и 10 — родственникамъ невѣсты и жениха, 11-я невѣстѣ. Этою пѣснею заканчивается дѣвичникъ. Женихъ, по окончаніи ея, уходитъ; невѣста остается съ родственниками и причитаетъ:)

12.

Вы родимые мои родители!
Мой родитель, государь мой батюшко! (*имя*)
Государыня моя матушка! (*имя*)
Вы не честь да себѣ полу́чили,
Не хвалу то себѣ великую, —
Запускали то вы чужихъ людей,
Со чужіе дальней сто́роны,
Со злодѣйки да незнакомые,
Со низкими да со поклонами,
С дорогими да со гостинцами,
С золотыми да со подарками.
Я стояла да молодешенька,
Я стояла да не боялася,
Говорѣла да не стыдилася:

---

[1]) Въ Каргополѣ:
К молодым ко моло́душкам,
Ко чужим ко родителям.

3 7

Отойдите проч, чужи́ люди,
Я подаркам ва́шим не оцѣнщица,
И гостинцам вашим не пріемшица, —
Есть пріемшик да сударь батюшка (*имя*)
Есть оцѣнщица да моя матушка (*имя*).

13.

(Другой причетъ невѣсты).

Што вы ходите, мои родители,
На весельи и на радостяхъ?
Руки́ к верху да подымаете,
Все меня молоду да сбываете,
Со ясных очей ссылаете.
Што же я вам да напрокучила?
Или дѣлечка у вас не дѣлала,
Или роботушки да не роботала,
Или хлѣба-соли у вас не случилося,
Или вас да свѣ́тов не слушалась?
Вы избудете, мои родители,
Едины́м да часо́м — минутою.
Мнѣ не вѣк у вас вѣко́вати
И не годы у вас годо́вати,
Не недѣлюшка в гостях гостить,
Не другая да красоватися, —
Одна ноченька у вас ночо́вати
Одна ноченька коротешенька.
Разложу я да эту ноченьку
На четыре да часа четверти.
Я во первой часу четверти
Буду Богу млада молитися,
Я в другую то часу четверти
С отцом с матерью стану прощатися,
Уж я в третьей ли часу четверти

Стану с подру́жками разставатися,
А в четвертую часу четверти
С красной красотой разставатися, —
Ты прости-тко да кра́сна кра́сота
Менѣ вѣк с тобой не видатися
И на встрѣчу не встрѣчатися.

Въ воскресенье[1]) женихъ[2]) съ дружкою пріѣзжаютъ къ невѣстѣ «со здоровьемъ»[3]). Она даритъ ему въ это посѣщеніе платки. Когда ее одѣнутъ къ вѣнчанью, она причитаетъ:

14.

Благослови тко, да Боже-Господи,
Боже Спас да и Пречистая,
Пресвятая Богородица!
Буди в час да младѐ ступится
Буди в лад да слово молвится,
Буди даст да мнѣ Господи
Мнѣ семеюшку да согласную,
Милу ладушку да совѣтную, —
Я приду к вам, мои родители,
На весельях и на радостях;
А как не в час да младѣ ступится,
Да не в лад слово молвится, —
Я приду к вам, мои родители,
Со слезами да со горючими:
На меня младу глядя, — наплачитесь.
Вы родные мои родители,
Уж вы сядьте, мои родители,

---

[1]) Свадьба въ Бѣлозерскѣ обыкновенно бываетъ въ воскресенье; дѣвичникъ въ четвергъ (прежде — въ субботу); вечеринка въ неопредѣленный день.

[2]) Слово это употребляется большей частью во множ. числѣ: «женихи пріѣхали, женихи идутъ».

[3]) Т. е. съ освѣдомленіемъ о здоровьѣ невѣсты.

Супротив да меня мóлоды
Супротив да лица бѣлово;
Посмотрите, мои родители,
На отлетнію да пташку-пташицу
На отъѣзжую мене гостейку, —
Какова я нарядилася
Во наряды да во хорошіе,
Во своё да платье цвѣтное.

На другой день свадьбы бываетъ «завтракъ» у отца молодой, — часовъ въ пять-шесть вечера. За завтракомъ поютъ:

15.

Што под яблоней кровать,
Рай — рай — рай!
Под кудрявой тесова
Рай — рай — рай! [1])
И перина пухова,
Изголовье высокó
Одѣяло парчевó,
Соболя́ми пушенó,
Блёсткам выстрочено.
Што на той ли на кровати
Тут (*имя*) сударь спит,
Тут (*отчество*) лежит.
Уж как слуги то ево
И служители ево
Онѣ ходят вкруг ево
Онѣ будят ево:
Алексѣй — сударь, встань
Ты, Иванович, проснись:
Уж как на морѣ корабль

---

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Со товарами ушол
И со бархатами. —
Не могу я встать
Головы поднять:
Буйна го́лова болит,
Ретиво серце щемит.
Што под яблоней кроват —
(и т. д. — повторяются первые семнадцать стиховъ)
Как со Анною ушол
Свѣт с Михайловною. —
Дай ко встати было —
Содержати корабль.
Моя суженая, моя ряженая!

(Всѣ бѣлозерскія пѣсни записаны мною отъ дочери кузнеца-сказочника М. П. Володиной. Съ пѣснями №№: 1, 3, 6 и 7 ср. помѣщенныя въ Новгородскомъ Сборникѣ т. I, стр. 289 — 90 — 91.)

СКАЗКИ[1]).

1.

Два брата умныхъ, третій дуракъ.

Жил старик. Было у него три сына: два умных, третій дурак. Сдѣлался старик нездоров. Призывает он своих сыновей и говорит: я помру; так вынесите меня тогда в рощу и приходите караулить по ночам: раз приди старшій, в другой — середній, а послѣ пусть придет и Иван-дурак.

Вот старик и помер. Дѣти вынесли ево в рощу. Какъ настала ночь, надо было старшему сыну итти караулить. Не похотѣлось ему итти. Он и нанимает Ивана. «Иди, говорит, покарау-

[1]) Всѣ прилагаемыя сказки записаны въ г. Бѣлозерскѣ отъ кузнеца М. Володина.

лить за меня: я тебѣ куплю всё красное». Иван согласился. «Покупай, говорит, — покараулю». Вот брат на́ лошадь сѣл, поѣхал, купил всё красное, отдает Ивану, Иван оболокся и пошол в рощу. Приходит. Подождал, подождал — и видит, што старик встал, сял, да и спрашивает! «Которой пришол караулить»? — Я, говорит Иван. — Вот старик свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: сивушко-бурушко, вёшный кавурушко! Стань передо мной, как лист перед травой!» — Сивушко бѣжит, земля дрожит. Прибѣжал и спрашивает человѣческим голосом: какая служба, какая нужда? — А вот какая, говорит старик, — какъ ты мнѣ служил, так теперь моему сыну служи.

Сказал это старик да и лёг на своё мѣсто. А Иван дурак забрался под куст да и проспал там до у́тра. Братья́ ждут ево, ждут, и думают: что ево так долго нѣт! что нибудь старик с ним сдѣлал... Приходит Иван домой, — братья и говорят: вот, нашему дураку ничево не сдѣлалось. Подходит другая ночь, — середнему сыну надо йти караулить. Он и нанимает Ивана дурака. «Ступай, говорит, ночуй: все̂ красное куплю». Иван пошол и на другую ночь — за другово сына караулить. Старик опять на жопу сял и спрашивает: которой меня сын севодни караулит? — Я, говорит Иван дурак. — Старик встал, свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: Сивушко-бурушко, вешный кавурушко! стань передо мной, как лист перед травой! — Сивушко бѣжит, — земля дрожит, и́скопыть даётъ по сѣнной копнѣ. Прибѣжал и спрашивает: какая служба, какая нужда? — А вот какая, говорит старик, как ты служил мнѣ, так теперь служи моему сыну.

Вот хорошо. Приходит третья ночь. Иван взял кой какіе кусочки — ломочки, — пошол в рощу за себя караулить. Старик сял и спрашивает: которой сын пришол меня караулить? — Я, говорит Иван дурак. — Ну, сказал старик, коли ты умѣл три ночи прокараулить, так умѣй и тремя конями владѣть. — Вышел старик за рощу, свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: Сивушко-бурушко, вешный кавурушко! стань передо

мной, как лист перед травой! — Сивка бѣжит, — земля дрожит, ископыть даёт по сѣнной копнѣ, [illegible]ры да долы меж ног пущает, малые рѣчки хвостом застилает, а большіе перескакивает. Прибѣжал и спрашивает: какая служба, какая нужда? — Вот старик сказал Ивану дураку: зайди (Сивкѣ) в ушко — попей, поѣш; а въ другое зайди — нарядись. — Иван так и сдѣлал, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать. Сял он на доброво коня и поѣхал. Объѣхал он много-ли мало-ли — вернулся назадь; в ушко зашол — роздѣлся, — и сдѣлался опять Иваном дураком. Вот старик отпустил своево коня во зеленые луга, а сам пошол на своё мѣсто; Иван дурак также. Поу́тру он и проспал долго. Братья́ и говорят: что нибудь над дураком сдѣлалось — долго нѣт». Только успѣли онѣ проговорить это, Иван и является. Братья́ и говорят: «Иван дурак пришол! вот те»! и спрашивают у нево: «што тебѣ, брат, батюшко сказал»? — Сходите, говорит, сами, — так узнаете, что сказал. —

Вот онѣ сколько времени вмѣстѣ по́жили, — у царя царевна и захотѣла выйти замуж, но только за таково, кто бы ее мог в третьемъ этажѣ поцѣловать. Вот царь и стал сбирать князьей и боя́ръ и могучихъ бога́тырей и — кто хочет пріѣзжай, и отдал приказ: кто мою царевну в третьем этажѣ поцѣлует, за тово замуж отдам. И дал знать и по городам и по деревням — вездѣ. Вот братья́ и стали збираться на царьской двор, — хотя посмотрѣть, что там будут дѣлать князья да бояра. И Иван дурак говорит: возьмите ка меня с собой. — Куды тебе взять — сидиш дома. — Братья́ сдобились и уѣхали, а Иван дурак взял корзину и пошол в лѣс. Зашол в рощу, — свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: Сивушко-бурушко! вёшный кавурушко! стань передо мной, как лист перед травой! — Сивка бѣжит, земля дрожитъ. Прибѣжал и спрашивает: какая служба, какая нужда? — Иван залѣз в ушко — напился, в другое — нарядился, и сдѣлался молодец. Сял на своево доброво коня и поѣхал. Пріѣзжает к царскому дворцу. У дворца князья и бо́яра всѣ на ко́нях своих ѣздят — розгуливают, но только ни один не

может скочить на конѣ, чтобы царевну поцѣловать. Увидѣли издале доброво коня и сѣдока и всѣ росшатились в сторону,—дали ему дорогу. Иван дурак розгонил своево доброво коня, — конь скочил в перьвой этаж. Коня поворотил и уѣхал. Князья и бояра кричатъ: фатай, имай! кто был таков? — Да только слѣдку поглядили. Иван дурак пріѣхал на своё мѣсто, роздѣлся, коня опустил, сам домой пришол. Братья́ пріѣхали домой и росхвастались: какой молодец был — красавиц, хорошій! — Да не я ли то был? говорит дурак. — Куды те дураку!

Отдал приказ царь, чтоб скоплялись опять князья и бо́яра. На другой день опять братья́ и сдобляются к царю. Иван дурак говорит: меня то возьмите. — Куды тебѣ дураку — сидиш и дома. — Ступайте, говорит, я там ужо буду. —

Братья́ уѣхали. Иван дурак пошол в рощу, — свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: Сивушко-бурушко! и пр. Сивка бѣжит, — земля дрожит, ископоть даёт по сѣнной копнѣ. Подбѣжал и спрашивает: какая служба, какая нужда?—Иван дурак и говорит: не можно ли царевну в третьем этажѣ поцѣловать? Садись на меня, на доброво коня: колько могу, только и послужу. — Сял и поѣхал. Конь бѣжит, земля дрожит, ископоть даёт по сѣнной копнѣ. Подбѣжал к царскому дворцу, скочил во второй этаж,—в третей не мог. Царь и царица и всѣ князья и бо́яра говорят: фатай, имай! кто был таков? — Ево только лиш посмотрѣли, в глаза не видали, — кто онъ; только и был.

Царевна отдала приказ и по третей день чтоб всѣ скоплялись князья и бо́яра и могучіе бога́тыри. Вот и на третей день братья́ сдобляются. Иван дурак и говорит: возьмите меня с собой. Онѣ говорят: сиди дома.

Братья́ уѣхали. Иван пошол опять в рощу, свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: Сивушко-бурушко! и пр. Сивка бѣжит, — земля дрожит, ископыть даёт по сѣнной копнѣ, до́лы да го́ры меж ног пущает, мелкіе рѣчки хвостом устилает, а большіе перескакивает. Прибѣжал. Иван залѣз в одно

ушко—наѣлся, напился; в другое—нарядился. Сдѣлался молодец—не здумать, не згадать, не пером̃ написать, не в сказкѣ сказать. Конь говорит: садись на меня, доброво коня, сколько могу, столько и послужу. Вот он сял, доброй молодец, и поѣхал. Конь бѣжит, земля дрожит, ископыть даёт по сѣнной копнѣ, долы да горы меж ног пущает, мелкіе рѣчки хвостом застилает, а большіе перескакивает. Вот подъѣхал Иван к царскому дворцу, разгонил своево до́брово коня, — конь скочил в третей этаж, и царевну Иван успѣл поцѣловать. А царевна в то время ударила ево перстнем по лбу и во лбу сдѣлала перстнем клеймо. Оборотил Иван своево доброва коня и поѣхал. Царь и всѣ князья и бояра закричали: Фатайте, имайте! Иван уѣхал. Гнались — да гдѣ тут — не догониш.

Царь и царевна отдали приказ, чтоб завтрешній день приходили на рюмку водки всѣ князья и бояра и могучіе бога́тыри и всѣ кому угодно. Вот всѣ на другой день скопились. Царевна пошла по рюмкѣ подносить. Кому поднесёт, — у каждово на лбу посмотрит: нѣт ли моево суженово? Сколько было народу—всѣх обнесла, ничево не могла натить и не кому не сказала, чево она смотрит. Вот отдали приказ и на другой день, чтобъ всѣ скоплялись—старые и малые. И по другой день пошла опять подносить. Также она у всѣх смотрѣла на лбу и ничево опять не нашла. И на третей день приказала опять, чтоб всѣ скоплялись—старые и малые, глухіе и хромые, ну—всѣ вообще чтоб приходили. Ивана дурака братья и поѣзжают: и тѣм велѣно итти и Ивана дурака с собою брать. Ивану дураку братья́ и говорять, что — надинь болохонишко то получше. А Иван говорит: ступайте, а я оболокусь да за вами волокусь. Братья́ уѣхали. Он и нарядился в труньетряпотье, сажей вымазался, волосишка роспустил; пришол на царской двор и забрался в самой угол, что уж его насилу нашли. Царевна пошла подносить. Всѣх обнесла. Дошла до нисших и до бѣдных, дошла и до Ивана дурака. Иван дурак рюмку взял. Она у него как посмотрит на лбу клеймо, она ему платочком уски поттёрла, поцѣловала, за руку взяла, — к своему отцу повела.

Вот, говорит, батюшко, мой суженый — ряженый. А царь и говорит: как можно такому быть твоим суженым — ряженым! Почом ты ево так примѣтила? — Она сейчас показала перстень и подняла волосы у Ивана дурака. «Вот, батюшко, говорит, мой перстень — в ево лбу, говорит, клеймо. Когда он меня поцѣловал, тогда я ему это клеймо посадила». — Ну, царю дѣлать нечево, — за Ивана надо царевну замуж отдавать. Ивана дурака вымыли и нарядили как слѣдует в лучшіе уборы. У царя не пивá варить, не вино курить, — веселым пирком да и за свадебку. Иван дурак на царевнѣ и женился. Братья́ и говорят: вот наш дурак куда попал — в царской дом...

Сколько времени они (Иван с женою) пожили, къ царю пришол *приказ*, что у нево в заповѣдных лугах ходит олень-золотые рога. Вот царь и призывает своих зятьей (а у него было их трое). Спросил старшево зятя и второво и Ивана дурака: не съѣздят ли они в заповѣдные луга, не поймают ли олени-золотые рога. Зятья ему отвѣчали: постараемся. На другой день сошли на конюшенной двор, выбрали себѣ до́брых ко́ней и поѣхали. Два зятя уѣхали, а Иван дурак остался. Взял он себѣ нераженькую лошадёнку, сѣл на нее лицом к хвосту и поѣхал. Доѣхал до царской байни, соскочил с лошади, за хвост дёрнул — и кожу долой; на байню бросил, сказал: «вотъ вам сороки-вороны от царя обѣд, а до кожи дѣла нѣт». А сам пошол в рощу. Свиснул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом: Сивка-бурка и пр. Сивка бѣжит, земля дрожит. Прибѣгает и спрашивает: какая служба, какая нужда? — А такая служба, говорит Иван: у царя в заповѣдных лугах ходит олень-золотые рога. Так не можно ли ее поймать? — Садись на меня, на доброво коня: сколько могу, столько и послужу. — Сял Иван и уѣхал. Только конь ему промолвил: взял ли ты шолковой поводок с собой? — Ну, взял, говорит Иван. Конь прибѣжал въ заповѣдные луга, Ивану дураку и говорит: как я подбѣгу к оленѣ, так ты успѣй на нее накинуть шолковой поводок. — Подбѣжал конь к оленѣ; Иван накинул на нее поводок. Олень побѣжала, конь за ней. Бѣгала, бѣгала олень—

утомилась, усмирилась. Иван слѣз с своево доброво коня, привязал ево и олень-золотые рога, а сам зашол в шатер и лёг отдохнуть.

А зятья сколько ѣздили-ѣздили — олени в глаза не видѣли. Вот только выѣзжают онѣ на поле, — увидѣли шатер, а у шатра стоят конь и олень-золотые рога. Вот онѣ один другому и говорят: не можно ли как небудь увести олень. Но не конь, не олень даже близко не подпущают; а Иван дурак спит. Потом онѣ и согласились: подъѣдем к нему: не продаст ли он нам — мы купим. Подъѣзжают онѣ к шатру и говорят: здравстуй, доброй молодец! — Иван пробудился, стал. Што нужно? спрашивает. — Продай, — говорят, нам олень-золотые рога. — Нѣт, говорит, она у меня не продажная, а завѣтная. — Вот онѣ между-то собой подумали-подумали и спросили: какой завѣт? — А у меня, говорит, такой завѣт, что у лѣвой ноги по мизинцу отрубить или отрѣзать. — Вот онѣ друг на друга взглянули, а Иван дурак и говорит: ничево, говорит, боли не будет, ежели отрѣжетс. Вот онѣ и отрѣзали. Иван дурак взял мезинцы от ног, дунул — боли не стало никакой, не са́дины, ни крови. Мезинчики в карман положил, им отдал олень-золотые рога. Зятья взяли олень и повели к царю. Ка́к скоро увели, — Иван сял на своево коня и уѣхал. Пріѣхал к той же рощѣ, опустил своево коня в зеленые луга, а сам — как по дурацки — настрѣлял сорок-ворон и всякой дряни, нависил на ружьё и пошол к царю. Приходит на царскую кухню: на-те-тко, говорит, жарково то будет довольно. — Повара и конюхи только смѣялись над Иваном дураком. А он пошол к своей жонкѣ и говорит своей супругѣ: вот, говорит, пріѣдут зятья — приведут олень-золотые рога. — А она говорит: ты-то што же не с имп? — А он говорит: будёт и моё время! — Вот зятья пріѣхали, пригонили и олень-золотые рога. Царь очень обрадовался.

Сколько времени опять прошло, — царь узнал, — в ево заповѣдных лугах ходит свинка — золотые шшетинки. Вот он и призывает своих зятьей: «зятья мои милыи, зятья мои любимыи! У меня в заповѣдных лугах ходит свинка — золотые шшетинки. Не

можно ли ее поймать?—Зятья сказали: постараемся.—На другой день сяли онѣ на добрых коне́й и поѣхали. А Иван дурак остался, взял нераженькую лошадёнку и поѣхал. Доѣхал он до царской байни, слѣз с лошади, за хвос дёрнул — и кожу долой; на байну кожу бросил, а мясо в сторону и говорит: вот вам сороки-вороны от царя обѣд, а до кожи дѣла нѣт. — Сам пошол в рощу. Свиснул и пр. Сивка бѣжит, земля дрожит, ископыть даёт по сѣнной копнѣ. Прибѣгает и спрашивает: какая служба, какая нужда?— А такая, говорит Иван, што у царя в заповѣдных лугах ходит свинка — золотые шшетинки, — так не можно ли ее поймать.— Садись, говорит Сивка, на меня, на доброво коня: колько могу, только и послужу. — Вот Иван дурак и поѣхал. А конь и спрашивает: есть ли у тебя шолковый поводок?—Иван отвѣчает, что есть.—Ну, говорит конь, как подъѣду я к свинкѣ, ты как можно успѣй на нее накинуть поводок: то она и будет наша. — Иван дурак, как подъѣхал к свинкѣ — золотые шшетинки, сейчас накинул на нее поводок. Конь помчался, свинка за ним. Колько свинка не противилась, конь ее так увозил, што и она стала смирна. Иван дурак роскинул шатер и привязал своево доброво коня и свинку — золотые шшетинки и насыпал им бѣлоярой пшены, а сам лёг отдохнуть.

А зятья — сколько не ѣздили — никаково звѣря́ не видали. Выѣхали онѣ в чистое поле, увидѣли шатер. Подъѣзжают и видят— стоят конь и свинка—золотые шшетинки. Вот онѣ между собой и подумали: не можно ли как нибудь увести или украсти. Но конь и близко не подпущает. Вот онѣ и согласились между собой купить свинку. Подходят к шатру, кличут: эй, доброй мо́лодец! Иван сейчас встал. Што надо? спрашивает. А онѣ говорят: не продадите́ ли нам свинку—золотые шшетинки? — Нѣт, говорит Иван, она у меня не продажная, а завѣтная.—Какой завѣт?—А такой завѣт: у лѣвой руки по одному мезинцу отрубить или отрѣзать.— Вот онѣ между собой поглядѣли — поглядѣли, подумали — подумали, а Иван дурак и говорит: ежели отрубите мезинцы, то вам вреды никакой не будет.—Вот онѣ и говорят между собой: вреды

не будет, а ежели в перчатках станем ходить, то и тесть не увидит, што пальцо́в нѣт. — Вот онѣ и отрубили мезинцы и отдают Ивану, а Иван им отдал свинку—золотые шшетинки. Зятья взяли ее и поѣхали, а Иван дурак остался. Потом сял он на своево доброво коня, пріѣхал в рощу, отпустил коня в зеленые луга, а сам настрѣлял сорок—ворон и всякой дряни (и пр., как выше)...

Зятья́ пригонили свинку. Царь очень был этому рад и зятьей розблагодарил и отдал им половину царства за это.

Только, — сколько времени прошло, — царь узнал, што в ево заповѣдных лугах ходит кобы́лица златогривая и двѣнадцать жеребят. Вот он и призывает зятьей и говорит: зятья мои милые, зятья любимые! У меня в заповѣдных лугах ходит кобы́лица златогривая и 12 жеребят. Не можно ли поймать их? — Зятья отвѣчают: постараемся. На другой день сѣли онѣ на добрых коней и поѣхали, а Ивану тесть уж и лошади не даёт. Однако царевна выпросила ему у отца лошадёнку нераженькую. Вот он, до́брой молодец, сял лицом к хвосту; сидит — за хвост держит, чтоб не ушла. Лошадь дошла до байни, Иван дернул за хвос — и кожу долой; на байну кожу бросил, а мясо в сторону и говорит: вот вам (и пр., как выше).—Сам пошол в рощу. Свиснул и пр. Сивка бѣжит, земля дрожит, ископоть даёт по сѣнной копнѣ, горы да до́лы меж ног пущает, мелкіе рѣчки хвостом застилает, а большіе перескакивает. Прибѣгает и спрашивает: какая служба, какая нужда?—А вот какая: в заповѣдных лугах у царя ходит кобы́лица златогривая и 12 жеребят. Не можно ли поимать их?— Это не службишка, а вся служба, конь сказал. А припас ли ты, спрашивает, три кожи конёвьих?—Иван сказал, что — я припас. Натягивай же их на меня, говорит конь, и под сѣдло клади, и садись на меня, доброво коня: сколько могу, столько послужу. — Вот Иван взял—в ушко влѣз,—наѣлся, напился; в другое, — нарядился, и сдѣлался такой молодец, что и пр (как выше). Сял и поѣхал. Конь бѣжит и пр. Пріѣхали в заповѣдные луга. Конь спрашивает: есть ли у тебя шолковой повод?—Иван говорит: есть.— Успѣй, говорит конь, как подъѣдеш к кобылицѣ, на нее надѣть

повод, а не успѣешь, то она с нас кожу сдернет. Только конь подбѣжал к кобылицѣ златогривой, а Иван не успѣл на нее накинуть повод. Кобы́лица осердилась, да вслѣд за ними; хватила зубами коня за хвос, — одну кожу сдернула. Конь от нее ускакал и говорит Ивану дураку: смотри же: поѣдем в другой раз— успѣвай надить, а нѣт — нам живым не быть. — Постараюсь, говорит Иван. Вот конь подбѣгает опять к кобы́лицѣ златогривой, а Иван не успѣл и в другой раз накинуть на нее повода. Кобы́лица опять хватила коня за хвос, и другую кожу сдёрнула. Конь ускакал и говорит Ивану: смотри—в третей раз подбѣжим: успѣвай накинуть; не успѣеш — не быть нам живым. — Постараюсь, говорит Иван. Вот конь подбѣгает опять к кобы́лицѣ, — Иван успѣл накинуть на нее поводок, конь как можно шибко побѣжал, кобы́лица за ними. Сколько онѣ бѣгали—бѣгали,—конь утомился и кобы́лица также утомилась и всѣ 12 жеребят; и остановились всѣ онѣ в чистом полѣ. Иван раскинул бѣл шатер, насыпал бѣлояровой пшены, поставил к ней своево коня, кабы́лицу и 12 жеребят; сам лег в шатрѣ — отдохнуть.

А тѣ два зятя, — сколько ѣздили, — никово в глаза не видали. Выѣхали в чистое поле — увидѣли шатер, а у шатра — коня, кобы́лицу златогривую и 12 жеребят. Вот онѣ и думают: не можно ли кобы́лицу с жеребятами украсть. Куда там! Конь, кобы́лица и жеребята близко к себѣ не подпускают. Вот онѣ и говорят между собой: не продаст ли? — Подошли к шатру, крикнули: эй, доброй мо́лодец! Продай кобы́лицу златогривую. — Не продажная, говорит Иван дурак, а завѣтная. — Што завѣту?— Он и говорит: по ремню из спины да по пряжкѣ с жопы.—Зятья призадумались.— Не бойтесь, говорит Иван, как вреды от пальцо́в не было, так и теперь не будет.—Вот один зять раздѣлся— вырѣзал, другой также; отдают Ивану дураку, а Иван дурак им отдает кобы́лицу и 12 жеребят. Онѣ очень были этому рады и поѣхали очень рады. А Иван прiѣхал в рощу, опустил своево коня в зеленые луга, сам настрѣлял сорок-ворон (и пр., как выше).

Через сутки или через двое пріѣхали зятья, пригонили кобы́лицу и 12 жеребят. И царь был очень рад и подписал им за то все царство. Вот сколько времени онѣ пожили, и надо царю им царство отдавать. Вот он и сдѣлал пир. На пир созывает князей и боя́р и могучих бога́тырей, что завтрешній день вот буду зятьям отдавать царство. Вот собрались всѣ князья и бояра на пир. Царь и хвастает тѣм, что—у меня, говорит, зятья поймали олень — золотые рога, свинку — золотые шшетинки, кобы́лицу златогривую и 12 жеребят; за то вот я им даю все царство. — А Иван дурак и говорит: нѣт, не онѣ поймали: я, говорит, поймал.—Онѣ стали ево оспоривать. А он и говорит: царское величество! прикажи им с лѣвой ноги по сапогу снять. — Сняли по сапогу. Иван вынял из кармана по мезинцу. Вот, говорит, батюшко,—это, говорит, олень—золотые рога, говорит. Взял—мезинцы приложил, дунул — мезинцы как тут и были. Потом говорит: батюшко! прикажи им снять с лѣвой руки по перчаткѣ: для чево́ онѣ носят в покоях царских перчатки?—Онѣ сняли по перчаткѣ. Вот он вынял мезинцы: это — свинка — золотые шшетинки, говорит. — Ну, говорит, батюшко́! Прикажи ты им теперь роздится: это будет кобы́лица — златогривица. — Им уж как не хотѣлось роздѣватся, да дѣлать нечево — надо роздѣватся. Как скоро роздѣлись, он вынул ремни и пряжки. Это говорит, было у меня в задаток взято. — Приложил, дунул—и всё приросло.

Тут всѣ князья и боя́ра и вся публика веселая Ивану дураку утвердили все царство.

Иван дурак стал жить да поживать, добра нажива́ть. Я там был, мед пил, по губам текло, в рот не попало; дали менѣ кафтан синь; я пошол дорогою, — птичка сидит да говорит: синь, синь, синь! А я думал: скинь, скинь, скинь, — снял, повѣсил на кокору и не знаю, — на котору.

2.

Иван-Кудряш.

Нѣ в коем царствѣ жили три брата. Онѣ занимались торговлею; ѣздили с товарами за́ море: хорошо торговали. У большово брата был сын. Звали ево Иван Кудряш. Долго издили братья́ за морем, а Иван меж тѣм подростал. Уж был он большим, как отец ево возвратился из инново государства, заболѣл и по́мер. Иван похоронил отца и стал жить вдвоём с матерью. Сколько там времени прошло, дяди ево и поѣзжают за море торговать. А один дядя был ему отец крестный. Иван просится у матери, чтоб съѣздить с ним в инные государства — людей посмотрѣть, себя показать. Мать спущает. Только, говорит, поди у крестново просись—возьмёт ли еще с собою. Иван Кудряш сходил к крестному отцу, — чтоб его взять с собой. Отец крестный берёт, да только с тѣм, что—поди у матери спросись. — А мать согласна. Взяла она 300 рублей и пошла с Иваном к отцу ево крестному на корабль. Приходит и говорит: братец, возьмеш моево Ваню Кудряша с собой? — Давай, менѣ чѣм человѣка наймовать, так всё равно. — Иван остался на кораблѣ. Мать и даёт своему деверю 300 рублей — деньги и говорит: ежели Вани понадобится, так ты, братец, дай ему, — ежели на дѣло попросит.

Отправились дяди в море и Иван с ними. Бѣжали онѣ морем неизвѣстно сколько, и прибѣжали в то мѣсто, гдѣ им надо торговать. Вот два брата взяли подарок и пошли к королю просить позволенія торговать. Сошли к королю,—король принял подарки и позволил торговать. Вот онѣ и стали торговать на кораблях. День, или два-три торговали, — Иван Кудряш и просит у отца крестново денег. Отец крестный дал ему сто рублей. «Пойду, говорит Иван, в столичной город—куплю товару». Пошол. Приходит, и обходит весь рынок и лавки: нѣт подходящево товару: ему нужно ровно на сто рублей, а просят или больше или меньше. Так и не мог на 100 рублей найти. Отправился на корабль. Только вышел за городскую заставу,—попадает ему на встрѣчу стари-

чок и спрашивает: купил ли ты товару?—Нѣт, говорит Иван.—А какой у тя товар?—Такой: возьму сто рублей; полюбится твой, неполюбится—твой, а деньги мои.—Иван подумал—подумал,—отдал деньги. Старик сошол в свою хатку, оттуда и ведёт дѣвицу—и хорошо одѣта и она хорошая—и говорит: вот тебѣ товар.—Иван Кудрящ посмотрѣл: хороша бы дѣвушка, да не смѣет взять: боится отца крестново. Так и не взял. Приходит на корабль. — Что купил? спрашивает отец крестный. — Да купил, говорит Иван, на 100 рублей, а может быть выручу полтараста.

На другой день просит Иван опять денег. Крестный отец дал ему еще 100 рублей. Пошол Иван в город, обошол опять весь рынок и лавки — нѣт товару на 100 рублей: просят или больше или меньше. Идёт Иван из города и за заставой встрѣчает опять тово же старичка. — Купил товару? — Нѣт. — Купи у меня.— А какой у тя товар? — Такой: полюбится твой, не полюбится — твой (мой?), а деньги мои. — Иван подумал: неужто хуже дас(т)?—Отдал деньги. Старик зашол в хатку. Иван ждёт. Смотрит—идет старик и ведёт дѣвицу—еще лучше и наряднѣй вчерашней: одно платье рублей на 500. Не взял Иван и этой дѣвицы. Пошол на корабль с пустыми руками. А на утро встал,—чаю-кофею напился, — и просит у отца крестново еще денег. Отец крестный отдает ему послѣдніе 100 рублей. Пошол Иван опять в город, опять обошол всѣ лавки и опять не нашол таково товару, чтоб стоил ровно 100 рублей. Идёт назад. За городом на встрѣчу ему попадает опять прежній старик. — Купил товару? — Нѣт. — Купи у меня. — А какой у тя товар? — Такой: полюбится—твой, не полюбится твой, а деньги мои.—Подумал—подумал Иван Кудрящ и отдал старику послѣдніе сто рублей. Старик ушол в хату и воротился с дѣвицей. Дѣви́ца эта была еще лучше прежних—и красивѣе и наряднѣе: одно платье стоило рублей тысячу. Взял Иван дѣви́цу, пошол с нею, да и думает: сниму с нее платье, а ее отпущу. А дѣви́ца и говорит: пойдемка в город — выкортомим кватерку, поживём суточки—двое.—

Иван не мог отговорится. Пошол в город, выкортомил фатеру. Зашли. Купленная дѣвушка и говорит ему: «новой хозяин, Иван Кудряш! сходи в лавки—купи шолку фунт». И дала ему деньги. Пошол доброй молодец, купил всяково разново шолку; приносит и отдаёт дѣвушкѣ. Вот она приготовила чаю-кофею, напоила Ивана. Иван Кудряш напился чаю-кофею, и хотѣлось ему посидѣть да поговорить с купленной дѣвицей, так нѣт—не позволяет: тебѣ, говорит, время спать, а мнѣ дѣло дѣлать. Иван помолился Спасу и лёг спать, а она стала вышивать ковёр. Всю ноч шила, к утру вышила. Стала она тогда Ивана будить. Иван Кудряш встал, умылся, Богу помолился. Она и говорит ему: вот, бери ковёр да иди в лавки продавать. Спросят у тебя: што просиш,— скажи: брать смѣю, а просить не смѣю. И што тебѣ покупатель не надаёт в первой раз—ты не отдавай, и в другоряд не отдавай, а уж што в третей скажёт—отдавай за то. —Пошол Иван Кудряш и приходит в лавку к тому купцу, што шолк покупал. Показывает ковёр, — купец и говорит: што просиш? — Брать смѣю, просить не смѣю, отвѣчает. —Возьми 100 рублей. — А тут подходят другіе купцы и дают кто 110, кто 120, кто больше. Вот первой купец и говорит: возьми полтораста. — А тут подошло еще много купцов,—дают 160, 180, а первой—возьми, говорит, двѣстѣ. Как сказал он это — и товар в руки: Иван отдал ковёр, взял деньги и пошол домой. Приходит, отдает купленной дѣвушкѣ деньги, а она и говорит: новой хозяин, Иван Кудряш, сходи в лавки,—купи шолку два фунта. — Иван Кудряш купил и отдаёт дѣвушкѣ. Она приготовила чаю-кофею и ужину. Иван Кудряш напился, наѣлся и опять захотѣлось ему посидѣть да поговорить с дѣвушкой. (Здѣсь повторяется предыдущее: дѣвушка отсылает его спать, а сама садится вышивать ковёр. К утру кончает работу: ковер выходит еще лучше прежняго. Посылает Ивана продавать; дала ему прежнія наставленія. Иван продает ковер за 300 рублей. Дѣвушка посылает его купить три фунта шелку. Получив шелк, садится шить. «Цѣлую ноч до бѣлово разсвѣту шила, до поту лица старалась». Вышила. Иван несет продавать

ковер, торгуется по прежнему и получает пятьсот рублей. Посылая Ивана продавать этот ковер, купленная им дѣвушка между прочимъ сказала ему:) Как скоро этот ковёр продаш, деньги получиш и пойдёш городом мимо трактира, — хоть водки не пьеш, а в трактир непремѣнно зайдёш. Как зайдеш в трактир, тут сидят три пьяницы. Онѣ у тебя станут просить денег, так ты им дай. —

(Все так и случилось. Иван зашел в трактир, нашел там трех пьяниц; дал им на четверть водки. Они поблагодарили его и выпили. Выпил и Иван.) Иван выпил только как рюмку, не больше, а сдѣлался очень пьян — итти не может. Вот пьяницы и повели ево домой под руки. Идут онѣ и попадает им на встрѣчу два купца. — И хорош бы, говорят, хозяин, да жена не любит. — А Иван Кудряш отвѣчает: нѣт, говорит, любит: как приду, так и поцѣлует. — Нѣт не любит и не поцѣлует. — Ударили о залог. (Въ случаѣ проигрыша Иван должен был уступить им дѣвушку, при выигрышѣ получал все их имущество). Сдѣлали записи. Подходят всѣ вмѣстѣ к фатерѣ Ивана Кудряша. Он и кричит: жена моя, встрѣчай меня! Купленная дѣвушка встрѣтила ево и поцѣловала. Этѣ два купца закручинились и запечалились, што онѣ должны всё имуўщество отдать.

Поутру купленная дѣвушка будит Ивана: «время, говорит, итти имѣнье получать». Иван собрался, а она ему и сказывает: им (купцам) будет жалко и станут онѣ здыхать по ём (т. е. по имѣньи); так ты им и скажи: когда вам имѣнья жаль, так отдайте мнѣ старую курятню. Онѣ отдадут — очень рады будут. Ты с ими условіе сдѣлай. Послѣ сходи на биржу, поряди рабочих—эту старую курятню разломай до подошвы. Пол сымёш — там земля; ты земли порой — там другой пол есть; другой пол розбери — там погреб; в этом погребѣ стоят шесть бочёк. Ты этѣ бочки выкати и̥ вези.—Вот он доброй молодец всё так и сдѣлал. Привозит бочки к купленной дѣвушкѣ. А она уж готова ѣхать на корабль: (дяди Ивана отправлялись в обратный путь. Иван привел дѣвушку на корабль к крестному отцу своему и го-

ворит, что он купил ее матери в постельницы) отец крестный поглядѣл — видит, што она во всей пышности, дѣвушка хороша. «Она, говорит Ивану Кудряшу, годится не в постельницы, а тебѣ в супружницы» (Иван просит у крестнаго отца позволенія помѣстить на его караблѣ привезенныя им бочки. Крестный принял три бочки. «А эти, говорит, может брат возьмет». Пошел Иван к другому дяди и просит взять на корабль три его бочки]. А онѣ то ровно как со смолой были. Дядя єво и выбранил: вот, говорит, пустить тебя с ними — корабль кастить». Не пустил. (Тогда и остальныя три бочки принял на свой корабль крестный отец — Ивана. Пріѣхав домой, Иван привез дѣвушку к своей матери и говорит ей: вот, маменька. — купил я тебѣ дѣвицу в постельницы.—Не мнѣ, говорит, мать, в постельницы, а можно бы тебѣ взять ее в супружницы. Однако Иван не женился на ней и купленная дѣвушка осталась постельницей. Через нѣсколько времени, по совѣту ея, Иван сдѣлал пир, на который пригласил обоих своих дядей. Крестный отец пришел, а другой не захотѣл прійти. «Подари ка ты, говорит дѣвушка Ивану Кудряшу, одну бочку крестному». Иван послушался: подарил. А всѣ бочки были нагружены золотом. Когда узнал другой дядя, какой подарок сдѣлал Иван Кудряш его брату, стало ему досадно, что он не пошел на пир. Иван, по совѣту купленной дѣвушки, сдѣлал пир в другой раз и угостил другого дядю, подарил и ему бочку. Стал дядя ее раскупоривать — его смолою и облило. «Вознегодовал он», однако скоро утѣшился: половина бочки хоть вытекла, а половина была набита золотом.) Сколько времени пожили, отец крестный сдобляется в иное государство, и Иван с ним. (Купленная дѣвушка посылает Ивана купить четыре фунта всякого шелку. Из этого шелку она вышивает флаг.) Отдает она флак Ивану и говорит: «первым долгом как пріѣдете, — флак выкиньте». А была она царская дочь,—унесена нечистымъ духомъ. И так она тот флак сдѣлала, что на нем все свое государство вышила, и по своему — как там говорят — всё написала: и как была унесена нечистымъ духомъ, и как была продана Ивану Кудряшу, — всё.

(Иван с дядею отправились именно в то государство, гдѣ царствовал отец ея. Стали торговать там. Но всѣ, кто ни придет на корабль, не столько смотрят на товары, сколько на флаг. Дошла вѣсть о нем и до короля той земли. Король приказал принести флаг к себѣ. Прочитав, что на нем было написано, и распросив Ивана, он очень обрадовался. Дает Ивану Кудряшу два корабля и говорит: вези сюда эту дѣвушку: она дочь моя). Иван пріѣхал домой, мать и купленную дѣви́цу посадил на корабль, обрал и бочки на корабль (и поѣхал к королю. Пріѣзжают). Купленная дѣвушка и говорит отцу: тятенька! Вот мой избавитель, — спас меня от нечистово духа. Мы всѣ три сестры в одном мѣстѣ жили». (Эта дѣвушка была младшею дочерью короля. Она была «мудряе всѣх». Тѣ двѣ дѣвушки, которых купил, но не взял Иван у старика, были ея сестры) Король далъ Ивану Кудряшу войска и приказал ѣхать в это государство, гдѣ он купил ее, чтоб и тѣхъ двух дѣви́ц привести. (Иван поѣхал, но ничего не нашел. Даже не было и слѣдов той избушки, из которой старик выводил дѣвиц. Возвратился Иван Кудряш), поженился на королевской дочери и стал жить — быть, да бога́тѣть.

3.

Царь-Дѣвица.

Нѣ в котором царствѣ, нѣ в котором государствѣ, именно в том, в котором мы живём, был царь да царица. У царя у ца рицы было три сына: Фёдор Царевич, Митрій Царевич, Михайло Царевич.

Сдѣлался царь нездоров. Призывает он бо́льшово сына и го ворит: сын мой милый, сын мой любезной! съѣзди за тридевять земель в тридесятое царство к царю Дѣвицѣ за живой, молодово́й водой. Ежели ты привезёш воды, то я тебѣ пол царства отдам. — Сын сказал: хорошо, батюшко! —

На другой день взял он доброво коня и поѣхал И ѣхал он— много ли — мало ли, далёко ли — близко ли, ѣдет он недѣлю, и двѣ,

и болѣе, и доѣхал до трёх дорог: одна—прямо, другая—вправо, третья—влѣво. У этих дорог стоит столб, а на столбѣ написано: в правую руку поѣдеш — сам сыт, а конь голоден; в лѣвую поѣдеш — конь сыт, а сам голоден; прямо поѣдеш — живу не бывать. Вот он подумал — подумал и порѣшил: вернусь я назадь; скажу — не мог болѣе ѣхать: нездоров сдѣлался. Так и сдѣлал. Воротился назадь и сказал отцу, что не мог болѣе ѣхать — нездоров сдѣлался. Отец призывает второво сына и говорит: сын мой милый, сын любезный! (и пр. как выше. И этот сын, доѣхав до столба, воротился назад под предлогом болѣзни).

Третей сын и просит у отца благословенія—ѣхать за живо́й, молодово́й водой к Царь-Дѣвицѣ. А отец ево уговаривает: ты еще моло́д, говорит. Прошло — мѣсяц, два или три — он опять просится. Отец не опущает. Ещо мѣсяц, или два — три прошло, — он опять просится. «Даси́, говорит, благословеніе — поѣду, и не даси́ — поѣду». Тут уж уговорить ево отец не мог. Дѣлать нечево — согласился. Сошол Михайло Царевич на конюшенной двор — выбирать себѣ доброво коня. Обошол всѣ конюшни — не мог выбрать. Зашол в послѣднюю конюшню, — насилу одну лошадку выбрал, и то не слишком по́ серцу. Вот он, обсѣдлав сѣделечко черкацкое, надѣл уздицу тесмяную, привёл к парадному крыльцу и привязал доброво коня к золотому кольцу. Сам пошол к отцу,—взял благословеніе. Вышел и сял на доброво коня и поѣхал. Ѣхал он много ли — мало ли, далёко ли — близко ли — сказка скоро скажется, а дѣло не скоро дѣлается — доѣхал до столба у трех дорог и роздумался. Подумал — подумал. «Поѣду я туда, говорит, гдѣ живу не бывать». Вот и поѣхал он путём—дорогою. Доѣхал до двора. Стоит тот двор на пятнатцать вёрст; середи двора — избушка; у избушки стоит столб дубовой; в столбѣ заколочены три кольца: мѣдное, серебряное и золотое. Пріѣхал к столбу, соскочил с коня, говорит: я сын не мѣщанской, не купецкой, я сын царской: привяжу я коня к золотому кольцу». Привязал; сам пошол в избушку. В избушкѣ сидит старушка. Завидѣла Михайла Царевича и говорит: фу, фу, фу! русково

духу слыхом не слыхать было, а нынѣ руской тут является. Куды Михайло Царевич ѣдеш?—Он топнул ногой... Ах ты, старая! говорит. Не напоила, не накормила, да стала спрашивать!—Вот старуха напоила—накормила ево и опять спрашивает: куды Михайло Царевич, ѣдеш? — Баушка! ѣду я к Царь-Дѣвицѣ за живой — молодовою водой. — О, дитятко! Трудно тебѣ у Царь-Дѣвицы живая молодовая вода достать. Ну, да молись Спасу, ложись спать, утро вечера мудреняе. Он помолился Спасу, лёг. Поутру она стала ево будить! ставай, Михайло Царевич! сном дорожки не ѣдут, — ѣдут станю». Он стал, умылся, одѣлся и спрашивает: как ѣхать к Царь-Дѣвицѣ? Она сказала: пойдём—я укажу дорогу. Вывела ево из избы, — у нее уж конь приготовлен, — и говорит: садись на моево коня, а своево оставь у меня: на перемѣнных дорога короче. Да возьми вот гребень: неравно будет за тобой погоня,—брось ево назадь и скажи; стань чешша, чтоб Царь-Дѣвицѣ ни протти ни проѣхать». Михайло Царевич сял на коня и поѣхал. Ѣхал он много-ли мало-ли, далёко-ли — близко-ли,—доѣхал до двора. Стоит двор на десять верст (и пр., как выше: избушка, столб, три кольца; в избушкѣ старуха «ешшо той старше». То же привѣтствіе старухи, тот же отвѣт Михаила Царевича. Он ночует в избушкѣ. Наутро старуха будит ево с тѣм же пословьем, что и первая; дает ему своево коня и ширинку: неравно будет за тобой погоня, говорит, — брось ширинку назад и скажи: сдѣлайся стѣна бѣлокаменная, чтоб Царь-Дѣвицѣ ни пройти, ни проѣхать». Михайло Царевич ѣдет дальше и пріѣзжает к третьему двору—на пяти верстах. Находит тоже, что и прежде: столб, избушку; в избушкѣ старуха—еще старше первых двух. Тот же, что и раньше, привѣт с ея стороны, тот же отвѣт Михайла Царевича. Когда он сказал старухѣ, — куда и зачѣм ѣдет, она говорит:) Трудно достать живая молодовая вода, потому что есть там застава—стоит Соня середь поля; она ни конново, ни пѣшево не пропущает,—караулит царство триццать годов уж. Ну, да молись Спасу (и пр. как выше. На утро она будит ево, дает ему своево коня и платок). Неравно будет, го-

ворит, за тобой погоня, так ты махни платком назадь и скажи: стань рѣка огненная, чтоб Царь-Дѣвицѣ не пройти, ни проѣхать». Потом даёт ему крес желѣзной с цѣпочкой и молот желѣзный в шесть пуд, и говорит ему: «доѣдёш до этой Сони—этим молотом ударь ее по лбу. Она только простонет, как со сна пробудится. Потом надинь на нее крес желѣзный с цѣпочкой и скажи, што божат крес послал. Потом она тебе и пропустит промеж ноги. Пріѣдеш в царство, — в царствѣ всѣ спят—в самой полдень, потому что там знойко. Доѣдеш ты до дворца — увидиш сад. В эвтом саду живая и молодовая вода. Бери ее и как можно гони коня ходчее и направь, чтоб он перескочил через сад». (Михайло царевич поѣхал. Сдѣлав все так, как говорила ему старуха, он забрался в сад Царь-Дѣвицы; нашел там два источника воды и не знает, которая живая и которая молодовая. Пролѣтает ворон. Михайло Царевич убивает его, поливает одной водой — он зашевелился, поливает другою — он «стреснулся» и улетѣл. Опредѣлив, таким образом, какая вода молодовая и какая живая, Михайло Царевич наполнил той и другой пузырьки, погулял по саду, покушал винограду, выкормил коня) сял на нево и как можно сильняе розгонил, — конь из сада выскочил. Выѣхал на большую дорогу он, доброй молодец, и роздумался: «у Царя Дѣвицы был, а Царя-Дѣвицу не видѣл. Дай ворочусь». Подъѣзжает опять к дворцу. Потому что спят—все заперто. Вот разогнал он доброво коня—через ворота перескочил. Заѣхал на широкой двор—видит столб, а в столбу кольцо. Привязал он к кольцу тому коня, сам взошол на крыльцо. Комнату проходит, другую, третью, — всё спящій народ. Добрался до Царя-Дѣвицы спальни. Видит — лежит она на постели. Поглядѣл, полюбовался, раздѣлся и с нею спать лёг. Поспал, встал, одѣлся и поѣхал. Никто неслыхал, как он был. Вот он сял на доброво коня и хочет перескочить. А у нее — у каждой тыновнинки придѣланы струны: зацѣпиш — вездѣ звон пойдёт, вся музыка заиграет. Лошадь ево и задѣла хвостом за одну струну — пошол по всему городу звон. Всѣ князья и бояра пробудились и Царь-Дѣвица пробудилась. Ах, говорит, невѣжа

был, мёд пил, а судно не закрыл! — Всѣ во дворец к ней скопились. Она выбрала себѣ двѣнатцать богатырей и приказала подавать лошадей, — и сама с ними поѣхала в погоню. Ѣхала многоли, мало-ли, — доѣхала до Сони и стала ее бить: зачѣм пропустила. А Соня отвѣчает: я тебѣ тритцать лѣт караулю, — ты мнѣ никакой мочалинки не дала, а он привёз мнѣ крес с цѣпочкой.

Царь-Дѣвица отправляется дальше. Пріѣзжает к старухѣ. Стала ее ругать—бранить: зачѣм не фатала, не имала. Старуха отвѣчает: матушка Царь-Дѣвица! я за им гналась: вот у меня и конь в мыльной пѣнѣ. (А то был конь Михайла Царевича: он раньше Царь-Дѣвицы пріѣхал к старухѣ; взял у нея свѣжаго коня, а своего, изнуреннаго, у нея оставил. Царь-Дѣвица, оставив старуху, пускается дальше в погоню за Михайлом Царевичем). Не доѣхал он до другой старухи, а Царь-Дѣвица вслѣд тут и есть, да так близко, что голос стало слышно, — кричит: я тебя, какова не буду, а добуду! — Видит Михайло Царевич, что дѣло плохо, — кидает гребешок и приговаривает: стань, чешша, чтоб и пр. Сдѣлался такой слѣшяк, што комар худо пролетит. Царь-Дѣвица заставила богатырей эту чашшу рубить да ломать. Пока ее ломали, Михайло Царевич пріѣхал к другой старухѣ. Старуха выбѣжала, дает ему коня и говорит: поѣзжай скоряе: за тобой погоня. Михайло Царевич уѣхал. А Царь-Дѣвица уж выломала чашшу и проѣхала. Пріѣзжает к старухѣ — бранит ее; отвѣт прежній. Царь-Дѣвица ѣдет дальше. И вот она Михайла Царевича достигает, уж на пятах налегает и кричит: какова не буду, а тебя добуду! (Михайло Царевич бросает ширинку: стала стѣна). Царь-Дѣвица пріѣхала к этой стѣнѣ и посылает своих богатырей спехнуть ее. Трудились, трудились — не могли ничево подѣлать. Она на их осердилась; разгонила своево доброво коня, подъѣзжает к бѣлокаменной стѣнѣ, топнула своей ногой и сдѣлала на стѣнѣ шшель. Потом приступили 12 богатырей, чтоб стѣну спехнуть, и онѣ проломили — сдѣлался проѣз (Михайло Царевич меж тѣм побывал уже у третьей старухи, перемѣнил коня и отправился дальше. Пріѣхала к старухѣ и Царь-Дѣвица. На упреки

ся старуха отвѣчает как и первыя двѣ. Царь-Дѣвица продолжает погоню. Ѣдет она и похваливаст коня Михайла Царевича. А тово не знаст, что он ѣдет на перемѣнных. Михайло Царевич не далёко уѣхал,—она уже на пятах налегаст. Ах, говорит, какой у тя конь не был, а вѣрно утомился. Завидѣл ее Михайло Царевич, взял платок за кончики, розмахнул—стала рѣка огненная. Кончиком платок привязал за петельку к сертуку, а сам лёг на зеленой лужок. Царь-Дѣвица пріѣхала к рѣкѣ и с двѣнатцати богатырями. И стала ево уговаривать. Замости мнѣ хоть калиновой мост. А ему старуха заказала: не брось ни одново коневьево волоска. (Царь-Дѣвица, видя, что ничево не сдѣлает с Михайлом Царевичем, отправилась назад, а он на лужку уснул и спал крѣпким сном сутки — другія — третьи).

Между тѣм отец по нем стосковался и посылает своих сыновей, чтоб хоть слуху пронять, — гдѣ он есть.

Доѣхали они до этой рѣки. Подлѣ рѣку ѣдут — увидѣли коня Михайла Царевича, потом и ево самово. Побудили ево—не могли розбудить. И говорят: нѣт ли у нево живой молодовой воды. Посмотрили — нашли. (О качествѣ вод узнают, оживляя убитую птичку). Давай, говорит, бросим ево (Михайла Царевича) в рѣку. Так и сдѣлали — бросили ево в огненную рѣку, сами домой поѣхали. А он, доброй молодец, валился да валился, да скрозь землю и провалился, провалился в подземное царство. Потому он не убился, что ево платочек поддерживал [1]). Очутился он на дорогѣ и пошол путем дорогою и дошол до царства и не знает, какое и гдѣ он есь. Подходит к городу и выпросился у одной старушки — баушка, пусти ночевать. Она пустила. Вот он наѣлся, напился и спрашивает: баушка, какой это город? Это, говорит старуха, называется подземное царство. У нас есть царь и царица, у царя и царицы — доч. (Поутру Михайло Царевич отправляется на охоту) Вышел в чистое полё, настрѣлял птиц (и велѣл старухѣ часть добытой им дичины употребить на обѣд, а часть продать в

---

[1]) Какъ его платокъ поддерживалъ, того разскащикъ объяснить не могъ.

городѣ.) Старуха продала дичину за хорошую цѣну и узнала, што в городѣ дѣется. Всѣ там твердили, что выходит змѣй из озера и съѣдает по человѣку. Послѣзавра по очереди надо царевну вести на съѣденіе змѣю. Царь ищет, кто бы змѣя умертвил. За тово отдал бы доч и всё царство. Не выискиваются никакіе охотники. (Михайло Царевич узнает от старухи, гдѣ озеро, из котораго выходит змѣй. На берегах его он настрѣлял дичины и опять посылает старуху продавать ее в город. Старуха приносит из города опять прежнія вѣсти. На слѣдующій день Михайло Царевич отправляется опять на озеро.) В 12 часов дня туда привели царевну — царь, царица и множество людей, и оставили ее у озера, а сами поскоряе ушли. Тут Михайло Царевич подошол к красной дѣвицѣ. Зравствуй, говорит, красная дѣвица! — Здравствуй, доброй молодец! — И стала она у ево спрашивать — откуда он и зачѣм. Он ничево не отвѣчает, а только говорит: поишши в головѣ у меня, красная дѣвица. Красная дѣвица отговаривается, потому что — придет змѣй, говорит, и тебя съѣст. — Не бойся, говорит, поищи. Стала она искать. Ну, каково ишшется — только хоть голову приклонил. Вдруг озеро взволновалось: выходит змѣй о́ три головы и говорит чоловѣческим голосом: спасибо царю: послал обѣд и с прикусочкой! А она доброво молодца стала будить: он как бутто и уснул. Встал доброй молодец, взял меч-кладенец и пошол к змѣю ближе; ударил ево по головѣ и отсѣк ему голову; потом отрубил всѣ три. Туловище вытащил на берег. Тут близко лежал большущій камень. Михайло Царевич взял камень за уголок — отворотил, ту́ловище и головы под этот камень положил и камешком прикрыл. Царевна сидѣла, глядѣла и только удивлялась. Михайло Царевич простился с ней и ушол. Межда тѣм царь посылает своево слугу — Ярыжку кривова узнать — съѣл ли змѣй доч или нѣт. Ярыжка приходит к берегу, видит — царевна сидит, озеро спокойно стоит. (Узнав от царевны, что змѣй убит) Ярыжка вынял из кармана ножиченко и стал (царевну) страшшать: скажи, што я убил. (Царевна обѣщала исполнить его требованіе. Ярыжка привел ее к царю и говорит, что он

спас ее от змѣя. Царевна подтверждает это. Ярыжка требует царевну замуж. Она не смѣет отказать ему, и царь назначает день свадьбы). А Михайло Царевич у старухи живёт, дичину бьёт, старуха носит ее продавать и переводит ему всё, што говорят в городѣ. (Узнав в какой день будет свадьба царевны, Михайло Царевич отправляется в город и становится в толпѣ зрителей. Повезли царевну к вѣнцу.) Ярыжка приказывает, чтоб ходко ѣхать, а царевна — чтоб шагом. Ѣдут тихонько. Царевна смотрит из экипажа во всѣ стороны. (Увидѣв Михайла Царевича, она выходит из кареты, берет его за руку: вот, говорит, мой суженый-ряженый! Посадила его к себѣ в карету и велѣла поворотить лошадей назад. Царь очень было удивился возвращенію дочери, но она объяснила ему все). Слуга Ярыжка росшетинился. Я, говорит, убил. Михайлу Царевичу это слово не полюбилось. (Если он убил, говорит, так пусть же он отвалит тот камень, под которым спрятаны туловище и головы змѣя). Пошли онѣ на зморье со множеством зрителями. Ярыжка пожилился — пожилился, и пошевелить камня не может. (Михайло Царевич легко отбросил камень в сторону, достал змѣиныя головы и, приложив их к туловищу, покропил молодовой водой — змѣй стал шевелиться. Всѣ перепугались и стали просить Михайла Царевича не оживлять змѣя. Михайло Царевич разрубил его па мелкія части, сложил их на костер, сжег и) пепелок розвіял. Царь отдает ему и царство и дочерь, но Михайло Царевич ничево не берет. Он просит только таково человѣка, который бы доставил ево на верх — на рускую землю. Через год или два такой человѣк выискался (он посадил Михайла Царевича на орлов, привязав к ним корзины с кормом. Михайло Царевич сѣл на орлов и полетѣл вверх. Корму для орлов оказалось мало и он кормил их икрами своих ног). Михайло Царевич очудился на своей землѣ. Пошол к своему отцу. А Царь-Дѣвица к ним ужо давно пріѣхала и дожидает Михайла Царевича, и с сыном своим. Михайло Царевич поздоровался с отцом и разказал ему всё, што с ним было. Братья очень испугались, но Михайло Царевич их простил. Царь-

Дѣвица вышла за нево замуж и увезла ево в свое царство. И онѣ там стали жить да поживать, да добра наживать, а лиха проживать.

4.

Страхъ польской — ракъ морской.

Торговал богатый купец в инном государствѣ. На возвратном пути середи моря у него корабли остановились. Мель, должно быть, думает купец. Стали «оммѣривать» — нѣт: вода «ходовая», а корабли стоят. Это страх польской, рак морской держал корабли своими клешнями. Отдай, говорит купцу, то, что у тебя есть дома и чего ты не знаешь, — пущу. Купец подумал — подумал, — согласился. Корабли побѣжали по морю и купец пріѣхал благополучно домой. А не был он дома долго, — лѣт двѣнадцать. В его отсутствіе жена родила ему сына. Мальчик вырос, его и «в грамотѣ выучили» к тому времени, как пріѣхал отец. И был он такой рослый, что можно бы дать ему не 12, а 20 лѣт. Купец, завидя с ним свою жену, подумал было, что она с любовником. Он намѣревался уже им обоим головы отрубить, но, — узнав, что перед ним сын его, — расплакался: так вот что, подумал, есть у меня дома, чего я не знал. Разсказал он женѣ, какое обѣщаніе дал страху польскому — раку морскому, Крѣпко и она опечалилась. Изо дня в день горют они и плачут. Сын спрашивает — о чем, — не говорят. Вот раз и подслушал он разговор отца с матерью, и узнал, что рано ли, поздно ли, а надо ему отправляться к царю польскому, раку морскому. Поутру собрался и пошел. Отец и мать его удерживали, плакали, в «омморок» падали — жаль было ему их, а ушел. Чтож? Рано ли, поздно ль, а надо. Шел он, шел, шел долго — приходит на берег моря. Видит — стоит на берегу избушка. Вошел он в избу. В избѣ — старуха. И спрашивает он у нея, — как ему пройти к страху польскому,

раку морскому. — Трудно, говорит старуха, дойти тебѣ до него. Ну, да молись Богу «лежись» спать: утро вечера «мудреняе». — Утром она и говорит ему: ступай на остров Буян. Увидиш там 12 дубов, прилетят на тѣ 12 дубов 12 птиц, станут пѣть пѣсни, — ты пройди мимо; увидишь 3 дуба, прилетят на тѣ три дуба три птицы — пройди мимо; увидишь один дуб и подлѣ ракитов куст — ты под него «сопрячься». Прилетит на тот дуб одна птица, сбросит свои крылушки, обернется красною дѣвицею и станет купаться. Ты крылышки захвати и отдай тогда, когда она обѣщает помогать тебѣ. Эта птица — дочь страха польского, рака морского. Она тебѣ укажет как дойти до отца и как узнать его. — Все так и сдѣлал добрый молодец, как сказала ему старуха. Красная дѣвица — дочь страха польскаго, рака морскаго указала ему дорогу к отцу и сказала, что он сидит на средней «мостовицѣ». Подходит доброй молодец к дворцу. Видит дворец в 3 «чердака»; ведет в него 12 «листниц». В дворцѣ нашел он 12 страхов польских, раков морских, а главный сидит на средней «мостовицѣ». Подошел к нему добрый молодец — поклонился. «Ну, здравствуй, говорит страх польской — рак морской, «во время пришел ты, хорош и будеш». И сдѣлал он его ключником. «По день, по другой» ключничает добрый молодец, — страх польской — рак морской им доволен — не нахвалится. Позавидовали другіе слуги новому ключнику и наговорили на него страху польскому — раку морскому, будто бы он так похваляется: что у вас за царь, — не царь, а царишка! Вот будь я царь, — не так бы жил, не то бы ѣл, не то бы дѣлал. Разозлился страх польской — рак морской. Призывает добраго молодца и говорит ему: как ты смѣл похваляться так: (повторяет слова наговорщиков)? Добрый молодец стал было «правиться», — страх польской — рак морской не вѣрит и не слушает. Чтобы к завтрашнему «дни», говорит, была кругом дворца рѣка молочная, берега кисельные и в них чтоб были воткнуты ложки «кержанки». Не будет — голову срублю. — Вышел добрый молодец, запечалился. Идет, «плачёт». Встрѣчается ему красная дѣвица — дочь страха польскаго, рака мор-

скаго. Узнав, о чем он горюет, она говорит ему: не бойся: это не слу̀жба, а службишка, — всё будет готово к завтрашнему «дни». В но̀чи призвала она слуг своево отца. Собралось их столько, что «уму не вѣстимо». По ея приказу сдѣлали они к утру все, что требовалось. Страх польской — рак морской ставит доброво молодца опять ключником. — Снова клевста; немилость; задача: построить за одну ночь хрустальную церковь и такой же мост, на мосту виноград, чтоб рос. И эта задача исполнена также как и первая. Опять добрый молодец ключником, опять наговоры — новая задача: чтобъ за ночь во дворцѣ все было выпито и съѣдено. Исполнено и это. Снова ключничество; снова наговоры (каждый раз однѣ и тѣжѣ: обвиненіе в приведенной выше похвальбѣ), — четвертая задача: объѣздить жеребца, котораго поведут на двѣнадцати цѣпях. Узнав об этой задачѣ, красная дѣвица — дочь страха польскаго, рака морскаго говорит доброму молодцу: вот это уж не службишка, а вся служба: жеребец — это сам страх польской — рак морской. Возьми ты три прута — желѣзный, мѣдный, оловянный. Как поѣдеш на жеребцѣ «хвощи» его изо всей силы. — Сѣл добрый молодец на жеребца. Жеребец понес его по горам, по долам, по рѣкам, по болотам. Добрый молодец крѣпко сидит и не переставая бьет его прутьями. Изломал желѣзный прут — стал бить мѣдным, изломал мѣдный — принялся за оловянный. Оловянный гнется да не ломится. Долго носил его жеребец, носил, пока не увяз в берега кисельные. Добрый молодец соскочил с него, отыскал красную дѣвицу — дочь страха польскаго — рака морскаро и вмѣстѣ с нею пустился бѣжать из его царства. Трижды посылал за ними страх польской — рак морской погоню, но каждый раз они спасались от преслѣдованія, оборачиваясь: пеньком и кочкой, церковью и попом, уткой и селезнем. Добрый молодец, пріѣхав домой — к отцу, к матери, женился на красной дѣвицѣ, дочери страха польскаго — рака морского. И стали они жить да поживать да добра наживать.

Свадебный обрядъ въ Ростовской волости, Устюжскаго уѣзда Новгородской губерніи[1]).

Отецъ жениха, пріѣзжающій сватать за сына невѣсту, говоритъ:

«Давай-ко, нареченный сватъ, породнимся: у меня есть рожь да пшеница, а у тебя есть кра́сна дѣвица».

На это сватъ (т. е. отецъ невѣсты) отвѣчаетъ: «Давай, сватъ, породнимся!»

За тѣмъ назначается день рукобитья, въ который отецъ жениха пріѣзжаетъ къ отцу невѣсты и, войдя въ домъ, становится по лѣвую сторону стола, стоящаго подъ образами; напротивъ его становится отецъ невѣсты. Они молятся Богу и бьютъ руками въ полу шубы. Съ этого времени невѣста считается просватанною. По отъѣздѣ отца жениха, собравшіяся дѣвицы расплетаютъ невѣстѣ косу.

На канунѣ свадьбы бываетъ вечеръ у жениха. Изба чисто убирается и полъ устилается соломой. Къ жениху «скопляется» свадебный поѣздъ. Поѣздъ составляетъ: дружко съ подружьемъ (главные распорядители свадьбы), подкнязье (лице, ѣдущее съ женихомъ), тысяцкой, двое баришекъ и вся родня. Когда всѣ соберутся дружко, подпоясанный полотенцемъ, кладетъ на полъ шубу — шерстью къ верху, — зажигаетъ свѣчу предъ образомъ, положеннымъ на хлѣбъ съ солью; женихъ становится передъ разостланной шубою, а дружко, помѣстившись сзади жениха, начинаетъ вызывать сперва отца, потомъ мать а за тѣмъ и всю родню, благословить жениха. Говоритъ онъ при этомъ слѣдующее:

«Батюшко домовитой
«И матушка домовитая!
«Благословляйте
«Вашего сына любезнаго,

[1]) Сообщ. г. Колюбакинымъ.

«А нашего князя
«Нареченнаго!
«Садится за столики дубовые,
«За скатерти браны;
«За яства сахарны,
«За питья медовы!
«Хлѣба, соли покушать,
«Бѣлаго лебедя порушить,
«Гостей поподчивать!
«Было бы ваше благословеніе,
«А надъ нами будетъ Богъ
«И Божіе милосердіе!»[1]).

Когда всѣ благословятъ жениха, садятся за столъ. Дружко стоитъ у стола; за столомъ стоятъ князь (т. е. женихъ) съ подкнязьемъ. При вызовѣ дружкой къ стакану, они кланяются тому лицу, которое пило. Въ опорожненный стаканъ, лицо пившее, кладетъ деньги.

Когда всѣ усядутся за столъ, дружка говоритъ:

«Батюшка домовитой
«И матушка домовитая!
«Что есть въ печи,
«Все на столъ мечи!

а по постановкѣ кушанья:

«Батюшка домовитой
«И матушка домовитая!
«Проситъ нашъ князь нареченный
«Яства подсахарить
«И гостей по подчивать!»

Послѣ этого отецъ и мать жениха обязаны попробовать поставленное кушанье, говоря: «просимъ гости любящіе хлѣба, соли

---

[1]) Сохраняя здѣсь и ниже правописаніе подлинника, считаю нужнымъ замѣтить, что оно не передаетъ мѣстнаго произношенія. Конечно, не—бѣлаго, напр., а бѣлово и т. п.

покушать!» За тѣмъ дружка, наливъ стаканъ пива, начинаетъ вызывать отца, мать, всѣхъ родныхъ и поѣзжанъ къ пивному стакану, приговаривая:

«Батюшка домовитой
«Проситъ нашъ князь нареченный,
«Къ пивному стакану,
«Тысяцкой, большой баринъ
«Меньшой баринъ,
«Колпачной, подколпачной
«И я дружка съ подружьемъ,
«Со всѣмъ завѣнецкимъ
«Закатистымъ поѣздомъ.
«У нашего князя нареченнаго,
«Пива варено, девяносто ведръ
«Солода,—были Ростовски,
«Пивовары — Московски,
«Возили воду съ Соловецкаго озера;
«Дровни завѣнецки,
«Узды наши нѣмецки,
«Скоры ноги съ походомъ,
«Голова — съ поклономъ,
«Языкъ съ приговоромъ;
«Извольте стать на лыжи,
«Подвинуться по ближе;
«Въ бѣлы руки принять,
«Сахарныя уста приложить;
«Вамъ бы — выпить,
«Намъ бы — видѣть!»

По окончаніи ужина дружка, говоритъ:

«Батюшка домовитой и матушка домовитая!
«Благодаритъ нашъ князь нареченный
«За хлѣбъ, за соль, за милость вашу;
«Отъ-сыта-сыты; отъ-пьяна-пьяны».

На другой день, послѣ завтрака, дружка кладетъ шубу на полъ, какъ на канунѣ, и, взявъ образъ съ хлѣбомъ и солью, становится позади жениха и говоритъ:

«Батюшка домовитой и матушка домовитая!
«Благословляйте вашего сына любезнаго
«А нашего князя нареченнаго,
«Во путь, во дорогу идти
«По полу кирпичному,
«По гвоздю луженому;
«Выходить на конюшій дворъ,
«Садиться въ новы сани,
«Покрываться полстями,
«По коню ударить,
«По пути поправить;
«Ѣхать путемъ дорогой
«Столбовой широкой;
«Точенымъ столбамъ,
«Немѣрянымъ верстамъ.
«Подъѣзжать намъ
«Къ своей суженой, ряженой,
«Взять свою сужену, ряжену;
«Ѣхать къ колокольнсму звону,
«Ко церковному пѣнью,
«Ко духовному отцу;
«Златъ [1]) вѣнецъ принимать,
«Животворящій крестъ цѣловать;
«Перстнями помѣняться,
«Въ бѣлы уста цѣловаться.
«Было бы ваше благословеніе,
«А надъ нами будетъ Богъ
«И Божеское милосердіе».

По окончаніи благословенія, поѣздъ предводимый дружкой

[1]) Въ подлинникѣ: Знать. Конечно описка?

съ подружьемъ, отправляется къ невѣстѣ. Пріѣхавъ, дружка стучится въ дверь, приговаривая:

«Есть ли у воротъ — воротникъ
«У дверей — дверникъ?»

и, получивъ, отъ отца невѣсты отвѣтъ: «есть», говоритъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!» Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Аминь». Дружка отвѣчаетъ:

«Спасибо на аминѣ,
«Чтобы двери отворили».

Отецъ невѣсты отворяетъ двери и впускаетъ поѣздъ, который проходитъ впередъ, оставляя жениха подъ полатями; тогда дружка, ставъ впереди жениха, обращается къ отцу и матери невѣсты, съ словами:

«Батюшка домовитой и матушка домовитая!
«Остался нашъ князь нареченный
«Одинъ во чистомъ полѣ
«Во зеленой дубравѣ;
«Подъ частымъ звѣздамъ,
«Подъ чернымъ оболокомъ,
«Подъ краснымъ солнышкомъ
«Добъ! и здоровъ;
«Шлетъ вамъ свое челобитье
«И своей суженой, ряженой,
«Желаете ли насъ въ гости?»

Просимъ покорно, отвѣчаютъ невѣста съ отцемъ и матерью; Затѣмъ всѣ поѣзжане садятся за столъ, а женихъ, взявъ за правую руку невѣсту, покрытую большимъ платкомъ, на которомъ нашитъ крестъ, ведетъ къ столу и становится у лавки, на которой лежитъ подушка. Дружка вызываетъ къ подачѣ кушанья (см. выше) и, когда сядутъ всѣ за столъ, приглашаетъ къ пивному стакану (говоря тоже «что выше, но добавляя, послѣ князь нарѣченный» — «съ княжней нарѣченной»); по окончаніи обѣда

(¹) Добръ? или что другое?

благодаритъ (какъ и выше) отца и мать невѣсты. Затѣмъ весь поѣздъ выходитъ изъ, за стола; остается за нимъ одна невѣста. Ее садятъ на подушку; подлѣ нея садится подруга, отъ которой дружка долженъ выкупить косу невѣсты; безъ чего не отдаютъ невѣсту жениху. Въ это время, собравшіяся дѣвушки, поютъ свадебныя пѣсни.

«Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
«Изъ-за горъ было высокіихъ;
«Какъ летитъ стадо гусиное,
«А другое лебединое и проч.

Деньги на выкупъ невѣсты, кидаются въ чашку съ пивомъ. Если дружка платитъ щедро, то дѣвушки въ пѣснѣ восхваляютъ его; если же худо; то поется:

«Наѣхали лапотники, отопошники,
«Увезли у насъ бархатницу, атласницу и проч.

Во время выкупа невѣсты вся задача дружки въ томъ, чтобы поскорѣе положить кнутъ на подушку, на которой сидитъ невѣста съ подругой; кнутъ же можетъ быть положенъ только тогда, когда встанетъ подрушка. Когда кнутъ положенъ, выкупъ считается оконченнымъ.

Подружка отходитъ отъ невѣсты, которую и вручаютъ жениху. Послѣ этого дружка кладетъ шубу шерстью къ верху и начинается благословеніе жениха и невѣсты къ вѣнцу. Во время благословенія дружка говоритъ тѣ же слова что уженихa, прибавляя, послѣ «князь нарѣченный»,-съ «княжней нарѣченной» и выпуская слова: «подъѣзжать намъ къ своей суженой, ряженой» и «взять свою сужену, ряжену». Когда кончится благословеніе; дружка завязываетъ образа съ хлѣбомъ съ солью въ чисту-браную скатерть. Поѣзжане выходятъ на дворъ, садятся въ сани, женихъ же, взявъ невѣсту на руки, ысадитъ въ особя сани со свахой. Когда всѣ усядутся, дружка обходитъ поѣздъ три раза съ образами, хлѣбомъ и солью, дергая каждую лощадь за чёлку, и бьетъ рукавицами по спинѣ лошади жениха три раза, послѣ чего ими же гладитъ ее. Затѣмъ поѣздъ отправляется въ церковь.

Дружка, отъѣхавъ немного отъ деревни, останавливаетъ поѣздъ осматриваетъ тали невѣста, которую хотѣли взять, и послѣ этого отправляется съ челобитьемъ (т. е. съ благодарностью) къ отцу и матери невѣсты, при чемъ говоритъ:

«Батюшка домовитой и матушка домовитая!
«Остался нашъ князь нарѣченный
«Съ княжней нарѣченной
«Въ чистомъ полѣ
«Добъ и здоровъ
«И шлютъ вамъ свое челобитье
«До сырой земли».

На что, получивъ отвѣтъ, «благодарствуемъ покорно», — зоветъ отца и мать невѣсты и родныхъ ея (называемыхъ дикими) въ гости, говоря:

«Батюшка домовитой и матушка домовитая!
«Батюшка пребесѣдный (отецъ посаженый) и матушка пребесѣдная.
«Проситъ нашъ князь нарѣченный.
«Съ княжней нарѣченной,
«Къ себѣ въ гости; въ каменны палаты.
«Въ сѐмерыхъ саняхъ,
«По сѐмеро въ саняхъ,
«Не всѣ въ синихъ кафтанахъ,
«А и въ синихъ сарафанахъ.

Послѣ чего уѣзжаетъ къ оставленному имъ свадебному поѣзду, который, пріѣхавъ къ церкви, выходитъ изъ саней и входитъ въ церковь вереницей, взявшись за руки. По окончаніи вѣнчанія, новобрачныхъ ведутъ въ церковную сторожку, гдѣ молодыхъ садятъ рядомъ. Сваха окручаетъ молодую, т. е. распущенные ея волосы заплетаетъ въ двѣ косы и надѣваетъ кокошникъ. Во время чесанія головы молодой, этимъ же гребнемъ чешутъ и голову молодаго, и при томъ такъ, что одинъ разъ гребень проходитъ по головѣ молодой, а другой по головѣ молодаго. Когда

окончится окрутка, дружка беретъ зеркало и подноситъ къ молодой, спрашивая, кого она видитъ? Новобрачная отвѣчаетъ: моего суженаго: (или отчество жениха). Дружка подноситъ зеркало къ молодому и также спрашиваетъ, кого онъ видитъ? На что молодой отвѣчаетъ: «свою суженую (имя, отчество невѣсты): Затѣмъ поѣздъ отправляется въ домъ отца и матери жениха. Подъѣхавъ, всѣ останавливаются у воротъ; дружка идетъ въ домъ. Помолившись Богу и поклонившись на всѣ стороны, онъ говоритъ:

«Батюшко домовитой и матушка домовитая,
«Остался нашъ князь молодой,
«Со княжней молодой,
«Во чистомъ полѣ.
«Во зеленой дубравѣ;
«Подъ чистымъ облакомъ,
«Подъ частымъ звѣздамъ,
«Подъ свѣтлымъ солнышкомъ
«Добъ и здоровъ;
«Шлютъ вамъ поклонъ
«И просятъ: желаете насъ
«Въ гости въ свой домъ
«Съ дорогими гостями?»

На это отецъ жениха отвѣчаетъ: «Очень рады, не знаемъ какъ дождаться»! Дружка ворочается къ поѣзду, который затѣмъ и въѣзжаетъ водворъ. Въ это время отецъ и мать жениха надѣваютъ шубы къ верху шерстью и выходятъ встрѣчать молодыхъ съ зерновымъ хлѣбомъ, которымъ и осыпаютъ ихъ, приговаривая:

«Дай вамъ Богъ жить, да богатѣть
«Спереди горбатѣть!

Когда всѣ сядутъ за столъ, дружка взявъ кнутъ, навиваетъ на него платокъ, которымъ покрыта молодая. Когда онъ откроетъ платокъ, молодые, поклонившись всѣмъ, уходятъ за осо-

бый столъ, въ другую избу обѣдать. Послѣ обѣда дружка заставляетъ молодую разувать мужа, въ обуви котораго должны быть деньги. Затѣмъ молодыхъ кладутъ спать. На другой день ихъ будитъ дружка и зоветъ къ завтраку, называемому «Княжой столъ» и вызываетъ къ пивному стакану, употребляя вмѣсто словъ «князь нарѣченный, съ княжней нарѣченной», — «князь молодой со княжней молодой». Послѣ обѣда молодые всѣмъ кланяются въ ноги и молодая даритъ всѣхъ бывшихъ на свадьбѣ и родню мужа платками и полотенцами, за что, въ свою очередь, каждый долженъ ее отдарить. Затѣмъ гости разъѣзжаются по домамъ, а отецъ молодой пріѣзжаетъ звать къ себѣ въ гости, называемыя отводыни».

ПРОГРАММА

для собиранія данныхъ, характеризующихъ особенности сѣверно-великорусскаго или окающаго нарѣчія.

(Ненаучность въ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ настоящей программы объясняется тѣмъ, что при составленіи ея имѣлось въ виду формулировать ихъ такъ, чтобъ не затруднить пониманія лицъ, не получившихъ правильнаго филологическаго образованія.)

ЗВУКИ.

А. Гласные.

о—а.

Есть ли случаи перехода звука *о* въ *а*?

Переходитъ ли въ *а* звукъ *о*, лишенный ударенія, только въ срединѣ словъ:

карабль,

манастырь,

или переходъ этотъ замѣчается и въ началѣ:

афицеръ,

и въ окончаніи:

Михайла?

Не измѣняется ли на *а* конечное *о* въ род. п. ед. ч. прил. им. м. р.:

доброва?

Измѣненіе *о* на *а* въ сѣв. великор. явленіе рѣдкое, встрѣчающееся лишь спорадически; желательно бы поэтому имѣть перечень по возможности всѣхъ тѣхъ словъ, въ которыхъ измѣненіе это совершилось.

а—о.

Часто ли замѣчается обратное явленіе—измѣненіе *а* на *о*?

Постоянно ли смѣняется на *о* звукъ *а*, начинающій слово:

Олексѣй и т. п.?

Въ срединѣ словъ переходъ *а* въ *о* условливается ли удареніемъ, или совершается независимо отъ него?

Примѣры измѣненія:

заго́(а)дка

то(а)нцы

роботникъ

пороходъ

содить

сондукъ

рокита и т. п.

Конечное *а* измѣняется ли на *о* исключительно въ такихъ словахъ какъ

батюшко вм. батюшка,

т. е. въ именахъ съ суфиксомъ *к-а*, или измѣненіе замѣчается и въ другихъ случаяхъ?

Не сокращаются ли иногда полногласныя формы *оро*, *оло* въ *ро*, *ло*, не говорится ли:

облочись вм. оболочись,

злотой вм. золотой,

дроги вм. дороги и т. п.?

е—о.

Начальное *е* не обращается ли въ *о*:

одва,

още?

е—э.

Не слышится ли въ нѣкоторыхъ словахъ (и если слышится, то въ какихъ именно) *э* вм. *е*:

эще,

отэцъ,

молодэцъ,

суэтливый?

о—у.

Не измѣняется ли *о* на *у*:

у̇тъ=отъ,

у(о)глобли,

у(о)хота,

у(о)твори,

съ палку(о)й,

палку бу(о)евую?

Не замѣчается ли иногда обратнаго явленія — перехода *у* въ *о*:

ко(у)ковать и т. п.?

По аналогіи съ измѣненіемъ *о* на *у*, нѣтъ ли случаевъ перемѣны *е* на *ю*:

очюнь вм. очень и т. п.?

уо.

Не обращается ли *о* въ двоегласный звукъ *уо*:

спруосъ=спросъ,

собуолья=соболья?

ау.

Не превращается ли въ двоегласный звукъ *ау* конечное *а* нѣкоторыхъ словъ:

батюшкау вм. батюшка,

дѣвкау вм. дѣвка?

ы.

Не смѣшивается ли въ произношеніи *ы* съ *и*, не говорится ли напр.

мило вм. мыло,

и наоборотъ?

ый — ой.

ій — ей.

Переходитъ ли окончаніе прилагательныхъ *ый* въ *ой* и совершается ли этотъ переходъ независимо отъ ударенія:

дóброй и т. п.?

При формахъ на *ой* встрѣчаются ли въ той же мѣстности и формы на *ый*?

Не сохраняется ли *ы* въ словахъ, подобныхъ

выетъ вм. воетъ?

По аналогіи съ измѣненіемъ *ый* на *ой* измѣняется ли *ій* на *ей*:

Божей вм. Божій и т. п.?

На ряду съ окончаніемъ *ей* не живетъ ли окончаніе *ій*?

Не сохраняется ли *и* въ словахъ, подобныхъ

копійка вм. копейка?

о — ы.

Не измѣняется ли *о* на *ы* въ срединѣ словъ? Кромѣ — формы нонь вм. нынѣ — есть ли другіе случаи такого перехода?

ы — у.

Существуетъ ли взаимная мѣна звуковъ *у* и *ы*:

слыхъ вм. слухъ,

бытто вм. будто,

сколубаться вм. сколыбаться?

Не мѣняется ли *у* въ *в*:

пиуцо вм. пивцо,

удова — вдова,

вгодить — угодить?

и — е.

Смѣняется ли *и* на *е*?

Имѣетъ ли такая смѣна мѣсто въ началѣ словъ:

Еванъ вм. Иванъ?

Замѣчается ли такая смѣна въ срединѣ словъ, не говорится ли напр.

перъ вм. пиръ,

меръ вм. миръ,

военъ вм. воинъ,

вехорь вм. вихорь,

ракета вм. ракита и т. п.?

Не переходитъ ли въ *е* конечное *и:*

а) въ неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи:

не — ни,

але — али?

б) въ окончаніи неопр. наклоненія глаголовъ:

ходите вм. ходити — ходить и т. п.?

в) въ тв. п мн. ч. сущ. именъ: судьяме?

г) въ причастныхъ и дѣепричастныхъ формахъ:

попутане вм. попутани — попутаны,

бравше вм. бравши?

е — и.

Не замѣчается ли обратнаго звуковаго перехода, т. е. не звучитъ ли иногда *и* вм. *е*:

ище — еще,

пирстомъ — перстомъ?

Не говорится ли *си* вм. *се* изъ *ся*;

напилси и т. п.?

Не слышится ли форма

жнитъ вм. жнетъ,

пойдимте вм. пойдемте?

е — ё.

Вмѣсто *е* въ сѣв. великор. чаще чѣмъ въ южномъ является *ё*.

Въ какихъ словахъ, независимо отъ ударенія, совершается такой переходъ *е* въ *ё* въ корнѣ?

Говорится ли:

лёвъ,

погрёбъ,
вёршокъ,
пёсокъ,
бёдро,
сёло,
слёза,
сёстра,
надёжда,
бё(ѣ)да,
рё(ѣ)ка,
вёшный,
осённый,
помётаться,
вылётать,
трёснуть,
дёржать,
отпёхнуть и т. п.?
Измѣняется ли на *ё* второе *е* полногласной формы *ере:*
верёхъ,
берёгъ и т. п.?

Сохраняется ли въ подобныхъ словахъ *ё* при увеличеніи въ нихъ слога, говорится ли—
берёга, берёгу и т. п.?

Замѣчается ли измѣненіе *е* на *ё* въ слѣдующихъ случаяхъ (и если замѣчается, то постоянно ли, или съ исключеніями):

1. Передъ *р:*
мастёръ,
кивёръ?
2. Передъ *б*:
въ существительныхъ:
ястрёбъ?
въ прилагательныхъ:
свадёбный?
3. Передъ *в* въ слогѣ *ев,*

как глагольной примѣтѣ:

горёвать,

въ прилагательныхъ:

Васильёвъ?

4. Передъ *к*

въ суффиксѣ *ек:*

рубечёкъ,

въ род. п. мн. ч. им. ж. р. на *ка:*

нянёкъ?

5. Передъ *н*

въ род. п. мн. ч. им. ж. р. на *ня:*

деревня — деревёнъ,

въ суффиксѣ прилагательныхъ:

прибыточёнъ,

въ суффиксѣ причастій:

пущёна?

6. Передъ *м* въ тв. п. сущ. м. р.:

перстнёмъ?

7. Передъ *й*

въ косвенныхъ падежахъ именъ и мѣстоименій:

лебедёй,

саблёй,

своёй и т. п.?

въ окончаніи прилагательныхъ на *ей* изъ *ій:*

колокольнёй звонъ и т. п.?

Удерживается ли *ё* такихъ словъ и въ косвенныхъ падежахъ, — говорится ли: колокольнёму,

Господнёму и т. п.?

8. Передъ *м*, *ш*, *т*, въ глагольныхъ формахъ:

въ 1 л. мн. ч.: читаёмъ,

во 2 л. ед. ч.: похаживаёшь,

въ 3 » » »: будётъ,

во 2 » мн. »: хотитё?

Конечное *е* не смѣняется ли на *ё:*

въ именахъ на *іе*, *ье:*

званіё,

успеньё,

воскресеньё;

въ прилаг. средн. р.:

гусиноё;

въ именахъ и мѣстоименіяхъ двусложныхъ:

времё,

полё,

морё,

нашё и т. п.?

Нѣтъ ли случаевъ измѣненія *е* на *ё* въ началѣ словъ, — говорится ли напр.:

ё(ѣ)да,

ёсть,

ёво,

ёдва и т. п.?

Не произносится ли *е* тамъ, гдѣ можно бы ожидать *ё*:

кольцé вм. кольцё — кольцо,

хорошé вм. хорошё — хорошо,

вéдра — им. п. мн. ч., при им. ед.: вёдро,

зеленый вм. зелёный,

шатеръ вм. шатёръ,

пойдемъ вм. пойдёмъ,

найдетъ вм. найдётъ,

пойдете вм. пойдёте и т. п.?

ѣ — и.

Не измѣняется ли на *и* древнее *ѣ*? — Если это измѣненіе есть, то встрѣчается ли оно только въ нѣкоторыхъ словахъ (какихъ?) или выдерживается постоянно?

Какъ произносятся слова:

время (врѣмя),

песокъ (пѣсокъ),

ѣсть,

ѣздить?
Смѣняется ли постоянно *ѣ* на *и* въ окончаніяхъ:
вси,
на столи и т. п.?
Какъ произносятся нарѣчія
здѣсь (здесь),
гдѣ (где)?
Употребляется ли *я* вм. *ѣ* въ формахъ сравн. степени:
свѣтляе и т. п.?
Нѣтъ ли случаевъ смѣны кореннаго *ѣ* на *я*?

Замѣны древнихъ глухихъ и бѣглые звуки.

На мѣстѣ конечнаго *о*, замѣнившаго древнее *ъ*, не является ли иногда *е*?
Нѣтъ ли словъ съ звукомъ *а* вмѣсто *е*, смѣнившаго древнее *ь*:
сарцо — сердце (сьрдьце)?
Не сохраняются ли *о*, *е*, явившіяся изъ *ъ*, *ь*, въ словахъ:
левъ — лева — леву,
ровъ — рова — ровы,
колодезы,
молебены,
прилещать и т. п.?
Не слышится ли *е* вмѣсто конечнаго *й*:
мое вм. мой,
праведные судъ,
въ десятые разъ и т. п.?
Встрѣчается ли это явленіе только въ пѣсняхъ или и въ живой рѣчи народа?
Слова, подобныя — камень, корень, перстень — сохраняютъ ли *е*, предшествующее *н*, въ косвенныхъ падежахъ:
каменя,
кореня,
перстеня и т. д.?

Какъ произносятся въ им. ед. и какъ измѣняется въ другихъ падежахъ слово заяцъ?

Полногласіе.

Употребляются ли въ живой рѣчи древнія полногласныя формы:

веремя — время (врѣмя),
вередить — вредить,
хоробрый и т. п.?

Какіе замѣчаются случаи позднѣйшаго полногласія?

Примѣры:
молонья,
смерётушка,
верёхъ,
столобъ.

Приставки и вставки.

Не облегчается ли произношеніе группъ согласныхъ звуковъ вставкой и приставкой гласныхъ звуковъ?

Какіе звуки и при какихъ группахъ согласныхъ являются вставочными?

Не приставляется ли въ началѣ нѣкоторыхъ словъ звукъ *и*: ишла и т. п.?

Выпаденіе и сокращеніе.

Какіе гласные звуки выпадаютъ?

Не говорится ли, напр.:
мня вм. меня,
плящіе вм. палящіе,
пугвица вм. пуговица?

Не замѣчается ли случаевъ выпаденія, условленнаго стяженіемъ звуковъ:
стрѣля(е)тъ,
сдѣла(е)мъ и т. п.?

Перегласованіе.

Не измѣняется ли *а* (*я*) на *е* послѣ —
й: если (ясли),
шипящихъ: чеща (чаща),
в: везать,
п: петьсотъ,
с: се(я)дь, се (ся),
м: време,
р: крежъ (кряжъ),
л: угледѣть, вале́(я)ться и т. п.?
На оборотъ: не является ли иногда *я* вм. *е:*
имянины,
сѣмянъ,
племянникъ?

Придыханія.

Какіе звуки являются придыхательными передъ согласными?
й: йонъ (онъ),
йозеро (нѣтъ ли формы — кзеро?),
йодинъ (одинъ, единъ)?
в: вутка,
возёра,
Восподь?
г (= h) Господь,
щельги (= щельи)?

Б. Согласные.

Твердые вм. мягкихъ и наоборотъ.

Какъ произносятся звуки *н*, *р*, *с* передъ согласными *ц*, *с*, *к* суффиксовъ именъ (ьц, ьск, ьств, ьк) — твердо или мягко?

Говорится ли —
коньца или конца,
борьци или борци,

молодецькой или молодецкій,
заморьской или заморской,
царьство или царство,
деревеньскій или деревенскій,
московськая или московская?

Въ послѣднемъ примѣрѣ и подобныхъ ему *в* произносится ли ясно, или скрадывается въ произношеніи:

московськая почти какъ москоськая?

Не замѣчается ли передъ тѣми же суффиксами мягкости другихъ согласныхъ звуковъ. Не говорится ли:

купьця, отьця,
кемьской и т. п.?

Не произносятся ли мягко нѣкоторые согласные звуки, заканчивающіе слово? Не говорится ли напр.:

вм. дятелъ — дятель,
вм. дроздъ — дроздь?

Въ противуположность этому не замѣчается ли обратнаго явленія: твердости конечнаго согласнаго звука вмѣсто ожидаемой мягкости его:

гвоздъ вм. гвоздь?

Какъ произносится *в* въ словахъ, подобныхъ — кровь, оставь — твердо или мягко?

Какъ произносится слово — корабль и подобныя ему — такъ ли, какъ оно написано здѣсь, или —

корабь, кораб, корап?

Не произносится ли *н* твердо передъ суффиксомъ *к* (ьк),—не говорится ли:

маменка,
рѣченка,
бѣленкой и т. п.?

Не являются ли твердыми въ подобномъ случаѣ и нѣкоторые другіе звуки? Не слышится ли напримѣръ:

петелка вм. петелька?

Нѣтъ ли случаевъ твердости *л* передъ суф. прилаг. *н* (ьн):

столный вм. стольный?

Не отвердѣваетъ ли *н* въ окончаніи сущ. ж. р. на *ня:*

княгина,

спальна и т. п.?

Не являются ли твердыми нѣкоторые согласные передъ суффиксомъ *ушка:*

княгинушка,

людушки,

зятушки,

колыбелушка?

Не отвердѣваетъ ли *н* передъ окончаніемъ прилагательныхъ на *ій*, т. е. — другими словами — не смѣняется ли окончаніе *ій*, *яя*, *ее* на *ый*, *ая*, *ое:*

ранная,

осенное,

прежной и т. п.?

Гдѣ есть такое явленіе, не замѣчается ли и обратнаго: не говорится ли напр.:

сильній,

булатняя,

сердешнее и т. п.?

Вмѣсто — другой, сухой, иной, не говорится ли —

другёй,

сухёй,

инёй?

Твердый конечный согласный звукъ имен. падежа не дѣлается ли иногда мягкимъ въ косвенныхъ падежахъ:

лёдъ — льдю, льдёмъ,

пшено — пшенёмъ?

Въ нарѣчіяхъ, образованныхъ отъ прилагательныхъ, не измѣняется ли конечное *н* изъ твердаго на мягкій:

правильнё?

Не отвердѣваетъ ли *м* въ тв. п. сущ. мн. числа, т. е. окончаніе *ми* не измѣняется ли на *мы:*

людмы и т. п.?

Мягко или твердо произносится *т* въ окончаніи неопр. накл. глаголовъ, сложныхъ съ *ся:*

учи́*ть*ся или учи́*т*ся?

Не отвердѣваетъ ли *с* въ *ся* и не являются ли вслѣдствіе этого формы — *са* и *со:*

учился,

кланялисо?

Не умягчается ли *с* въ суффиксѣ *са*, — не говорится ли:

плакся вм. плакса?

Не превращается ли въ нѣкоторыхъ словахъ твердый коренной согласный въ мягкій и наоборотъ: не говорится ли:

жготся вм. жгётся,

бегатый вм. богатый,

зёлъ вм. золъ,

нёкти вм. нокти?

Не замѣчается ли въ нѣкоторыхъ словахъ твердости *р:*

грыбы,

крыкъ,

вихоръ,

ноздра,

тюрма?

На оборотъ: нѣтъ ли случаевъ мягкаго произношенія *р* въ словахъ, гдѣ онъ долженъ бы быть твердымъ:

ря(а)ма,

грё(о)мъ,

разгоря(а)ется?

Не умягчается ли *к* въ окончаніяхъ:

паробкя,

порткёвъ,

высокёшенько?

Не смѣняется ли окончаніе *ко* на *ке:*

Садко — Садке?

Говорится ли — оны, одны, тыхъ вм. они, одни, тихъ — тѣхъ?

Твердо или мягко произносится *ц* передъ гласными *е*, *я*, *ю*, *и* и въ концѣ словъ:

молодец*ь* или молодец*ъ*?

купця, отця или купца, отца?

солнцю или солнцу?

купци, овци или купцы, овцы?

словцё иля словцо?

Какъ звучатъ шипящіе передъ гласными:

пошёлъ или пошолъ?

чюдо, чяй или чудо, чай?

Твердо или мягко произносятся шипящіе, заканчивающіе слово:

идешь или идешъ?

ночь или ночъ?

Мѣна согласныхъ:

Мѣняются ли *ц* на *ч*:

улича,

купечь и т. п.?

Постоянно ли проявляется такая смѣна, или замѣчается лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ?

Твердо или мягко произносится *ц* тамъ, гдѣ оно смѣняется на *ч*?

Тамъ, гдѣ есть такая смѣна, существуетъ ли обратная:

чарь — царь,

словчё — словцё и т. п.?

Не слышится ли звука средняго между *ц* и *ч*?

По аналогіи съ измѣненіемъ *ц* на *ч* и обратно, не мѣняются ли и другіе свистящіе съ соотвѣтствующими имъ шипящими?

Не говорится ли:

дружья вм. друзья,

ближешенько,

ж(з)еленый;

и на оборотъ:

з(ж)арко,
з(ж)аворонокъ,
земчугъ,
рогозка,
зелѣзо,
порозный?
Не слышится ли:
пости вм. пошти изъ почти,
молосный вм. молошный изъ молочный, и наоборотъ:
тышацъ вм. тысяцъ
яшно вм. ясно.
шабля вм. сабля и т. п.?
Не мѣняются ли шипящіе и свистящіе взаимно?
Не ставится ли *с* вм. *ц:*
улис(ц)а,
с(ц)арь,
с(ц)апля,
с(ц)о(а)луй,
с(ц)вѣты?
ш вм. *ч:*
машты,
сердешной?
Наоборот — *ч* вм. *ш:*
поч(ш)лина?
ш вм *щ:*
измѣншикъ?
щ вм. *ч:*
щеботы,
перщатки?
Наоборотъ — *ч* вм. *щ:*
возврачусь?
шш вм. *щ:*
ешшо = еще,
свѣшшенникъ,

чешша = чаща?

сш вм. *щ:*

есшо = еще,

сшипать = щипать?

сч вм. *щ:*

счипцы?

шт вм. *щ:*

штёпочки — щепочки?

ш вм. *ж:*

мошно,

немношечко?

Нѣтъ ли случаевъ употребленія *т* и *д* вмѣсто *ч*:

пот(ч)ь,

под(ч)ью,

помот(ч)ь,

дѣвит(ч)ья?

Не употребляется ли *б* вм. *м* и *в:*

блада = млада,

Бладыка = Владыка?

Наоборотъ — не ставится ли *м* вмѣсто *в:*

паром(б)ка?

Не мѣняются ли взаимно *в* и *м:*

вного — много,

мнукъ — внукъ,

пимцо — пивцо?

Нѣтъ ли случаевъ перехода *в* въ *л* и обратно:

трел(в)ожить,

піял(в)ка;

шав(л)ить,

пов(л)но,

ходив(л)ъ?

Не мѣняются ли между собою звуки *м* и *н:*

на зен(м)ь,

подын(м)и,

камвертъ?

ф не мѣняется ли на *п:*

п(ф)ашинникъ?

Замѣняетъ ли *ф* сочетаніе *хв*:

фоя,

фостъ,

фатать,

фастать и т. п.?

Нѣтъ ли обратнаго явленія:

хвилинъ?

Не стоитъ ли *хв* вм. *х* въ

охвота и т. п.

Не ставится ли *х* вм. *к:*

х(к)васъ,

брюх(к)ва?

ф вм. *х:*

тѣфъ — тѣхъ,

фто — хто изъ кто?

Нѣтъ ли случаевъ смѣны *х* и *в:*

трёвъ — трехъ?

Не переходитъ ли *г* въ *х:*

шах(г)ъ,

перешахнуть?

Какъ произносится конечное *г?*

Не измѣняется ли въ началѣ словъ или въ срединѣ передъ гласными *г* въ придыхательное *h?*

Сохраняется ли *г* въ окончаніи род. пад. ед. ч. им. прил. муж. рода или переходитъ въ *в:*

доброго или доброво?

Не мѣняются ли взаимно *к* и *х:*

балх(к)онъ,

прок(х)лаждаться,

к(х)орошенькій?

Не употребляется ли *г* вм. *к:*

гругльі — круглы,
сголзонулъ — сколзонулъ,
гиль — киль,
голыблется — колыблется?
Есть ли обратные случаи?
Нѣтъ ли случаевъ употребленія *х* вм. *с:*
опоях(с)ать,
откухывать?
Не сохраняется ли въ нѣкоторыхъ словахъ первичныхъ *г*, *к* вм. относительно позднѣйшихъ *з*, *ц:*
польг(з)а,
к(ц)вѣты?
Не переходитъ ли иногда *т* въ *к* и наоборотъ:
кисовый — тисовый,
стипѣло — скипѣло?
Не ставится ли иногда *г* вм. *д:*
гля — для?
Въ какихъ словахъ замѣчается употребленіе *д* вм. *т:*
глод(т)окъ,
очуд(т)иться,
тред(т)ь,
д(т)акъ?
Не мѣняются ли взаимно плавные *р* и *л:*
куліеръ и т. п.?
Нѣтъ ли словъ съ *л* вм. *й:*
скамель(й)ка?
Не мѣняется ли *л* съ *н:*
пристал(н)ь,
сухмел(н)ь,
помл(н)ю,
ожерен(л)ьицо?
Не смѣняется ли *л* конечное или стоящее послѣ гласнаго звука на *у:*
соуньішко,

поймау?

Тамъ, гдѣ говорится такъ, не сохраняется ли и посредствующей формы между этими и основными:

совнышко,

поймавъ?

Смягченіе.

л, смягчающее губные въ 1 л. глаголовъ н. вр., сохраняется ли въ другихъ лицахъ, — говорится ли:

засыплешь,

задремлешь?

Нѣтъ ли слѣдовъ древняго смягченія гортанныхъ?

Нѣтъ ли случаевъ смягченія *д* въ *жд*:

прихождане,

урождай?

Вмѣсто *ч* изъ *ш* не является ли иногда *щ*:

тысяща?

Не измѣняется ли *д* въ *дз* и *т* въ *тс*:

дзѣло — дѣло,

тсяни — тяни и т. п.?

Если такое смягченіе есть, то въ какихъ именно случаяхъ оно является?

Вмѣсто *тс* не слышится ли *ц*:

золоцѣ,

быць (сить) и т. п.?

Не является ли иногда сочетанія *жд* вм. *ж* изъ *г*:

ублаждать?

Группы согласныхъ.

Не стоитъ ли *жд* вм. *зж*:

пріѣждать?

Не опускается ли конечное *т*, предшествуемое звукомъ *с*:

хвосъ — хвостъ,

тось — трость,

рѣчисъ — рѣчистъ,
сись — систь изъ сѣсть и т. п.?
Не опускаются ли *д* и *т* въ группѣ *дств:*
слѣсво — слѣдство,
росво — родство?
Какъ произносится мѣстоименіе *что:*
что,
што,
шта,
штё,
ште,
що,
щё,
ще,
чо,
цо?

Какъ произносится группа *тс* въ 3 л. н. вр. глаголовъ, сложныхъ съ *ся:*
тся: учится,
тса: учитса,
тца: учитца,
цца: учицца,
ццы: учиццы?
Какъ прозносится слово — *лучше?*
Сущеетвуютъ ли въ живомъ употребленіи групы:
рцк: татарцкая,
тч: отчупь (очень),
цч: цчелэкъ (человѣкъ),
цчерква (церква),
цчово (чово, чево),
бв: обвязанъ — обязанъ,
чск: брачской (братской) и т. п.?

Какіе замѣчательные случаи представляютъ въ отдѣлѣ согласныхъ явленія

опущенія,
вставки,
перестановки,
удвоенія звуковъ?

Ни одинъ изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ неизмышленъ. Всѣ они взяты или изъ изданныхъ памятниковъ народнаго творчества, или изъ статьи В. Ив. Даля о русскихъ нарѣчіяхъ, или — наконецъ — изъ личныхъ наблюденій составителя программы надъ живымъ языкомъ народа.

Лица, которыя примутъ на себя трудъ отвѣтить на нѣкоторые изъ поставленныхъ здѣсь вопросовъ, могутъ вписывать свои отвѣты въ пробѣлы, оставляемые въ этой программѣ при каждой рубрикѣ.

Если имѣющіеся къ сообщенію примѣры тожественны съ приведенными въ программѣ, то достаточно подчеркнуть эти послѣдніе.

Всѣ поставленные вопросы ограничиваются областью фонетики языка.

Было бы однако весьма желательно получить свѣдѣнія и о тѣхъ особенностяхъ *формъ* (склоненія и спряженія), *словообразованія* и *синтаксиса*, какія замѣчаются въ языкѣ данной мѣстности.

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

2. Олонецкая губернія.

1.

Почти всѣ нижеприводимыя данныя языка Олонецкой губерніи сводятся къ немногимъ пунктамъ Каргопольскаго (по преимуществу) и Вытегорскаго (частію) уѣздовъ, именно къ слѣдующимъ:

Каргопольскаго уѣзда:

Каргополь.
Есипо.
Игнашевская.
Лекшма.
Ошмарино.
Шалга.
Шмаково.

Вытегорскаго уѣзда:

Вознесенскій посадъ.
Береговая.
Кузнецкая.
Чуриловскій посадъ.

Главною цѣлью моей поѣздки въ Олонецкую губернію былъ городъ Каргополь. На него было указано мнѣ Вторымъ Отдѣленіемъ, какъ на «пунктъ, богатый остатками народной старины въ преданіяхъ и языкѣ». Имѣя въ виду это указаніе, я оставался въ Каргополѣ довольно продолжительное время (съ 31 августа по 16 сентября).

Пребываніе мое въ Каргополѣ было не безплодно. Кромѣ отмѣтокъ по языку, сдѣланныхъ мною на основаніи обыденной живой рѣчи народа, мнѣ удалось собрать достаточно матеріала по части народной поэзіи. Значительная доля нижеприводимыхъ чертъ народнаго языка извлекается изъ записанныхъ мною въ Каргополѣ сказокъ. Приводимыми данными я не исчерпываю всего того, что дастъ прилагаемый матеріалъ. Ограничиваюсь немногими примѣрами.

Изъ того, что я могъ замѣтить и что сообщаю здѣсь, видно, что въ языкѣ Каргополя и его уѣзда[1]) немного такихъ чертъ, которыя можно считать важными остатками старины. Я не ошибусь даже, сказавъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новгородской губерніи народный языкъ носитъ на себѣ отпечатокъ большей древности.

Въ названныхъ выше пунктахъ вытегорскаго уѣзда я былъ только мимоѣздомъ (по дорогѣ изъ Бѣлозерска въ Каргополь и изъ Каргополя въ Вытегру и Вознесенскій посадъ). На сколько могъ замѣтить, въ говорѣ этого уѣзда сказываются тѣ же черты, что и въ каргопольскомъ.

Весьма вѣроятно, что долгіе и упорные поиски по олонецкой губерніи могли бы прибавить къ тѣмъ чертамъ языка ея, которыя намъ извѣстны, еще нѣкоторыя, и—быть можетъ—интересныя. Но объ языкѣ этого края и теперь — благодаря сборникамъ Барсова, Гильфердинга и Рыбникова, — мы знаемъ болѣе, чѣмъ о языкѣ какой либо другой мѣстности Россіи. Думая поэтому,

---

[1]) Прилагаемыя сказки и пр. характеризуютъ говоръ селъ, ближайшихъ къ городу. О говорѣ дальней окраины уѣзда — побережья р. Моши — можно судить по сборнику Гильфердинга.

что благоразумно будетъ сохранить время для наблюденій въ другихъ краяхъ области сѣвернаго нарѣчія, намъ менѣе извѣстныхъ, я, исполнивъ, на сколько могъ, порученіе Отдѣленія относительно Каргополя, спѣшилъ оставить Олонецкую губернію.

Переходъ *а* въ *о* замѣчается: окоянной и т. п., но рѣдко.

Обратнаго явленія вовсе не встрѣтилось мнѣ. На возможность его (конечно, какъ явленія спорадическаго) указываютъ случаи смѣны *е* на *я*: чая-(е)-м (см. прилагаемыя пѣсни), кучяр (сказка № 6, но ib. и кучер),[1]) головяшка. (Шалга).

Не знаю, слѣдуетъ ли отнести сюда такіе случаи, какъ — злодяйка, видяли.

Имянной, стремяно, — конечно, сюда не относятся: въ нихъ *я* фактъ позднѣйшаго словообразованія, фактъ неправильной народной этимологіи.

Не предполагаетъ *е* и то *я*, которое является въ словахъ — камяну (стѣну —), пя́тлями (с треми́ —): весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что *я* въ нихъ есть не-посредственная замѣна ѧ.

И въ *е* переходитъ рѣдко: девизія, некак нѣт, чье-(и), к невѣстену. Такихъ случаевъ, какъ — пер (= пир) и под., находящихся въ Онежскихъ былинахъ[2]), мнѣ не встрѣтилось вовсе.

Формы — ходѣ(е)ли, говорѣ(е)ли (Вознесенскій посадъ и Карг. у.), — быть можетъ, фактъ фонетики, а быть можетъ — и словообразованія.

Чаще слышится *и* вмѣсто *е*: знаит, скушаит, с рибятами. И такихъ случаевъ, впрочемъ, немного. Гласные звуки въ олонецкихъ говорахъ, какъ и въ новгородскихъ (и какъ-вѣроятно-

---

[1]) Въ сказкѣ № 6 есть два случая смѣны на *о* конечнаго *а*: крестьяно (а), но-(а) мнѣ. Быть можетъ однако, это описка (см. ниже замѣчаніе объ этой сказкѣ).

[2]) Матеріалы для характеристики сѣверно-великорусскаго или окающаго нарѣчія. Стр. 10 — 11.

вообще въ сѣверномъ нарѣчіи), являются довольно устойчивыми [1]).

И вм. *ѣ* встрѣчается, но лишь спорадически; рѣдко въ корняхъ, чаще въ тематическомъ *ѣ* глаголовъ: одіяло, одиться, діется, ричь, не смію, свитает, дитей, линив, облетить и т. п.

Е въ *ё* переходитъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ новгородской губ.: ёво, колёдовщик, царёвна (Чур. п.), денёжка, шёлк, утиральницёк, платьё; калёну стрѣлу; будёш, настигаёт, ступаёт, накладываёт и т. п.

Къ словамъ съ коренным *ё* вм. *е*, означеннымъ въ 1 отчетѣ, можно добавить: тёсак, нёбо.

Случай смѣны *о* на *у* я слышалъ въ одномъ только мѣстѣ (Лекшма), отъ одного только лица и въ одномъ только словѣ: пуди́ (пойди), пудь (пойдь, подь).

Ой, *ей* вм. *ый*, *ій* являются постоянно, хотя и не всегда; *о*, *е* звучатъ въ этихъ формахъ отчетливо.

На мѣстѣ древняго глухаго *ь* слышится изрѣдка (въ Шалгѣ) гласный чистый тамъ, гдѣ обыкновенно слѣдъ этого *ь* замѣчается лишь на мягкости предъидущаго ему согласнаго звука: межу лошад*е*ми (между лошадьми), рѣд*е*ки (рѣдьки) [2]).

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ *е* произносится ясно, во второмъ оно едва слышимо, являясь краткимъ, какъ бы глухимъ звукомъ. Лицо, употребившее (дважды) форму — рѣдеки, при переспросѣ сказало уже-рѣдьки.

Очень важна и интересна эта звуковая форма, напоминающая нѣкоторыя данныя сборника Гильфердинга, но явно не подходящая подъ то объясненіе, которое можно приложить къ этимъ послѣднимъ [3]).

Къ сожалѣнію, она стоитъ для меня одиночнымъ фактомъ.

---

[1]) Доводомъ большей устойчивости гласныхъ въ сѣверномъ нар., чѣмъ въ южномъ, можетъ, между прочимъ, послужить сказка № 6-й, записанная крестьяниномъ. Въ ней почти всѣ гласные звуки употреблены правильно. А сколько ошибокъ на тѣхъ же строкахъ сказалось бы относительно гласныхъ въ полуграмотномъ писаніи южновеликоруса!

[2]) См. сказку № 1-й.

[3]) Матеріалъ и пр. стр. 18 — 19.

Удерживаюсь пока отъ всякихъ заключеній о ней. Считаю однако возможнымъ, что аналогичные съ даннымъ случаи еще встрѣтятся мнѣ гдѣ либо въ области сѣвернаго нарѣчія.

Измѣненіе *а* (*я*) въ *е*, — явленіе такъ называемаго перегласованія, — встрѣчается очень часто. Въ замѣченныхъ мною примѣрахъ оно совершилось послѣ звуковъ:

й: остое(я)тьсѧ (Шалга), един еднóво (ib.), éднево (Чур. пос.)

ц: повѣнце(я)лись (Шалга, но ib.: повѣнцяли), запецелитсе ib.

з: зеть (зять), взе(я)ли ib.

н: исполнеть (— ять), минеть, понеть ib. еднево Чур. пос.

р: гре(я)зь ib.

л: легем (лягем, ляжем) Чур. пос.

т: перекресте(я)сь, натегивает ib.

ч: чешша Чур. пос.

Придыхательными звуками при гласныхъ являются и *в*: вьюнный, и *г*: Егорьгій.

Слѣдъ древняго смягченія гортанныхъ замѣтилъ я лишь въ одномъ словѣ: лузя.

Въ спряженіи глаголовъ, тема которыхъ (= корню) оканчивается на *г*, звукъ этотъ остается въ 3 л. ед. ч. несмягченнымъ: стерегет.

Обратное явленіе — смягченіе *г* тамъ, гдѣ его не должно бы быть, въ глаголахъ этой категоріи: можут, — не относится, я думаю, къ области фонетики: *ж* въ этомъ случаѣ вызывается, вѣроятно, аналогіей съ другими лицами: можеш и пр.

Конечное *г* мѣстами (Шалга) звучитъ почти какъ *к:* рок(г) Конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь.

Ч изъ *ц* нигдѣ не слыхалъ я; но обратное явленіе, за исключеніемъ г. Каргополя, слышится во всѣхъ вышеназванныхъ мѣстностяхъ: (калац(ч)а).

Ц — мягко (хотя и не всегда — см. приложенія), но не въ такой степени, какъ мѣстами въ новгородской губ. Тамъ мягкость *ц* приближаетъ его къ *ч*, здѣсь оно отчетливо слышно. Кажется, оно въ олонецкой губ. на пути къ отвердѣнію. Сочетаніе *ци* слы-

шится очень рѣдко: поцинить (Шалга), купци (ib.), но—сестрицы, пьяницы и т. п. (ib.); *ця*, *цю* встрѣчаются гораздо чаще: дворцю (Чур. пос.), лиця, дѣвиця, купцю и т. п. (Шалга). Сочетанія *цу* не слыхалъ я, но *ца* встрѣчается изрѣдка: колаца (ib.), сейцас (Кузнец). *Ц* передъ согласными и въ концѣ словъ иногда мягко, иногда твердо: собацька, клиц.

С передъ суфиксомъ прилагательныхъ *ск* (ьск) мягко: руськой, но на звукахъ *н* и *р*, предшествующихъ этому суфиксу, слѣдъ древняго *ь* уже ничѣмъ не сказывается: царской, деревенской: *н* и *р* — тверды.

Случаевъ смѣшенія согласныхъ звуковъ въ олонецкой губ. много [1]).

Изъ замѣченныхъ мною упомяну о слѣдующихъ:

ф вм. *х*: куфарка (Берегов.).

д вм. *т*: д(т)ак.

к вм. *в* (только въ словѣ): кук(в)шинъ.

р вм. *в* (только въ словахъ): скр(в)озь р(в)и(ѣ)ки.

Твердость нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ вмѣсто обычной ихъ мягкости и наоборотъ, такъ нерѣдко встрѣчаемая въ новгородской губ., замѣчается и здѣсь: нижной (нижній), больнёй (больной); во снях (во снах); сгоря(а)ет; перьвый; шкатулька. Карг., Шалга.

Выпаденіе согласныхъ звуковъ замѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ:

п отпадаетъ передъ *т* въ началѣ слова: (п)ташка, (п)ташица; *б* выпадаетъ передъ *м*: о(б)манулъ;

т — передъ *п*, *с*, *д* и *н*: о(т)пусти, о(т)стегнул, о(т)дай, сгло(т)нул (*г* передъ *н* глагольнаго слога *ну* остается: остегнул, роздвигнули).

Конечное *т*, слѣдующее за *с*, опускается, какъ и въ новгородской губ. мѣстами: кос(т)ь, цес(т)ь.

Форма — оче вм. отче — представляетъ, я думаю, не просто

---

[1]) Матеріалъ и пр. Стр. 29 — 33.

выпаденіе *т*, а указываетъ на мягкость его въ этомъ словѣ (отьче), въ силу которой оно ассимилировалось съ *ч*[1]).

Постановка удареній въ Каргопольскомъ краѣ представляетъ нѣкоторыя особенности. Привожу рядъ примѣровъ.

а) Существительныя имена:

улицá. Каргоп.
дѣвóчка ib.
шахматнѝца Шалга
чащá Чур. пос.
с треми́ пя́тлями
из двери в двери́
карандыш ib. и Чур. пос.
дрóва Карг.
тулова́
с берега́
сокола́ (род. п.)
змѣя́ (род. п.) Игнаш. дер.
сахарóм. Карг. (въ пѣснѣ).

б) Прилагательныя имена:

пѣшóй
усталóй
колькóй час. Карг.
хорóша
дру́гое слово
éдин еднóво
éднево Чур. пос.

---

[1]) О другихъ, здѣсь не упоминаемыхъ, явленіяхъ, въ области какъ согласныхъ, такъ и гласныхъ звуковъ, легко составить понятіе по прилагаемымъ даннымъ народнаго творчества.

в) Глаголы

пойдете́ Карг.
вы́даи(ё)м іb. (въ пѣснѣ)
ѣдите́
явите́сь
излови́ш
за́вил
си́кци.

г) Неизмѣняемыя части рѣчи:

заутра́
о́пасно Карг.

Въ формахъ особенностей немного. Можно отмѣтить слѣдующія.

Въ именахъ на *а* въ дат. п. ед. числа употребляется форма родительнаго: к воеводы, но и — к воеводѣ.

Въ твор. мн. числа сущ. ж. р. вмѣсто окончанія *ами* иногда *ми*: палицми.

Случаевъ смѣшенія дат. мн. чис. съ творительнымъ мнѣ не встрѣтилось.

Нѣкоторыя имена темы на *и* и согласной темы склоняются по темѣ на *а:* в грязѣ, в банѣ, во ржѣ; стремяна (род. п.).

Йотъ именительнаго падежа собирательныхъ на *ья* сохраняется во всѣхъ падежахъ косвенныхъ, не исключая родительнаго: братьей.

Удлиненныхъ формъ прилагательныхъ именъ, такъ часто встрѣчающихся въ былинахъ, въ обыденной рѣчи народа не встрѣчается.

Въ измѣненіи мѣстоименія личнаго 3 лица женс. рода замѣчается употребленіе формы дат. п. вмѣсто винительнаго и твор. вм. родит.: схватил ей, вывел ей, но — увидал ее; за бѣлые руки ее взял, в сахарны уста цѣловал ей; снял с нею шеи..

Послѣдняя форма для меня непонятна; что касается до *ей* вм. *ее*, то, кажется, здѣсь фонетическое, а не формальное явленіе[1]).

На ряду съ формами *ее* и *ей* употребляется мѣстами въ Каргопольскомъ уѣздѣ и древняя форма *ю*[2]).

Особенности словоообразованія сводятся къ слѣдующимъ немногимъ чертамъ.

Нѣкоторыя имена употребляются въ первообразной, или относительно первообразной формѣ, сравнительно съ формами общеупотребительными:

пяла — пяльцы,

крѣпь — крѣпость.

тулова — туловища,

лягуха — лягушка,

улка — улица.

Сравнительная степень прилагательныхъ изрѣдка встрѣчается съ окончаніемъ на *яе*: поскоряе.

Въ глаголахъ замѣчается нерѣдко измѣненіе темы:

ѣ на *ну:* виснит — висит;

и на *ѣ:* ходѣли, говорѣли[3]);

и на *а:* увидаеш — увидиш;

и на *ов — а:* запечаливался — запечалился.

а на *и:* погонилися — погналися, постуц(ч)ился—постучался[4]).

Образованіе формъ — заблудявши, ходявши вм. заблудивши,

---

[1]) Ср. потребу*й*те вм. потребу*е*те въ сказкѣ № 6.

[2]) Сообщаю это со словъ нижеупоминаемаго дважды протоіерея Попова, лица, стóящаго полнаго довѣрія. Самъ я формы *ю* въ живой рѣчи ни разу не слышалъ. По увѣренію того же г. Попова въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каргопольскаго уѣзда есть и другой замѣчательный архаизмъ: форма *да(с)т* употребляется въ значеніи наст. времени.

[3]) Ср. сказанное объ этихъ формахъ выше.

[4]) Употребленнымъ выше выраженіемъ — *измѣненіе* глагольной темы я не хочу сказать, что приведенныя формы предполагаютъ общеупотребительныя: онѣ могли существовать искони на ряду съ послѣдними.

ходивши — для меня не ясно: въ неопр. наклоненіи глаголовъ, отъ которыхъ произведены эти формы, сохраняется *и*: заблудить, ходить.

Для выраженія повторяемости и многократности дѣйствія или возвышается коренной гласный звукъ: я не бирал (Игнаш. дер.); или тема глаголовъ, оканчивающаяся на гласный звукъ, расширяется слогомъ *ев*: не продаевали. (Чурил. пос.[1]).

Вмѣсто *чь* встрѣчается въ неопр. накл. болѣе древняя форма на *ци (чи)*, при чемъ однако не органически возстановляется коренной гортанный звукъ: сикци.

Нарѣчіе хорошо, хорошенько, слышалъ я (между Вознесенскимъ посадомъ и Вытегрой) въ формѣ — хорошѐнё.

Мѣстный синтаксисъ представляетъ нѣсколько стоящихъ вниманія особенностей.

Въ живой рѣчи Каргопольцевъ очень часто можно слышать оборотъ рѣчи, въ которомъ сказуемое вмѣсто дѣйствительнаго залога ставится въ страдательномъ: доученóсь до тово, что... вм. (мы, вы, они) доучились до тово, что....

У нас потруженóсь было вм. мы потрудились.

Изъ прилагаемаго матеріала можно по части синтаксиса извлечь слѣдующія данныя.

При неопр. накл. глаголовъ существ. женск. рода ставится, какъ и въ новгородскихъ говорахъ, въ формѣ именительнаго пад. вм. винит.:

Нужно взять негодная скотинная кос(т)ь...

Не нужна солдата служба исполненная, а нужна солдата жена в замуж взять.

Часто дѣепричастіе замѣняетъ въ сказуемомъ глагольную форму прош. вр. на *лъ*:

...и павши лебедь в камыш траву... Царь уѣхал и заложивши он свое зало...

---

[1]) Ср. съ этимъ аналогичные примѣры, представляемые Онеж. был. Г—га

Церез трои сутки родивши она сына... Павши Михайло царевич въ колодезь, у нево приросли руки...

Там дѣцкіе игрушки на столѣ стоявши...

Царь Каприк пришедши въ преклонныя лѣта [1])...

Управленіе нѣкоторыхъ глаголовъ и предлоговъ разнится отъ общеупотребительнаго.

Глаголъ *стоять* употребляется (въ Каргополѣ) въ значеніи дѣйствительнаго въ выраженіи — стоять станцію, т. е. держать станцію [2]).

При глаголѣ *жертвовать* ставится винит. пад.:

Царь их жертвовал.

При глаголѣ *показать* — родительный вм. вин.:

Покажи своей молодой.

Выучить не чему, а *ва что*·

Выуцил ево в полную грамоту.

Вм. дательнаго — винительный при предлогѣ *по* въ выраженіи: по усы текло.

Предлогъ *на* замѣненъ *в(ъ)* въ выраженіи: снесли в рынок.

Межу требуетъ иногда предложнаго вм. родит.:

Межу трех верстах они разъѣхались.

Мимо и *вмѣстѣ* постоянно требуютъ винит. пад.:

Ходит мимо лѣтней сад царской. Возлѣ дорогу [3])...

Значительная доля заключающихся въ прилагаемомъ спискѣ мѣстныхъ словъ сообщена мнѣ смотрителемъ Каргопольскаго духовнаго училища протоіереемъ Александромъ Ивановичемъ Поповымъ. Живое участіе принятое этимъ почтеннымъ лицемъ

---

[1]) Приведенные примѣры относятся къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ. Въ живой рѣчи этой особенности я однако ни разу не встрѣтилъ.

[2]) Содержатель станціи — *стойщик*, какъ и въ новгородской губерніи.

[3]) Въ одномъ изъ прилагаемыхъ заговоровъ при подлежащемъ собирательнаго значенія сказуемое поставлено во множест. числѣ: скот..... шли. Я не увѣренъ однако, что это древнее согласованіе сохраняется въ живой народной рѣчи.

въ моемъ дѣлѣ вызываетъ меня на заявленіе ему здѣсь искренней моей признательности.

Слова, мѣсто употребленія которыхъ не обозначено, относятся къ г. Каргополю, или Каргопольскому уѣзду[1]).

Б.

Бабье ухо — уродливый грибъ.

Болéмога — по силѣ — возможности.

Буево — не только пустырь (какъ у Даля), но и площадь.

Буйлó — бревна, сдерживающія движенія пловучаго моста.

Бычек — корзина съ двумя ушками.

В.

Винокосина — притча, случай.

Вираж — остатокъ отъ пола.

Виранда — лгунъ.

Вырядить (изъ сѣдла) — выбить (изъ сѣдла).

Д.

Дождить — идти дождю.

Докука — потребность.

Ж.

Жарáтка — см. у Даля: жаратóкъ.

З.

Запомшиться — попритчиться.

Застои }
Забѣги } пристанища для судовъ въ заливахъ Онежскаго озера.

Знаток — колдун.

---

[1]) Всѣ вышеприведенные въ текстѣ отчета примѣры особенностей языка, не сопровождающіеся отмѣткой о мѣстѣ употребленія ихъ, заимствованы изъ прилагаемыхъ данныхъ народной поэзіи.

И.

Иверень — кусочек.

Изнимок — бранное слово.

К.

Кали́тка — род ватрушки.

Капустник — огородъ.

Кеш — пойло для лошадей: из овсяной муки разболтанной водою.

Клин: посадить под клин — взять въ полицію.

Козни — бабки.

Кокач — пирог из ржанаго кислаго тѣста (Олон. у.).

Котач — род шила; употребляется при работѣ лаптей.

Колотливый = поколотка.

Кормыхаться — пробавляться.

Кус: пойти по́ кус — побираться.

Курьма — вёрша.

Л.

Ла̀ман — бранное слово: ламан тя возьми!

Лаять — бранить.

Лепак — кусок, лоскут.

Либивый — изнуренный[1]) Петроз. у.

Линуть: дождь линул.

Липки — блестки, нашиваемыя, для украшенія, на полотенца, приготавляемыя въ Чурил. посадѣ.

Лобоз — помост межъ деревьями, въ лѣсу (шириною пол сажени, длиною сажень): съ него стрѣляютъ в медвѣдей.

Ложить — паровить, отыскивать удобнаго случая.

Льдистая рѣка — рѣка съ крѣпкимъ льдом[2])

?Лѣнгарь — лѣнивец.

М.

Малег. см. у Даля: ма́лега.

---

[1]) У Даля съ вопросомъ сомнѣнія.

[2]) О рѣкѣ Онегѣ мнѣ говорилъ одинъ Каргополъ, что она *не льдистая*, въ томъ смыслѣ, что ледъ ея не глубок, не крѣпок, легко растаевает.

Мелуз см. у Даля.

Моль — мелкая рыба.

Море — не только то, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ словомъ, т. е. большая масса соленой воды, но и такая же масса прѣсной воды: был в морѣ, пошел в море, говорятъ о плавающихъ или плававших по Онежскому озеру. Взн. п.[1])

Н.

Налобник — см. у Даля.

?Настольник — простыня.

Нерест — время, когда рыба мечет икру.

Нереститься (о рыбѣ) — выпускать икру.

Новины́ — новый хлѣб на подсѣках.

О.

Оклитіян — скупец

Обмалахтаться — обдѣлать дѣло, покончить с ним.

Отпуски — длинныя веревки, к которымъ прикрѣпляются крючки для ловли рыбы.

П.

Па́нья — дама (в картах)

Пеледь см. у Даля.

Пе́рнява — тоже, по берегам Онежскаго озера, что в Бѣлозерскѣ чердак.

Плёсо — глубокое мѣсто в рѣкѣ между двух порогов.

Пёрка — см. у Даля.

Площадка — кресало, огниво. Чур. пос.

Пожинахи — сельскій праздник по окончаніи жатвы.

Поколотка — сварливый человѣк.

Пониток см. у Даля.

Попоначе — получше.

---

[1]) Мысль о такомъ значеніи слово море въ древне-русскомъ высказана была, помнится мнѣ, г. Потебнею, на основаніи памятниковъ (если не ошибаюсь, — въ статьѣ «о Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ»).

Почéпка — ручка из *вицы* (тонкаго прутья) у бурака (род корзины).

Поч(ц)инить — поправить, вылѣчить (см. приложенные сказки).

Потеси см. у Даля.

Просиво: пойти в просиво—пойти побираться, нищенствовать.

Простни — натеки.

Прикобенить (на силў прикобенил) — убѣдить, уговорить.

Пячига — гной в глазах.

Р.

?Рипс — рваная одежда.

С.

Сгибни — створцы, створчатые образа.

Склёмы — сплетни.

Собипка — ласкательное слово.

Сорога — см. у Даля.

Сопля (о штанах) см. у Даля.

Спольё — пространство между жилыми мѣстами и кладбищем.

Т.

Тяпша — грязное, топкое мѣсто.

Тетюньки — игрушки (см. прилагаемыя сказки).

У.

Утробистый см. у Даля.

Ухтей — напрасно, даром: ухтей работать не станем.

Ф.

Фрянка — распутная женщина.

Фіюс см. у Даля.

Х.

Хряночник — бранное слово.

Ц.

Цямка — связь колеса.

Ч.

Челядь (о насѣкомых: сколько челяди на лошадь насѣло!).
?Чика — двоюродная сестра. Вытег. у.
Чупа — неряха.

Ш.

Ша́лги — палки, замѣняющія веревки на качелях.
Шо́га — полевой шалаш из вѣтвей.
Шо́льга — прибрежная трава въ рѣкѣ.

Щ.

Щекатый см. у Даля.
Щипанцы — пирожки изъ ржанаго прѣснаго тѣста.

Изъ словъ, тожественныхъ по значенію съ находящимися въ Толковомъ словарѣ Даля, помѣщены здѣсь тѣ, которыя отнесены имъ только къ югу или западу Россіи, и тѣ, мѣсто употребленія которыхъ у него вовсе не обозначено.

2.

По поводу прилагаемаго матеріала считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Извѣстно, что олонецкій край особенно богатъ народно-поэтическими произведеніями.

А. Ф. Гильфердингъ нашелъ даже возможнымъ сказать, что въ немъ «эпическая поэзія и теперь еще ключемъ бьетъ» (Предисловіе къ Онежскимъ былинамъ). Если такой отзывъ и преувеличенъ, то все же не сомнѣнно, что олонецкій край богатѣйшее хранилище народно-поэтическаго матеріала, ложившагося нѣкогда.

Главный родъ народныхъ произведеній, которыми прославилась олонецкая губ.,—это былины. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ ихъ поютъ только на р. Мошѣ. Тамъ Гильфердингомъ записано нѣ-

сколько былинъ, цѣнныхъ по ихъ внутреннему достоинству и интересныхъ со стороны языка. Крестьяне названныхъ выше селъ этого уѣзда (а равно и вытегорскаго) о богатыряхъ или не знаютъ вовсе, или знаютъ только по слуху.

Тѣмъ не менѣе однако, и извѣстныя мнѣ мѣста Каргопольскаго уѣзда и самый Каргополь богаты народною поэзіей: пѣсни, сказки и заговоры, записанные мною и здѣсь прилагаемые, отличаются, большею частью, высокими поэтическими достоинствами.

Свадебныя пѣсни почти всѣ прекрасны, но особенно хороша пѣсня № 20. Безпріютность дѣвичьей красоты и ея спасеніе подъ кровомъ Матери Божіей напоминаетъ мотивы Горя-Злочастія.

Печатаемая здѣсь Колядка, по моему мнѣнію, одинъ изъ перловъ народной поэзіи: столько въ ней художественной цѣльности, поэтическихъ частностей и древнихъ эпическихъ мотивовъ.

Древностью вѣеть и отъ игровыхъ пѣсенъ; въ каждой изъ нихъ видится зародышъ народной драматической поэзіи. По подвижности и даже сложности дѣйствія особенно замѣчательна пѣсня Чернякъ.

Интересенъ варьянтъ извѣстной игровой пѣсни: «А мы просо сѣяли.»

Въ предостереженіе тѣхъ, кому вздумалось бы, на основаніи этого варьянта, построить выводы о мифическихъ чертахъ пѣсни, я спѣшу замѣтить, что проса въ Каргополѣ не сѣютъ и его не знаютъ. Поэтому замѣну выраженія

А мы просо сѣяли

на

А мы росу посѣяли

вѣроятно, слѣдуетъ объяснять не какъ черту мифической древности, а какъ фактъ стремленія народа осмыслить слово неизвѣстное извѣстнымъ.

Всѣ пѣсни, причеты и колядка записаны мною съ голоса отъ слѣдующихъ лицъ:

1) Всѣ свадебныя пѣсни — отъ Каргопольской мѣщанки Агапіи Исаковой. Свадебная пѣсня — спеціальность этой жен-

щины. Безъ нея не обходится ни одна свадьба не только въ самомъ городѣ, но даже и въ ближайшихъ къ городу селахъ и деревняхъ

2) Колядка — отъ крестьянъ Никиты Петрова Коросилова и Афанасія Михайлова Шулепова. — изъ селъ Шмаково и Ошмарино.

3) Шуточныя пѣсни — отъ Василія Шишкина изъ Шалги.

4) Игровыя пѣсни — отъ цѣлой группы лицъ: записаны во время самыхъ игръ, при хороводномъ ихъ исполненіи. Случаемъ видѣть это исполненіе я обязанъ вышеупомянутому Протоіерею А. И. Попову.

Повседневныя пѣсни записаны отъ родственницы того же г. Попова, жены сельскаго учителя (отмѣтка о фамиліи которой у меня, къ сожалѣнію, утерялась [1]).

Нѣкоторыя изъ записанныхъ мною пѣсенъ представляютъ лишь варьянты къ напечатаннымъ уже; но — варьянты замѣчательно цѣльные и важные. Варьянтами являются слѣдующія пѣсни:

а) Свадебныя:

№ 3: ср. у Рыбникова IV. 112: «Отворяйся дверь дубовая. . .

№ 4: ibid. 114 (слита съ предъидущей пѣснею)

№ 13: ср. у Рыбникова III. 356.

№ 20: ср. у Рыбникова IV. 128—132. (сходны только нѣкоторыя мѣста).

№ 21: ср. у Шейна 422: стелется, вьется..

б) Шуточныя:

Утоцка маховая... ср. у Рыбникова IV. 152: у-точка маховая...

в) Игровыя:

№ 1: ср. у Шейна с. 119: Не въ трубу ли я трубила; ibid: Все бы я по горенкѣ...

---

[1]) Кажется, Г. Казанская.

№ 2: ср. у Рыбникова: III. 441.; у Шейна: 120: Царевъ сынъ, и 388: Кругъ города ходитъ. . .

№ 6: ср. у Шейна—201: Мы просу сѣяли

г) Повседневныя:

№ 1: ср. у Шейна—436: У насъ на горѣ стоитъ елочка. [1])

По полнотѣ и древннмъ эпическимъ выраженіямъ и эпитетамъ заслуживаетъ полнаго вниманія заговоръ № 3 (Отпускъ скота). Сходные съ нимъ заговоры есть у Майкова (Великорусскія заклинанія) и Рыбникова (Пѣсни. IV, 262—5), но въ этихъ заговорахъ гораздо болѣе книжности и гораздо менѣе эпической свѣжести, чѣмъ въ данномъ.

Заговоръ этотъ переписанъ мною съ рукописи, принадлежащей 80 лѣтнему старику, пастуху деревни Есино[2]). Первые два заговора записаны со словъ крестьянина села Ш[illegible] Василія Шишкина.

Отъ того же крестьянина записалъ я первыя четыре изъ помѣщаемыхъ здѣсь сказокъ. Записаны онѣ мною дословно, за исключеніемъ мѣстъ, заключенныхъ въ скобки. По словамъ Василія Шишкина онъ знаетъ такъ много сказокъ, что могъ бы пересказывать ихъ нѣсколько дней съ утра до ночи. Въ числѣ извѣстныхъ ему сказокъ нѣкоторыя видимо книжнаго происхожденія. Въ одной изъ такихъ разсказывается о цѣломъ поколѣніи богатырей, которыхъ Шишкинъ называлъ то *усилками*, то *рыцарями:* «дѣд Неврод; у ево сын царь Кувакил; у Кувакила родившись вьюнный князь Бувак», — такъ начинается эта сказка.

Сказка № 5 разсказана мнѣ молодымъ крестьяниномъ дер. Игнашевской, Шишкинымъ. Она передана мной не дословно, а въ пересказѣ.

Тому же крестьянину пришла въ голову счастливая мысль записать для меня сказку (№ 6-й). Съ доставленныхъ имъ мнѣ

---

[1]) Только по Рыбникову и Шейну могъ я провѣрить записанные мною пѣсни: другихъ сборниковъ я не имѣю подъ руками.

[2]) Переписана буква въ букву. Знаки препинанія поставлены мною.

листковъ я переписалъ ее буква въ букву. Печатаемое рознится отъ подлинника только постановкой знаковъ препинанія и большихъ буквъ въ собственныхъ именахъ и отдѣленіемъ предлоговъ отъ именъ.

Сказка № 7 записана мною въ Чуриловскомъ посадѣ. Она передается мной въ сокращеніи, въ конспектѣ, какъ и была записана. Я не считалъ нужнымъ воспроизводить по конспекту всего ея содержанія, такъ какъ она является варьянтомъ къ сказкѣ Царь-Дѣвица, напечатанной при первомъ отчетѣ.

Не имѣя въ рукахъ ни одного сборника сказокъ, не могу теперь сказать ничего объ отношеніи записанныхъ мною къ извѣстнымъ раньше. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ языка ихъ, печатаемыя здѣсь сказки стоятъ вниманія уже съ той стороны, что въ нихъ часто прорываются былевые мотивы. Духъ былевой поэзіи въ олонецкомъ краѣ вѣетъ, слѣдовательно, даже тамъ, гдѣ пѣсни о богатыряхъ уже не поются.

ПѢСНИ.

1. Свадебныя пѣсни и причитанья.

1.

Невѣста просится «съ добровтомъ» «по природѣ».
(*Причетъ*).

Послушай да мой желанной да родители;
Да моя жалосливая родитель маменка, — (*ревит*[1])
Об чом я то вам кручинная ниско кланяюсь!
Вы не пожалейте добрых коней наступчивых —
Мнѣ ка съиздить да покрасоватися
Во хорошей дѣвичьей кра́сотѣ,—
Когда я вам мла̀дая кручинная дитятко принаскучила.
Я мого к вам водила кум да подружек возлюбленых,
Я много вам истратила казны да несчетныя,

[1]) Т. е. реветъ, плачетъ.

Износила да платья цвѣтново.
Ты спусти, мой желанной родитель батюшко,
Единоутробново брателка.

2.

Невѣста ѣдетъ съ братомъ и, останавливаясь у воротъ домовъ своихъ родственниковъ, причитаетъ:

Вы не убойтесь, мои свѣты, сердечніи родители:
Я не розбоем иду да не с гра̀бежем, —
Иду в частое в любимое в госбище.
(Переступаетъ порогъ дома)
Стать было на половичку на дубовую,
Што не-гнётся да не ломится, —
Гнутся — ломятся да ножки рѣзвыя.
Мнѣ ка скласть чуден крест по писаному,
Сотворить молитва да Исусову.
Сохрани Мати Божья да Богородица
Весь дом да покой!..
Желанной родитель дядюшко,
Не смахнуть очи ясныя!
Ты подойди, мой желанной родитель дядюшко,
Ко мнѣ к малому кручинному дитятку.
Всё ли здраво живёш да поживаеш,
Мой желанной родитель дядюшко?
Я пріѣхала млада кручина дитятка
Поразжалиться на своих то свѣтов
Сердешнихъ родителей,
Што запоручили мою то буйную головушку
На чужую на дальную сторонушку
Под страму́ да грозу великую;
Мнѣ не да́ли покрасоватися
В хорошей дѣвичьей красотѣ.
Гости да и жалуй, мой желанной родитель дядюшко,

На слезливую да на свадебку
На розставанье моей хорошей дѣвичьей красотѣ.
Тебѣ спасибо, мой желанной родитель дядюшко,
На частом любимом гостьбищѣ!
Я любила гостить да красоватися
В хорошей дѣвичьей красотѣ,
Вы почитали меня за̀ гостьюшку умную,
За умную да за смирённую.
(По окончаніи этого причета домой «пойдетъ»).

3.

Дѣвицы зазываютъ невѣсту въ «байну»:
Вы не ломитесь ка, да ножки рѣзвыя!
Мнѣ поднять да ручки бѣлыя,
Захватить бы двери за́ скобу,
Отворить то дверь на́ пяту,
По порожку по кленòвому,
Што по петелкам шелковыем,
По гвоздочку шеломчатому.
Не убойтесь ко, родители,
Не страшитесь люди добрыи, —
Не указ пришел из Петёра
Не наборщички с Петровсково —
Набирать то добрых молодцов,
Добрых молодцов — некрутчиков, —
Идут трудницы роботницы,
Идут баенны истопчицы,
Ключевые водоношницы.
Вы пожалуйте, родители,
Во хорóшу парну баёнку,
Во бѣлу́ю умываленку, —
Родной ба́тюшко со маменкой,

Родной брателко с невѣстушкой,
Всѣ сестрицы, всѣ голубушки,
Порядовныи сусѣдушки!
Не спѣшитесь ко, родители,
Не торопитесь, люди добрые,
Не про вас то байна топлёна,
Не про вас парна готовлена,
Только честь то вам предложена, —
Топлена байна, готовлена
Про невольную невольницу,
Про душу про красну дѣвицу.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во зеленый сад погу̀ляти,
Соловейны пѣсни слушати,
Сладких яблочков покушати...
Мы лукавы зародилися:
Завернули завернуцею,
Отвернули небылицею.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
Уж как наша парна баенка
Во сыром да бору рублено,
Вдоль по рѣчки бревна пловлёны
По край бережку поставлены;
Крыта баенка куницею,
Мшона баенка лисицею,
Дорогим заморским соболем.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
Какъ у нашей парной баенкѣ
Есть и двери тѣ дубовые,
Ободверенки кленовые,

Камелёночка рѣша́тчаты,
Есть полочки бѣлодубовы,
Есть двѣ грядочки молжовыи,
Есть три стопочки точеныи,
Два косищата окошечка,
Двѣ стекольчаты околенки.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
Вѣсь на первую на стопочку
Ис косы ты алу ленточку,
Ты на дру́гую на стопочку —
Золотую перевязочку,
Ты на третью на стопочку —
Ты жемчужную цѣпочечку.
Клади на первое окошечко
Бѣлила со румянами,
Ты на другое окошечко —
Частый рыбей новой гребешок,
Што на третье — ты жемчужную запонку;
Ты на первую грядочку —
Гарнитурову юбочку,
На другую на грядочку —
Каленкорову рубашечку.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
У нас баенка истоплёно,
Шелков вѣничек непареной,
Ключева вода наношено,
Съ тритцати со трёх колодецов, —
Што со первово колодеза —
Што со мати с Угрюм рѣчки
Што с другово колодеза — с Свирёп рѣки

Што со третьево колодеза —
С Каргопол рѣки веселыи.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
Не мочи ты бѣлыхъ рученёк
Што со матушки с Угрюм рѣчки:
Богоданные угрюмые,
Твоя мла́да невеселая;
Не мочи ты бѣлыхъ рученёк
Што со матушки Свирёп рѣки:
Богоданные свирёпые,
Што свирёпые-невесёлые;
Помочи ты бѣлы рученки
С Каргопол рѣки весёлыи:
Богоданные веселые,
Твоя мла́да не свирёпая.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
Мимо нашу парну баенку
Пролегал то путь дороженка,
Путь дороженка широкая;
Мимо нашу парну баенку
Проѣзжал то чужой чу́жанин
На своемъ конѣ наступчивом,
Во сѣдельникѣ Черкаскоем.
Пріѣзжал то чужан-чужанин
Ко хорошей парной баенкѣ;
Сходил с добра коня со ступчата
Со сѣдельшка черкасково;
Привязал коня ко столбичку
К золочёному колечушку.
Припадал то чужой чужанин

Ко хорошей парной баенкѣ;
Торговал то чужой чужанин
Он хорошей парной баенки
Со душей со красной дѣвицей.
Давал злата, много се́ребра,
Много скатнево жемчуга.
Говорила красна дѣвица
Говорила не стыдилася,
Отвѣчала не соромилась:
Мнѣ куды со златом-се́ребром,
Мнѣ куды со скатним жемчугом?
Не пруды прудить у мельницы,
Не хоромы крыть у баенки!
Как поѣхал чужан-чужанин
От хорошей парной баенки;
Он поѣхалъ прочь ругается,
Надъ дѣвицей насмѣхается:
Эка глупа красна дѣвица,
Неразумна дочь отецкая:
Голова твоя запоручена,
Красота съ лица потеряна,
Черной грязью перемарана,
Черной грязью да болотнею,
Што болотней-подтележною!

4.

Въ отвѣтъ на предъидущую пѣсню невѣста благодаритъ дѣвицъ:

Вам спасибо, мои кумы да подруженки, —
Вы меня умѣли зазвать
Во хорошую в парную да баенку
Вы меня не в перьвые,
Кручинное дитятко,

Только в послѣднее,
Во хорошей да дѣвичьей кра́сотѣ.
Еще спровадьте кумы́-подружеки
Во хорошу парну баенку;
Поберегите меня кручинну
От вѣтра буйново.
Мнѣ ко приклонить было
Да буйная головушка
Мнѣ по жалосливой родителѣ матушкѣ,
Мнѣ попросить было
Тонькой бѣлой да рубашечки,
Я да што которую шила
Да по три я ноченьки.
Как я по перьвую ноченьку
Шила ивановскую,
Какъ я другую ноченьку
Шила петровскую,
Как я третью ноченьку
Шила ильинскую, —
Как я вѣдь вышила
Частые мелкіе звѣздочки,
Я да еще вышила
Млад свѣтёл мѣсяц,
Я да еще вышила я
Хорошее красноё солнышко.

Въ промежуткѣ времени между сговоромъ и свадьбой поются на вечеринкахъ слѣдующія пѣсни:

5.

Рыбушка — плоцвичушка,
Рыбушка — плоцвичушка!
По водѣ рыба пловёт—да извиваетця (2-жды).
Мнѣ ко младо́й мало мохется (2-жды)

Мнѣ ко татинькина хлѣба ѣсть не хочится (2-жды):
Татенькин хлѣб полынёй пáхнёт,
Уж он горькой горьчицей отзываетця
Рыбушка . . . и пр.
(*Повторяются первые четыре стиха*).
Мнѣ ка маминкина хлѣба ѣсть не хочится:
Маминкин хлѣб полынёй пáхнёт,
Уж он горькой горьчицей отзываетця . . .
Рыбушка и пр.
(*Снова повторяются первые четыре стиха*)
Мнѣ Васильёва хлѣба ѣсти хочетця,
Александровича хлѣба ѣсти хочетця:
Васильёв хлѣб сахарóм пáхнёт,
Уж он разными духами отзывается.

6.

Кто у нас въ конпаньи да не женат?
Ай люшеньки-люли!
Во конпаньи холостой?
Што Василей не женат,
Александрович холостой.
Што пора ему жениться,
Во добра коня садиться.
Ай люшеньки-люли!
Уж как он коня сѣдлает,
Уж как конь-о-т с ним играет.
Подъѣзжает ко двору
Къ невѣстену терему:
Тесть-о-т ходит по двору,
Тёща ходит во саду̀. —
— Что Василіе стучался,
Александрович колотился? —
Уж ты Оленька, отопри,

Алексѣевна, отложи.
Радаб — рада я отложить, —
Буен витер шибко бьёт,
С головушки цвѣты рвёт.
Што Василей осердился,
Александрович воротился,
Александрович воротился, —
На добра коня садился.
Уж как Оленька выбѣгала,
Громким голосом скрычала;
Уж ты, Васенька, не сердись,
Александрович, воротись! —
Рад-бы, рад-бы воротился, —
Доброй конь мой не стоит (2-жды),
Дома маменька бранит (2-жды), —
Мнѣ жениться не велит.

7.

Много — много у татенки —
Много сѣмени росіяно,
Что маленько уродилося (2-жды).
Что одна была измѣнщица,
Молодецкая прелестница, —
Говорила: заму́ж нейду;
Отвѣчала: в манастырь пойду, —
Не просто пойду — в игуменьи;
Красных дѣвушек с собой возьму:
Я иную возьму в клюшницы,
Я вторую во келейницы . . .
Я не знала, не вѣдала,
Что ко мнѣ сваха пріѣхала,
Что гордая̂, спесивая,
Молодая, ломливая.

Не ступя она ступ ступит
По отласу по бархоту;
Не молвя слово промолвит:
Снаряжайся-тко, умница,
Уж ты, Варюшка-розумница,
Ко суду да Бо́жью ѣхати
С удалым да с добрымъ молодцем
Што с Петром да Иванычом,
У суда да ножни ломятця,
Под вѣнцом голова болит,
Очи ясны помутятця,
Брови чорны опустятця.

8.

(*Поется женатымъ*).

Што свѣтёл ли свѣтёл мѣсяц,
Што красно́ ли кра́сно солнышко,
Што весёл ли мои милой друг,
Але́ксандр Иванович?
Александр Иванович,
Во пиру он сѣдучись,
Он сидит проклаждается;
Он не пьёт пива пьяново,
Зелена вина в рот не берёт.
Он сидит—проклаждается (2-жды),
Он женою похваляется (2-жды):
У меня жена умная,
Моя Оленька розумная;
Очи ясны ясна сокола,
Брови чёрны чёрна соболя;
Слово скажет—утѣши́т меня,
Поцѣлует—накорми́т меня.

9.

Вы гуси-гуси сѣрые,
Вы куда же ле́тали?
Уж мы с го́ры да на гору,
Уж мы с моря и на́ море.
Уж вы што же, гуси, видяли?
Уж мы видяли-видяли
Сѣру утицу на морѣ.
Уж вы что же ее не взяли?
Крыльё-перьё повыщипали,
По синю морю розвіяли. —
Уж вы боя́ре-бо́яра,
Вы бояре александровы,
Вы куда же ве́чер ѣздели?—
Уж мы ѣздели-ѣздели,
Што из улицы въ улицу,
Што от терема до терема.—
Уж вы што же там видяли?
Уж мы видяли-видяли
Душу́ красную дѣвицу,
Што в высоком во теремѣ. —
Уж вы што-ж ее не взяли? —
А хоша мы ее не взяли,
Мы русу да ко́су ро́сплели,
Што вручили добру молодцу,
Што Ивану Васильёвичу.
Ты владѣй-владѣй, Ванюшка,
Ты владѣй-владѣй, Васильёвич
Уж ты нашей Олександружкой
Уж ты нашей Ивановной.

10.

Ты взойди-взойди, маменка,
Во мою свѣтлу свѣтлицу (2-жды),

Во столовую горницу!
Уж ты сядь, родна маменка,
Уж ты сядь, восуда́рыня,
Во моё во большо мѣсто!
Посмотри, да родна маменка,
Посмотри же, восударыня,
На мою да на русу́ косу,
На дѣвичьюю кра́соту.
Мнѣ, да родна маменка,
Мнѣ не долго, восударыня.
Мнѣ красой красоватися,
Мнѣ красою красоватися,
Мнѣ русо́ю похвалятися, —
От суботы до су́боты,
До сгово́ру дивишничка,
Как севодни дивишничёк,
Што на завтра то свадебка, — [1])
Ко суду да Божью ѣхати
С уда́лым с до́брым мо́лодцом
Што с Иваном Васильичом.
У суда да ножки ломятся,
Под вѣнцомъ голова болит,
Очи ясны помутятся,
Брови черны пріопустятся.
Идут попы и дьяконы,
Што соборныи пѣвчіе,
Што ведут добра молодца,
Ивана Васильёвича;
За собой Иван ведёт дивицу
Олександру Ивановну (2-жды).
Што ты, Сашенька, тихо́ идёш,
Ивановна, рѣдко сту́паеш?

---

[1]) Въ деревняхъ к. у. дѣвишникъ бываетъ въ день свадьбы, въ городѣ—наканунѣ ея.

Я рада́ вѣдь скоро́ итти,
Подо мной то земля дрожит
От тебе, мой свѣт, лицо горит.

11.

Не долго цвѣточку
Во садикѣ цвѣсти,
Не долго вѣночку
На стѣночкѣ висѣть, —
Не долго нашей Сашенькѣ
Во дѣвушках сидѣть,
Не долго Александровнѣ
Руса коса плести.
Го́рдись, гордись, татенька,
Да не отдавай,
Покуль тебе, татенька,
Зять не подарил
Треми́ то сукнам
Треми́ аглицкими.
Не долго... и пр.
(*Повторяются первые восемь стиховъ*).
Гордись, гордись, маменка,
Да не отдавай,
Покуль тебе, маменка,
Зять не подарил,
Треми́ то парчо́м
Треми́ зо́лотыми.
Не долго... и пр.
(*Снова повторяютъ первые восемь стиховъ*).
Гордись, гордись, брателко,
Да не отдавай,
Покуль тебе, брателко,
Зять не подарил

Треми́ то коням
Треми́ во́роными

12.

Вечор наша кенарейка
Шибко, громко в саду пѣла,
Как заутра кенарейки
Не слыхать то ее стало, —
Она пѣти перестала.
Она пѣть то перестала:
Вѣрно к пташкѣ кенарейкѣ
Соколы́ то прилетали,
Што с собою ее взяли.
Ты владѣй — владѣй, соколик,
Владѣй нашей кенарейкой!
Не давай ко ей в обиду
Ты не пташкам, ни косичкам,
Ты не мелким разным птичькам;
Ты корми её пшеницей
И ты пой же ей сытицей. —
Как вечо́р наша да Наташа
Вечор наша Константиновна
Шибко, громко говорила.
Как заутра ко Натальѣ
К ней сваты то пріѣзжали,
Што съ собою ее брали,
Што к Ивану то вручалы,
Ты владѣй-владѣй, Иван свѣт,
Ты владѣй-владѣй, Васильич,
Ты владѣй нашей Наташей,
Ты владѣй же Константиновной,
Не давай ко ей да в обиду
Ты ни свёкру ни свекрови

Ни деве́рьям ни золовкам.
Уж ты пой ко ее чаям,
Ты корми-то сухарями,
Да ложи ко спать в вечерню,
Буди Натальюшку в обѣдню.

13.

Не чала мене матушка
Вѣк избыть,
Да меня вѣк избыть,
Да со двора изжить...
Избыла́ родна́ матушка
Во единой час,
Што в единой час,
Во одну да минуточку.
Жарко-жарко в терему́
Да горят свѣчи́,
Пожарчае тово̂
Да воску ярово,
Воску ярово, да воску бѣлово.
Да жалобно плакала да Марьюшка,
Жалобно плакала да свѣт Васильёвна,
Уговаривале—да родной татенка,
Уговаривале—да ро́дная се́стрица;
Ты не плачь ко да не плачь, мое дитятко,
Ты не плачь ко да не плачь, наше милоё:
Мы не в полон тя даи́м,
Не полонить хотим, —
Замуж вы́даим;
Мы за умново, за разумново,
Мы за чистово да за рѣчистово,
За тихово мы да за смире́нново;
Мы не одну спустим, —

Да сваху сна́рядим.
Не уговорил да родной татенька,
Не отѣшила да ро́дна се́стрица.
Я сама про то да знаю-вѣдаю:
Уж как свашенки да прирозуйдутся
Поѣзжаны-гости прирозъѣдутся
Да я сама молодёшенька останусь,
Со чужим то я со чужаниномъ
Со чужим то я с родом-племенём.

14.

(*Дружкѣ*).

Дружењка да хорошенькой,
Друженько да молоденькой!
Как у друженьки голова
Да запомадена была,
Как у друженьки рубашка
Да кемрю́ковая,
Да манишечка да батистовая,
Жилеточка матеревая,
Штаны да черно-бархатные,
Пальто да вѣдь драповое,
Шляпочка да пуховенькая,
Платочек батистовой,
Перчатки бѣлолайковые,
Сапожки козловенькіе,
Колоши резинковые,
Трёсточка камышевая.

15.

Дѣвушки зазываюъ жениха на дѣвичникъ:
Пріѣзжай, государь, на дивишник!
Ай люли-люли, на дивишник!

Привози, сударь, шкатулку,
Ай люли-люли, саму дорогую.
Што во этой во шкатулкѣ
Шестьдесят аршин разных лентов,—
Пунцовых, дворцовых,
Печальных, вѣнчальных;
Привози, сударь, янтарне мыло,
Черепахов, сударь, гребень;
Красным дѣвицамъ конфетов,
Шанпансково на́ пар,
Шелков, сударь, вѣник [1])

16.

Разлилась . . . [2])
По лугам трава шелковая (2-жды).
По синему морю крутому
Што пловёт три корабличка,
Пловет три корабличка. —
Уж как первой кораб пловёт
С сундуками со окова́ными (2-жды);
Какъ второй-от кораб пловёт
Со перинами с пуховыми (2-жды);
Уж как третій кораб пловёт
Со душей красной дѣвицей,
Что с Вѣрой Константиновной.
Как сидит ее маменка,
Как сидит восударыня
У крутово бережка,
У горючево у камешка.

---

[1]) На дѣвичникѣ женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарки. Съ каждымъ изъ нихъ онъ подходитъ къ ней медленно. За каждымъ почти его шагомъ слѣдуетъ съ ея стороны поклонъ ему. Получивъ подарокъ, невѣста, не оборачиваясь, передаетъ его черезъ голову подругамъ или родственникамъ.

 [2]) Одно слово пропущено.

Что крычала ее маменка,
Что крычала восударыня:
Воротись, моё дитятко,
Воротись, моё милое:
Позабыла золоты́ ключи
На шелковом па поясѣ.
Отвѣчала ей Вѣрочка,
Отвѣчала Константиновна:
Восударыни маменка!
Не забыла золоты́ ключи (2-жды),
Позабыла, родна маменка,
Позабыла, восударыня,
Дорогую свою красоту
Я во тёплой во пазушки;
Позабыла, родна маменка,
Позабыла, восударыня,
Ласкоту я родна татеньки,
Добродитель родна брателка,
Я привѣство невѣстушек.

17.

(*Невѣстѣ, если она сирота*).

Много-много у сыра дуба
Много ви́тья и па́ветья,
Много листу зеле́ново;
Столько нѣт у сыра дуба
Золотой нѣт вершиночки,
Позолоченой маковки.
Нѣту—нѣт у нас у Марьюшки
Нѣту у Васильёвны
Нѣт родители маменки.
Што ко этому ко времечку
Много-много у Марьюшки,

Много-много у Васильёвны
Много роду и племеню,
Много кумушёк-голубушёк,
Много красных есть дѣвушек, —
Снарядить ее есть кому
Благословить ее не́кому.
Нѣту-нѣту у Марьюшки,
Нѣту-нѣт у Васильёвны,
Што ко этому ко времечку —
Жалосливой родной маменки —
Благословенью великому.
Приклонить буйна головушка,
Покорить серцо́ ретивоё
К жалосливой родной се́стрицѣ
Мнѣ к Татьянѣ Васильёвнѣ.
Подойди, моя голубушка,
Бласлови меня сироточку
На чужу дальну сторонушку
Во страму грозу великую.
Ты послушай, родна се́стрица,
Ты послушай же, голубушка!
Научи меня сироточку,
Как мнѣ жить обживатися
Со чужим со чужанином,
С богоданоем родителям.
Мнѣ ка жить надо умѣючись,
Говорить да разумѣючи,
Знать головушка поклонная,
Ретиво серцо́ покорноё.

18.

(*«Отдаваніе кра́соты» — причетъ*).

Приклонить было буйная головушка,
Мнѣ покороти своё то серце ретивоё

Да мнѣ ко свѣтам сердешним родителям.
Позволь, да мой желанной родитель батюшко,
Ты да желанная родитель матушка,
Мнѣ то погулять покрасоватися
Во своей да свѣтлой свѣтлицѣ,
Мнѣ как в хороших да высоких горницах;
Мнѣ да покрасоватися своей дѣвичьей
Хорошей да кра́сотой.
Вы да находитесь ко, да мои ноженки рѣзвые,
Вы да намашитесь, мои полотняные бѣлые рученки,
Ты да накрасуйся, моя хорошая дѣви́чья кра́сота,
Вы да наглядитесь-насмотритесь,
Очи мои да ясныи!
Мнѣка да вѣдь не год годовать
Во хорошей дѣвичьей во кра́сотѣ.
Как вѣдь час да ко часочку да прибыли, —
Мнѣ да розстаться съ тобою, хорошая,
Дѣви́чья моя кра́сота!
Как и вѣдь подъѣдут съ чужой то со дальней сторонушки
Как и чужіе перелётные да ясны соколы, —
Как у меня подрѣжут да мои ножки рѣзвыи,
Какъ и опадут мнѣ да рученки да бѣлыи,
Какъ и̂спугаится дорогая да вольная волюшка.
Я да вѣдь розстануся у своих да свѣтов у родителей.
Как да повезутъ меня на чужую ознобную сторонушку,
Как да ко чужим свѣтам ко сердешним ко родителям,
Как да заведут меня за столы да вѣдь за дубовыи,—
Какъ да испугаится да моя вольная волюшка
Какъ моя да хорошая дѣви́чья да кра́сота.

(*Поется утромъ въ день свадьбы*).

Невѣсту угощаютъ въ день свадьбы. Она благодаритъ родныхъ и зазываетъ ихъ въ гости:

19.

Вы гостите да и жалуйте
На розставанье моей хорошей
Дѣвичьей кра́сотѣ —
И к моим то богоданным свѣтам
Сердешним родителям,
Чтоб я в честь пришла
Богоданнымъ своим родителям,
Бутто я не безродная зародилася

20.

(*«Отдаваніе красоты» — пѣсня*).

Красота́ ли моя кра́сота
Красота́ ль моя ди́вичья!
Мнѣ куда́ тебя дивать буде?
Мнѣ спу́стить своя кра́сота,
Мнѣ спу́стить своя ди́вичья
Во цвѣточки лазуревы,
Што во травоньку шелковую...
Я не ладно кра́сна дѣвица,
Я не ладно пріудумала,
Я не хо́рошо уладила:
Моей кра́сотѣ не мѣстичко,
Што ея не угомоньицо:
Как пойдут да добры молодцы
Со косами со вострыми,
Што молодыи молодушки,
Што хоро́ши красны дѣвушки,
Как и станут травку ко́сити, —
Пропадет моя красота,
Пропадет моя ди́вичья.
Што станут да насмѣхатися,
Што над ей на́дрыгатися:

Эка глупа красна дѣвица,
Неразумна дочь отеческа!
Как уміючи снóсила,
Што ни к мѣсту полóжила!..
Мнѣ спустить своя красота,
Мнѣ спустить своя дивичья
Во поля́ тѣ широкіе,
Што во жито во жолтое!...
Я не ладно красна дивица,
Я не ладно пріудумала,
Я не хóрошо уладила:
Моей красотѣ не мѣстичко,
Ее не угомоньицо:
Как пойдут красны дѣвицы
Со серпами со булатними, —
Как сожнут мою кра́соту
Как сожнут мою ди́вичью.
Эка глупа кра́сна дѣвица,
Неразумна дочь отеческа!
Што уміючи снóсила,
Што ни к мѣсту положила....
Мнѣ спустить своя красота
Мнѣ спустить своя дивичья,
Мнѣ по рѣчки по быстрые
По озёрам глубокіем...
Я не ладно красна дивица,
Я не ладно пріудумала,
Я не хóрошо уладила:
Как поѣдут рыбки лóвити, —
Уловя́т мою крáсоту,
Уловят мою дивичью.
Эка глупа красна дѣвица,
Неразумна дочь отеческа!
Как уміючи сносила,

Што ни к мѣсту положила...
Мнѣ спустить своя красота,
Мнѣ спустить своя ди́вичья,
Во лѣса́ да во дремучіе...
Я не ладно красна дѣвица,
Я не ладно пріудумала,
Я не хо́рошо уладила:
Как пойдут стрѣльцы ло́вити,
Как пойдут стрѣльцы со ружьями,
Как стрѣлять то вѣдь бѣлочку, —
Как устрѣлят мою кра́соту.

(Къ сестрѣ):

Подойди, моя голубушка,
Жалосливая сестри́ченька,
Ко мнѣ да ко кру́чинною!
Ты возьми же мою кра́соту
Ты возьми же мою ди́вичью.
Береги, моя голубушка,
Дорогую мою кра́соту
Ты от вѣтра от буйново,
От дождя от кропучово.
По дорогим честным праздничкам
Ты носи мою красоту...
Я не ладно красна дѣвица,
Я не ладно пріудумала,
Я не хо́рошо уладила:
Сестрица да малешенька,
Не сберегёт моей кра́соты, —
Не кри́пкая надѣюшка.

(Къ матери):

Подойди, моя маменка,
Подойди, моя голубушка!
Приклоню буйну головушку,
Покорю серце ретивое.

Ты возьми, моя маменка,
Ты возьми, моя голубушка,
Дорогую мою кра́соту
Ты во тёмную во пазушку.
Береги, да ро́дна матушка,
Береги, моя голубушка,
Дорогую мою красоту.
Как я буду под страмо́й-грозой,
Под страмо́й-грозой великою,
Погляжу я тут на кра́соту,
Как пролью слёзы горячіе...
Я не ладно красна дѣвица,
Я не ладно пріудумала,
Я не хо́рошо уладила;
Какъ увидит страм-гроза великая;
И не станет спущать во любимое госьбище...
Я спущу мою кра́соту,
Я спущу свою ди́вичью,
За престол да Матерь Божію, —
Тут то красотѣ да мѣстичко,
Тут ее то угомоньицо!

21.

На другой день послѣ вѣнчанья молодые идутъ въ баню. По выходѣ ихъ оттуда, имъ поютъ:

Стеле́тся да вьится,
По лугам трава зеленитця.
Цѣлует — милует, —
Што Василей жену цѣлует,
Александрович милует,
Душой называет:
Душенька да Оленька,
Серце мое Алексѣевна!

Спороди сыночка
Сына-ясново сколочка.
За услугу я за твою
Во гостиный двор пойду —
Шаль турецкую куплю:
Носи, душенька, не жалѣй,
Качай сына да лелѣй!..
Стелется да вьтся и пр.
(Повторяются первые 8 стиховъ).
Спороди да дочушку,
Дочь бѣлую лебедушку, —
Бѣлым личиком в мене,
Умом разумом в себе.
За услугу я за твою
В магазен да я пойду —
Крупной жемчуг я куплю:
Носи, душенька, не жалѣй,
Качай дочку да лелѣй!

---

2. Игровыя.

1.

Не в трубу ли я дѣвица
Трубила.
Всё бы я по горницѣ,
Всё бы я по свѣтлицѣ (2-жды).
Гуляла;
Все бы я со милым (2-жды).
Рѣчь говорила:
Уж как ты мой (4-жды)!.
Милой, чернобровой,
Не садися (4-жды).
Не садися против мене (2-жды):

Люди тѣ скажут (3-жды),
Люди-люди скажут:
Ты мене любиш,
Если ты любиш (4-жды),
Если ты любиш-то скажися (2-жды);
Если не любиш, — ты меня не любиш (2-жды),
Если не любиш—то откажися (2-жды)...
Или я роду-роду-роду-роду (2-жды)
Или я роду не простово (2-жды) [1]),
Не простово роду, княжеско́во.
Княжеской сынъ въ гусли играёт,
Он в своей горницѣ (2-жды),
Он в своей свѣтлицѣ (2-жды),
Он в своей свѣтлицѣ — воспѣваёт,
Воспѣвает, поздравляет,
Поздравляет красну дѣви́цу:
Будь же ты, дѣвица,
Будь же ты красная (2-жды)
Душа за мною.
Быть за мною, слыть молодою,
Слыть молодою моей женою!

(Во время пѣнія дѣвушки и мужчины ходятъ, взявшись за руки).

2.

Царев сынъ.

(Дѣвушки и мужчины образуютъ кругъ. Царевъ сынъ стоитъ сначала внѣ его. Дѣйствія, которыми сопровождается пѣніе, воспроизводятъ частію содержаніе пѣсни).

---

[1]) Вар. Люблю я роду-роду-роду-роду
Люблю я — роду не простовъ

По загóроду царев сын,
Што во городѣ царевна; —
Посередь города стояла,
Золотым перстнем сіяла,
Позолоченымъ просвѣщала.
Вы сѣките, холопы ворота:
Секретарьской сын [1]) во горóдѣ.
Вы сойдитесь ко близенько,
Поклонитесь низенько,
Обоймитесь плотненько,
Поцѣлуйтесь миленько.
Ты бери-тко, свѣт, за ручку, —
Обведи кругом городочка.
Вы посмотьте тко, бояра,
Какова то моя молодая:
Она и́стонка высока [2])
Она и́збѣла румяна,
Черноброва, черноглаза!
Становись ко, свѣт, на мѣсто!

3.

Вьюнъ.

(*Отрывокъ*).

На улицѣ, на улицѣ
Вьюны вьются,
Вьются, вьются — совиваются.
Што по дѣвицѣ, што по дѣвицѣ
Молодцы тужáт.
Тужат, тужат — сокрушаются...

---

[1]) Искаженіе: вм. царев сын.
[2]) Вар.: Она истолста высока.

4.

Коверъ.

(«Ковра играть».—Поется большей частію на свадьбахъ).

Дѣвицы пива наварили,
Зелена вина накурили;
По ковра послали,
По добра человѣка.
Здѣсь ковру не бывати,
Пива и вина не пивати,
Сладково мёду не вкушати.
Ты устойся, ковёр,
Не ломайся, ковёр,
Не коверькайсе!
Хош ты ломли,
Хош ты щеголи́, —
Перекину я ковра́
Через тын манастырь,
Через весь городок,
Через лавочку торго́ву,
Через стѣну городову.
Ково я люблю,
Тово я возьму;
Ково не́ люблю,
Тово не́ возьму;
За собой поведу,
Молодой назову.

5.

Червякъ.

Наварим мы пива,
Зе́леново вина!
Млада-млада-млада, —
Зе́леново вина!

Мы пива́ напьёмся,
Всѣ мы розойдёмся
(*расходятся*)
Наварим и пр.
(*Повторяются первые три стиха*)
Мы пива напьемся,
Всѣ мы роспосядем.
(*Всѣ садятся*)
Наварим. . . . и пр.
Мы пива напьемся,
Всѣ ли мы повстанем.
(*встаютъ*)
Наварим и пр.
Мы пива напьемся,
Всѣ ли соберемся.
(*составляется кругъ*)
Наварим и пр.
Мы пива напьёмся,
Всѣ мы подерёмся,
(*Играющіе ударяютъ слегка одинъ другаго по рукамъ или по плечамъ*).
Наварим и пр.
Мы пива напьёмся,
Всѣ ли помири́мся,
(*подаютъ другъ другу руки и становятся въ кругъ*).
Чернячок ты мой,
Парень молодой!
Че́рнец варил пиво
Из зелёна хмеля,
Без соли из хлѣба (2-жды).
(*Теченіе пѣсни въ этихъ пяти стихахъ быстрое, бойкое; движенія участвующихъ въ игрѣ порывистыя; мужчины въ тактъ пѣсни топаютъ ногами*).
Вступила хмелинка

Во мою головку!
(*каждый хватаетъ себя за голову*)
Нельзя мнѣ тряхнуться,
Нельзя ворохнуться!
(*всѣ стоятъ*)
Вот пошла стряхнулась,
Вот пошла ворохнулась!
(*общее движеніе*)
Чернячок и пр.
(*повторяются пять стиховъ*)
Ступила хмелинка
Во мои во ручки!
(*пожимаютъ руки*)
Нельзя и пр.
(*повторяются четыре стиха*)
Чернячок и пр.
Ступила хмелинка
Во мою грудинку!
(*Хватаются за грудь*)
Нельзя и пр.
Чернячок и пр.
Ступила хмелинка
Во мою брюшинку!
(*прикладываютъ руку къ животу*)
Нельзя и пр.
Чернячок и пр.
Ступила хмелинка
Во мои колѣнцы!
(*дотрогиваются до колѣнъ*)
Нельзя и пр.
Чернячок и пр.
Ступила хмелинка
Во мои во ножки!

Нельзя мнѣ стряхнуться,
Нельзя ворохнуться...

6.

Мы росу посѣяли, посѣяли!
Ай же млада,
Посѣяли!
Мы росу вытопчем [1])!
Чѣм же ты вытопчеш?
Мы коней выпустим.
Мы коней выимам.
Чѣм ты выимаш?
Шелковым поводом.
Мы повод розсѣчем.
Чѣм же ты розсѣчеш?
Мы острым ножичком.
Мы ножик вытупим.
Чѣм же ты вытупиш?
Мы сѣрым камешком.
Мы ко́ней выкупим.
Чѣм же ты выкупиш?
Мы дадим сто рублей, сто рублей.
Нам не надо тысяча,
Нам надо дивица.
Вам надо кото́ра?
Нам надо крайняя.
У нас крайняя в се́ребрѣ.
Нам надо в золотѣ. —
Нашево полку у́было.
Нашево полку при́было.
У нас в полку кру́чина

---

[1]) Послѣднее слово каждаго стиха повторяется; за каждымъ стихомъ слѣдуетъ припѣвъ: ай же млада.

У нас в полку весело. —
Не ткаха была, не пряха, —
Не умѣла ткать, не умѣла прясть
И повбду ходить,
И порядню водить. —
Молодешенька, зеленешенька;
Мы научим ткать,
Мы научим прясть,
И по воду ходить,
И порядню водить.

---

3. Колядка.

(Поется, въ первый день Рождества Христова, цѣлою толпою, въ домахъ тѣхъ семей, въ которыхъ, въ течении того года, была свадьба).

Ты позволь, сударь—хозяин,
Ты позволь, господин,
Коледа!
Ты позволь, господин,
Да ко двору прійти,
Коледа!
Ко двору прійти,
Да словцё молвити,
Коледа!
Словцё молвити,
Да ричь говбрити,
Коледа!
Ищо чей же дворъ стоит,
Чей высок новой терем?
Коледа!
Ищо двор стоит
Павла Макаровича.
Коледа!

Што высок теремʹ
Натальи Васильёвны души.
Коледа!
Против ширʹока двора,
Господинова села
Коледа!
Розливаласе Дунай,
Да рѣчька быстренькая
Коледа!
Што со тихими с глубоками
Со зáводами
Коледа!
Што со крутыми, со красными
Со бережками
Коледа!
Што по той ли Дунаи
Рѣчьки быстренькою
Коледа!
Ище плавали двѣ билые
Двѣ лебеди
Коледа!
Што и сѣрые, двѣ малые
Двѣ утушки.
Коледа!
Што ис хóроша, из высока
Ис терема
Коледа!
Ис хорошово косивчета
Окошечка
Коледа!
Уздрѣла, усмотрѣла
Молода ево жена,
Коледа!
Молода жона Наталья

Васильёвна душа,
Коледа!
Говорила Наталья
Господину своёму,
Коледа!
Господину своёму
Да таковые словеса:
Коледа!
Я без бѣлыих без лебедей
Обѣдать не хочу,
Коледа!
Што без сѣрыих без утушек
Не ужинаю,
Коледа!
Закручинился то Павел,
Запечаловался,
Коледа!
Выходил то ли Павел
На конюшней двор,
Коледа!
Выбирал то и Павел
Себѣ доброво коня,
Коледа!
Себѣ доброво коня,
Коня неѣзжаново,
Коледа!
Што не ѣзжаново,
Коня не сѣдланово;
Коледа!
Он накладываёт
Уздечку тесмяниичкую,
Коледа!
Он накладываёт
Сѣдёлышко черкаскоё,

Коледа!
Он подстегивал подпруги
Семишолковые,
Коледа!
Он не для ради басы,
Он ради крѣпости,
Коледа!
Говорил то вѣдь Павел
Своим вѣрным слугам:
Коледа!
Уж вы слуги мои, слуги,
Слуги вѣрныи мои!
Коледа!
Вы подайие тко, слуги,
Золоты мои ключи;
Коледа!
Поскоряе отмыкайте
Окованы сундуки;
Коледа!
И подайте тко тугой лук,
Роврывчатой,
Коледа!
Поскоряе нову стрѣлочку
Калиновую!
Коледа!
Поѣзжал то Павел
На Дунай рѣчку гулять,
Коледа!
На Дунай рѣчку гулять,
Да бѣлых лебедей стрѣлять.
Коледа!
Уѣзжал ли то Павел
Ко Дунаю ко рѣкѣ,
Коледа!

Сходил то вѣдь Павел
Со добрóва со коня;
Коледа!
Он садился то Павел
За ракитовый куст, —
Коледа!
Он натягиваёт тугой лук
Розрывчатой,
Коледа!
Накладываёт стрѣлочку
Калиновую,
Коледа!
Уж он перьвой раз стрѣлил —
Он не мог дострѣлить;
Коледа!
А в другой он раз стрѣлил —
Он не дострѣлил [1]);
Коледа!
Уж он третей раз стрѣлил —
Не мог устрѣлить,
Коледа!
Он здавался во кручинушку,
Во великую печаль,
Коледа!
Он садился то Павел
На добрóво то коня,
Коледа!
Уѣзжал то и Павел
Ко подворью своёму,
Коледа!
Ко подворью своёму
Ко широкому двору,

---

[1]) Перестрѣлил?

Коледа!
Што из высока ис терема,
Ис хорошово косивчета окошечка,
Коледа!
Што уздрѣла - усмотрѣла
Молода ево жона,
Коледа!
Молода жона Наталья
Васильёвна душа,
Коледа!
Выходила Наталья
На широкой двор,
Коледа!
Отпирала Наталья
Широкіе ворота;
Коледа!
Што стрѣчала Наталья
Господина своево,
Коледа!
Што снимала Наталья
Со доброво со коня;
Коледа!
Говорила Наталья
Таковые словеса:
Коледа!
Я без бѣлые без лебеди
Обѣдаю, сударь,
Коледа!
И безъ сѣрые безъ утушки
Отужинаю;
Коледа!
Без тебя, моя надежа,
Часу быти не могу,
Коледа!

Ни часу я часовать,
Темной ночи коротать.
Коледа!. —
Не пора ли то, хозяинъ,
Колёдевщиков дарить?
Коледа!
Ище наша-то колёдка
Што й не мала, ни величка,
Коледа!
Што й не мала ни велика,
Не в рубь ни в полгину,
Коледа!
Што не в рубь ни в полтину
Ровно сорок алтын,
Коледа!
Ровно сорок алтын
С одной денёжкой.
Коледа!
Што во двери ти не войдет
А окном какъ шьёт. [1])

Приведенная колядка поется только въ селахъ Шмаковѣ и Ошмаринѣ. Въ другихъ мѣстахъ ея не знають, какъ, равно, и обычая поздравлять на первый день рождественскаго праздника женившихся въ теченіи года. «Христославятъ» въ день Рождества во многихъ мѣстахъ. Въ селеніи Доръ поется христославцами слѣдующая безсмыслица:

Пали-пали снѣги.
Перепадывали,
Со Ангелом с Гавріилом
С пред-Отец Мати Маріей (?)
В Божью церковь заходили,

[1]) Смысла двухъ послѣднихъ строкъ пѣвцы не могли объяснить мнѣ.

Христу дары приносили.
Пропровѣдники Христовы!
Пропровѣдайте про нижноё пѣньё́,
Про Христово Рождество.
Стань, нажидай,
На короткой день;
Отворяй ворота,
Стрицяй Рождество!
Нам Христославцям
Пирог да шаньгу [1]),
Пива шайку,
На верьх козульку [2]),
Под низ копейку.

---

3. Шуточныя и дѣтскія.

1.

Утоцка маховая,
Гдѣ ты ноце́сь ноцевала?
Там, там, там—на болотѣ,
У Кузьмы Демьяна,
У святой Варвары.
Пецька свѣтленько топилась,
Кашка густенько варилась,
Колобы на полкѣ смѣются.
Шли, шли, шли скоморошки,
Высѣлки по прутоцку,
Сдѣлали по гудоцьку.
Вы, гудки, не гудите, —
Батюшка не будите:
Батюшко старенек,

---

[1]) Лепешка, политая сметаной.
[2]) Крестообразной формы лепешк.

Матушка молоденька.
Всѣ братья по службам,
А всѣ сестры по замужьям.
Брата Романа убили,
Под колокóл схоронили;
Кàдялкой покадили,
Просвиркой поменули;
Нѐкому поплакать
Некому повоеть.
Два волка мохнаты,
Двѣ старухи горбаты.
Шла дѣвушка по рыноцьку,
Купила шолциноцку;
Вдоль двора шла — потéряла,
Вѣницком запахала;
Пришла домой — всѣх робят перебила,
Кошку ремёшком била,
Старово кота татавуром [1]) бѝлà:
Што ты, старой цёрт,
Не толкёш, не метеш,
А завтра мои имянины.

2.

Таракан дрова рубил,
Мышка баенку топила,
Вошка париться ходила.
С перепару вошка пала,
Ножку вывернула.
Посылала к воеводѣ:
Воевода, воевода!
Дай нам лѣкарства —

---

[1]) Что это такое, — разскащикъ не зналъ. Ср. у Даля: татуръ.

Лицить - полѣцить.
Ножку вылѣцили,
Клопы - попы,
Тараканы погребали,
Мыши голосом крицали:
Помяни нашу рабу —
Одну вошку во гробу!

3.

Тпру-тпру, кобыла!
Не выломи овинка.
Овин с овсом.
Жеребя с хвостом.
Наѣхали бояра
Всѣми́ городами, –
Ни пецки, ни лавки,
Одни поперецинки:
Сидит курица ряба,
Переломлена нога.
Не ходи на рѣку,
Не клюй песку,
Не марай носку!
Пришол кривко́,
Наварил пивка́,
Созвал гостей —
Кривых снастей.

---

5. Повседневныя[1]).

На горѣ стоитъ ёлочка,
Под горой стоит свитёлочка;

[1]) Такъ называю я пѣсни, лишенныя спеціальнаго, такъ сказать, значенія —пѣсни, которыя поются не въ извѣстные только дни и не при извѣстныхъ только случаяхъ, а изо дня въ день, при всякомъ случаѣ.

Во свитёлочкѣ красна дѣвица душа,
Свѣт Марья Ивановна.
Она бѣлитса—румянитса,
В цвѣтно платье снаряжаетса.
Приходил к ней татенка родной,
Уж он звал—позывал домой:
Уж ты, Машенька, пойдем домой,
Ты, Ивановна, со мной домой!
Я нейду, нейду, не слушаю тебя:
Ночь темна, темна, не мѣсячня,
Лѣсы тёмны—караулов нѣт,
Рѣчки быстры—перевозов нѣт,
На горѣ и пр.
(*повторяются первые шесть стиховъ.*)
Приходила к ней сéстрица родная
Она звала и пр.
(*повторяются семь стиховъ: 7—14*)
На горѣ и пр.
(*первые шесть стиховъ*)
Приходил къ ней Ондрей господин,
Уж он звал позывал домой:
Уж ты, Машенька, пойдем домой,
Ты, Ивановна, со мной домой!—
Я иду да иду—слушаюсь тебя:
Ночь свѣтла да ночь и мѣсячня,
Лѣсы темны—караулы есть,
Рѣки бы́стры—перевозы есть.

2.

Ты лети—лети, калёна́ стрѣла,
Выше лѣсу по поднéбесью
Ниже травки о сыру землю!

Ты ударь—ударь, калена стрѣла,
Сѣру утицу на ши́рокомъ дворѣ
Добра молодца на во́роиомъ конѣ!
Не послушалась калёная стрѣла:
Залетѣла ко вдовушкѣ на двор.
У вдовушки столбы то́чены,
Вереюшки позолоченые,
Ворота́ у ней из чистова стекла,
Подворотенка серебреная;
Подворотенка на камешкѣ лежит,
Из под камешка быстра рѣчка́ бѣжит;
Через рѣчку казенной перевоз, —
Меня миленькой на ручках перенёс

3.

На гору́шѣ калина́,
Под горою малина́.
Там дѣву́шка гуляла̀,
Калинушку ломала́,
Во пучечки вязала́,
Алой лентой обвила́,
Казаче́ньку бросала́.
—Казаченько молодой!
Слышь,—поѣдеш во поход, —
Возьми меня с собою:
Я тѣ буду слугою,
Служаночкой вѣрною:
Твоихъ коней уберу,
Во конюшню *за-стою*,
Овса—сѣна надаю,—
Овсо—сѣно все мое;
Я тя в гости созову,—

Тебя чаем напою,
Сухарями накормлю;
Слышь—подарки подарю,
Подарочек не простой—
С руки перстень золотой.

4.

Запил Ва́нюшка,
Ванюша загулял,
Пропил денежки—
Головкой покачал;
Ай да два словечушка
Дѣвушкѣ сказал;
Ай да сказал перьвое
Дѣвушкѣ словечко:
Не полюбиш ли ты, дѣвушка, да меня?
Он другое словечко потайное:
Выйди, любушка, замуж за меня.
Как да западайте всѣ пути—дорожки:
Сюда не́ пошто нам ходить,
Сюда не пошто да не надо:
Здѣси не́ково в горюшки любить.
Полюблю я с тово с горюшка—досады
Росхорошово себѣ молодца
Росхорошово себѣ роспригожово,—
— Я Иванушка люблю щеголька..
Будь ты проклят!
Худоё житьё бабьё,
Росхорошоё дѣвушкой житьё!
Уж я ввеселюсь дѣвушкой до сы́та
Нагуляюсь красной до любы́!

5.

На дубу дубочку,
Сидит голубочик,
Спдит сизенькой голубчик,
Сизой голубчик—удалой молодчик.
Брови, брови ево чорны (2-жды),
Очи ево ясны,
Сам на личико бѣленек.
Там летѣла пава,
Среди поля пава пала,
Срсди поля пала,
Думала—гадала:
Что то мой миленькой роботат?
Рóбит—работаёт;
Тоночки катаёт,
Воронеюшка сѣдлаёт.
Осѣдлавши кóня,
Лошадь вороную,
Со двора милой съѣзжаёт;
Со двора съѣзжаёт,
Вссти узнаваёт
Всё про царскую службу.
Служит мой милой—не тужит.

6.

Посылает Иванушку мати
Яровое во полюшко жати.
Не хотѣлось Ванюшкѣ да бѣжать.
Пошол да пошол Ваня на крылечко,
Положил Ванюшка цѣп на плéчко,
Сам́ заплакал Ваня—зарыдал.

К полосынькѣ Ваня подходит,
К сырой землѣ Ваня приклонялся,
Сам единой снопочёк нажал, —
Навалилась на Ванюшку скука.
Он порѣзал серпом руку,—
Проливалась у Ванюшки нѣжная кров:
Недалёко сударушка жала,
Скорешенько к Ванѣ подбѣжала,
Шолковым платком ручку вязала.
Отец съ матерью в окно глядѣли,
Над Ванюшкой—Ваней заругались:
Экой Ванюшка—Ванюша дурачок,
Иванушка дурачок!
Что ты сдѣлал над собой,
Над своею над бѣлою рукой?—
Ты ступай ко ступай Ванюшка домой:
Тебя звала дѣвушка во лѣсочик
На единой маленькой часочик, —
Прогуляем с Ваней цѣлой день.

ЗАГОВОРЫ.

1.

Отъ зубной боли.

Стану благословясь, пойду перекрестясь изо дверей во двери, из ворот в ворота, из завор в завора; выду я в цистоё полё, приду к синему морю, стану я на Нашатырь камевь, сгляну я на восточную сторону. На́ горѣ на Ольѳоѳѣ на деревѣ кипарисѣ жидовьё Господа Исус Христа роспинали, — кости не болѣли и жилы не скомнули. Тако у сія раба (имя) кости не болѣли, жилы не скомнули. Как к желѣзу сталь пристанет, такъ мои слова к дѣлу пристали во вѣки вѣков. Аминь.

(Нужно взять негодная скотинная кос(т)ь, на нее наговорить и погрызть ее худыми зубами и говорить трижды: «в цес(т)ь святаго Лаврентія!» и бросить кось в огонь. И сгоряетъ болѣзнь с косью.)

2.

Отъ кровотеченія.

Стану благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, из завор в завора. Выду я в цистоё полё: встрицу несут мёртвово, рѣжут ножами, сѣкут топорами и пилят пилами,—кровь не текёт, не капнет. Так у сія раба (имя) кровь не текла и не канула чтоб во вѣки вѣков. Аминь.

3.

Отпускъ скота.

Стану я рабъ Божій благословясь, поиду перекрестясь изъ избы въ двери на белой свет. Умоюсь росою, одену(сь?) звездами, опоясусь святыми облаками; поиду въ чистое поле кокиану морю. Стоитъ святая часовня; во той святой часовни стоитъ крестъ животворящей; на томъ крестѣ животворящемъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сынъ божій. Паду на колени, Царь небесному помолюсь, святымъ Апостоламъ Евангелистамъ: матфею, іоанну, марку, луке; іоанну крестителю господню, іоанну богослову и всей небесной силы: отпустить мою божествену скотину, крестьянской животъ: коровъ, лошадей, нетелей, быковъ — рогатыхъ, косматыхъ, красныхъ, белыхъ, черныхъ, краснопестрыхъ, чернопестрыхъ, бурыхъ, серыхъ, седатыхъ,—разных шерстей; божественной скотъ, крестьянской животъ—лошадей, коровъ, нетелей, рогатыхъ, косматыхъ, разныхъ шерстей отпущаю и выгоняю на ласкотину въ темныя леса, въ чистыя поля, въ зе-

леныя луга, за мхи за болота, за высокія горы, за озера и реки и мелкія источины. Еще помолюсь я рабъ божій Егорьгію Храброму, преподобнымъ Засимы, Саватію, герману—соловецкимъ чудотворцамъ, Антонію, Феодосію — киевскимъ чудотворцамъ, небесному воеводы Михаилу Архангелу, Гавріилу Архангелу. Поставь Господи стену булатню, стену железну, стену камяну отъ востока до западу кругомъ моего милаго, любимаго стада, бо(же)ственаго скота, крестьянскаго живота—лошадей, коровъ, нетелей, быковъ — кладеныхъ, некладеныхъ, разныхъ шерстей, —отъ дикаго чернаго широколобаго медвѣдя, отъ широколапой росомахи, отъ сѣраго волка рыскуна, отъ скодскаго падежа, отъ попа, попадьи, отъ колдуна, колдуньи, отъ двужона отъ трежона, отъ двузуба отъ трезуба, отъ рыжево(ло)са, отъ черноволоса, ото всѣхъ злыхъ людей и хищныхъ зверей,—чтобъ отъ моего милаго, любимаго, божественаго стада, крестьянскаго живота ходили бы, удалялись за 1000 верстъ,—отъ лошадей, коровъ, нетелей, быковъ,—рогатыхъ, косматыхъ, кладеныхъ, некладеныхъ, разныхъ шерстей. Какъ я рабъ божій, своему милому стаду хозяинъ, затрублю или засвищу или закрычу, выгоняю свое милое стадо въ чистыя поля, въ зеленые луга во темныи лѣса мой любимый божественой скотъ, крестьянской животъ,—коровы, нетели, быки — рогаты, косматы, разныхъ шерстей,—ходили бы, ели, пили, веселились по мхамъ и по болотамъ, по зеленымъ лугамъ, — на меня раба божія, хозяйна, не сердились, своему милому стаду. Какъ красное солнышко и свѣтлый мѣсяцъ, святыя звезды иидутъ по небеси, Господа бога боятся и трепещутъ, такъ бы боялись меня раба божія, хозяйна своему любимому стаду, крестьянскому животу,—коровы, нетели, быки — рогаты, косматы, разныхъ шерстей. Какъ красное святое солнышко идетъ, течетъ по небеси къ вечеру, такъ бы мой любимой, милой скотъ, божественной, крестьянской животъ, выходили бы изъ темныхъ лесовъ, изо мховъ, изъ болотъ, иза высокихъ горъ, иза озеръ и рекъ и мелкихъ источинъ,—коровы, не-

тели, быки—рогаты, косматы, разныхъ шерстей, — шли дорогами не дорогами, тропами не тропами, плелись къ своимъ домамъ, къ своимъ дворамъ со всѣхъ четырехъ сторонъ отъ востока, запада, севера, юга. Чтобы мой божественой скотъ, крестьянской животъ,—коровы, нетели, быки—рогаты, косматы, кладены, некладены, разных шерстей, слушали меня раба божія, хозяйна своему милому любимому стаду. Какъ вострубитъ небесной воевода Михаилъ Архангелъ въ трубу золоту, — небо и земля, и вси живущіи на ней трепещутъ, боятся гласа Его; такъ бы мой милой скотъ, крестьянской животъ, боялся и трепеталъ меня, раба божія, скопился—собирался въ одно стадо; изо всѣхъ четырехъ сторонъ шли дорогами не дорогами, тропами не тропами, исъ темных лесовъ, изо всѣхъ четырехъ сторонъ, къ своимъ домамъ, къ своимъ дворамъ. Какъ быстрая рика течетъ бежитъ, такъ бы мой милой божественой скотъ, крестьянской животъ, —коровы, нетели, быки — рогаты, косматы, разныхъ шерстей, текли, бегли домой.

Еще я рабъ божій поиду, перекрестясь и благословясь къ синему морю. У того синяго моря стоитъ святая часовня; во той святой часовни стоитъ — живетъ святой Николай чудотворецъ, святыя Апостолы Петръ и Павелъ, угодники Христовы Флоръ и Лавръ. Угодники божіи выгоняютъ и загоняютъ; мне, рабу божію, пособляютъ, по господнему повеленію. Какъ святыя облака идутъ, текутъ, бѣгутъ по небеси; такъ бы мое милое, любимое стадо, божественой скотъ, крестьянской животъ, — коровы, нетели, быки — рогаты, косматы, разныхъ шерстей, по господню повеленію и всѣхъ святыхъ, небесной силой, шли домой — къ своимъ домамъ, къ своимъ дворамъ. Коровы, нетели, быки—рогаты, косматы, кладены, некладены, разныхъ шерстей, Сохранитъ Господь отъ Хищныхъ зверей, отъ злыхъ людей, отъ колдуна, отъ колдуньи. Кто захощетъ ежели спортитъ мое милое стадо, небесной воевода Михайло Архангелъ стрелитъ излука въ ретівое сердце, его окоянаго убиетъ, онъ проклятой

пропадетъ, во дно адово сойдетъ во веки вѣковъ молитвами всехъ святыхъ и небеспой силой. Аминь.

Какъ мертвое тело не можетъ по белому свету ходить, такъ бы окоянныя хищныя звери не могли къ моему стаду приходить. Аминь.

Есть вокиане море чудный островъ; подъ темъ чуднымъ островомъ стоитъ большая рыба щука; у ней въ роте золоты мои ключи, заложены за тридевять замковъ, за тридевять дверей, за тридевять воротъ. Ключь—языкъ, ключь—замокъ берегетъ, стерегетъ святой Георгій Храброй. во веки аминь.

Первые два заговора записаны мною со словъ крестьянина Василія Шишкина, изъ Шалги; послѣдній переписанъ съ рукописи, доставленной мнѣ крестьяниномъ Шишкинымъ Игнашевской деревни. Рукопись принадлежитъ пастуху деревни Есино, девяностолѣтнему старику. Заговоръ переписанъ мною со всею точностью, буква въ букву. Мною разставлены только знаки препинанія, которыхъ въ подлинникѣ вовсе не было. Подлинникъ этотъ—тетрадка сѣрожелтой бумаги въ 16-ю долю листа. Тетрадка очень ветхая; почеркъ четкій, какъ кажется, нынѣшняго столѣтія. На оборотѣ тетрадки красной краской изображенъ восьмиконечный крестъ, со словами по сторонамъ его:

и҃с.	наз.
ц.	іуд.
іи҃с.	хр.
с.	б.

т. е. Іисусъ Назарянинъ, царь іудейскій, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій.

СКАЗКИ.

1.

Баринъ разстрига.

Въ двѣнадцатомъ году былоё дило. Два посла являются турецкіе к бѣлому царю. Царь их принял, посадилъ за стол; наносили им всяких разных фруктов, цяю — кофею. Цяй — кофей выпили и посуду съили. И так они нѣсколько раз. И отправили этой посуды они под скрытіем в свое государство цѣлые обозы.

Царь бѣлый посылает по своёму государству 12 целовѣк розыскивать хитрых людей волшебников. Находился один дьяцок. Лежал он в питейном домѣ, за боцкой. Розыскали ёво. Вот он пол ведра вина на один здох выпил и потомъ явился к царю.

Зацим ваше царское велицество требовали меня?

Требовал я тебя — можеш ли ты отшутить шутки турецким послам?

Отвѣцает он: могу; ужó только мнѣ перемѣните названіе: был я дьяк, а уж пусть я буду барин-рострига.

Царь сказал: будь так! можеш называться барин-рострига. Ну, што тебѣ надоть?

Надоть мнѣ торелка, и накрошите рѣдеки ломтями; положите столовой ножик и заведите меня тут, гдѣ они находятся.

Привели ёво. Принесли рѣдьку, положили на стол, гдѣ они сидят рядом.

Сѣл барин-рострига. Ну вот, говорит, господа (называет их господами), смотрите: вы ѣдитé разные фрукты, а я употребляю одну только рѣдьку.

Тонкой ломтик съѣл, другой съѣл. Розмахнул руку, ударил одного ножём, посадил на нож и сглонул на один раз. Другой посланик спугался.

Ах, не можно ли, говорит, тово возвратить назадь?

Отчево же: могу.

Встал со стула, остегнул от себя ремень; пошёл по комнатѣ, захватил руками своё брюхо. Прошёл нѣсколько раз — п. . . — вылетѣл главной и́хной волшебник.

Другой и говоритъ: гдѣ ты был? — В брюхѣ: у нево брюхо как сильной корабь: он может сглонуть всё наше государство.

Объяснились они и сказали, што — мы всю посуду отправили в своё государство. Тогда приказал им барин-рострига возвратить назадь этѣ самые обозы к бѣлому царю.

Призываетъ опять царь барина-ростригу. Является он к Бѣлому царю. — Можеш ли ты, спрашивает царь, сходить к турецкому сунталу посланником? — Ваше царское величество! дайте двух солдат.

Становил царь ему девизію солдат. Выбрал онъ двух человѣк — Хвомку и Ерёмку. Взял онъ припасу только три клубка ниток в карман и пошол в турецкую землю. Явился к сунталу безо всяково доклада. Сказал ему царь: Зацѣм ты явился? — Явился я к вам, — шутки отшучивать. — Обругал ево царь. — Крычит: взять ёво, сковать, связать! — Сковали, связали всѣх троих, повели в замок. Сидѣли они въ замкѣ сутки. Сутра́ построили висѣлицу с трими́ пя́тлями. Дали знать по государству: будут вѣшатся бѣлово царя послы. Повели их. Цѣпь солдат во слѣд. Привели. Царь и говорит барину-рострigѣ: удавись, клади голову в петлю. — Взглянулъ он на небо: не достоин я, говорит, удавитса: на небеси обѣдни не отошли. — Вынял клубок ниток, бросил в нёбо, — протянулась нитка: улетѣл в нёбо клубок. — Фомка! полѣзай по ниткѣ, — спровѣдай, отошли ли обѣдни на небеси.

Фомка спрянул въ небо. Осталось их двое. Вынял онъ другой клубок, шиб въ нёбо и т. д. (повторяется прежнее: скрывается на небо и Еремка). Остался барин-рострига один. Ждать-подождать, стоит время с час. Сказал ему царь: што ты не давишся?

Куда замѣну не пошли, а вездѣ до обуха. Заставят самому листи. — Вынял клубок и пр. (скрывается и самъ на небо).

Осталась висельница порозна.

Тогда то этѣ ребята могли бы уйти в своё государство, да не хоцут: вздумалось им открыться ещо царю турецкому.

Захватили их казаки. Привели к царю.

Ну, говорит царь, барин-рострига! Ты, я вижу, хитрой целовѣк. Есть у меня сын в рослабленіи, — лежит третей год. Не можеш ли ты ево починить?

Могу старатса. Дай только своё рукописанье, — к своему сыну не вникаться, што я буду дѣлать над ним.

Царь согласился. Он взял сына, повалил на стул, отрубил голову, розрубил на куски и скидываетъ в щан—в теплую воду.

Ступай же, говорит, Фомка, — полощи дрянь от царсково сына.

Скочил Фомка въ щан и пропал. Ерёмка! ты тоже дѣлай!— Скочил и Ерёмка въ щан, и тот пропал.

Скочил сам. Стал полоскать. Потом и ёво не стало.

Ну, этѣ ребята могли бы уйти в своё государство, только вздумалось им ещо открыться. Погонилися за ними казаки. Догоняют их. — Ах, ребята! Куда нам дѣваться?—Видят,—ходят лошади, межу лошадьми одна кобыла.

Фомка! залѣзай въ кобылу!—Фомка залѣз.—Ерёмка! цево зиваеш? — Ерёмка тоже. Остатним сам барин-рострига в слѣд. Да не войдёт в кобылу: остается сапог. Захватили казаки кобылу. Привели къ царю турецкому. — Вот, тот не влѣз, говорят, одна нога видѣть. — Приказал царь убить кобыла. Роспороли кобылѣ брюхо, въ брюхѣ никово нит, а в п.... то пёхнуть—один сапог, а ребята то тѣ ушли в своё государство—къ бѣлому царю. Царь их жертвовал—на 12 мѣсяцов открыл кабаки питейные: 12 мѣсяцов им безденежно пить. Давал он им и города с пригородками, да онѣ только это потребовали.

2.

Бурза Воловичъ. [1])

У царя не было дѣтей. Он всё просит Бога, чтоб дал ему сына. Вот ему и пригрезилось во снях: купи невод семи шолков,—ково изловиш, тово пусть царица скушаит.

[Царь такъ и сдѣлалъ. Купилъ неводъ. Закинули его, и въ первую же тоню] осередь океана моря выловили щуцку — съ локоток. Выцередили ее, выбросили кишки на двор. Корова съѣла ихъ. [щуку зажарили; большую часть ея съѣла царица; малую часть нянька. Всѣ трое—царица, нянька и корова—забеременили и каждая изъ них родила сына. Сынъ царицы был названъ Иваномъ Царевичемъ, сынъ няньки — Нянькинымъ сыномъ, а сынъ коровы — Бурза Волович]. В двадцать дён пришли они в полной возраст. Стали они на у́лку побѣгивати и не добрыя шутки пошучивати: за руку хватят ково — руку проць, за ногу — ногу проць. [Стали царю жаловаться горожане на дѣтей его. Он пытался было унять их, да ни что не помогало. Стали грозить горожане царю]. Росплакался царь, роспенякался перед Господом Богом. А сыновья и просят ёво пустить их в дальную доли́ну людей посмотрѣть, себя показать. [Царь согласился, хотя и не съ разу, отпустить дѣтей. Иванъ царевичъ и Нянькинъ сынъ выбрали себѣ коней и поѣхали. Бурза Во́ловичъ не могъ выбрать себѣ подходящаго коня: ни одинъ въ царскихъ конюшняхъ не выдержалъ его пробы: наложитъ онъ на коня руку — у коня хребетъ переломится и по колѣна онъ въ землю уйдетъ. Пошелъ Бурза Воловичъ пѣшой. Встрѣчается ему по пути старуха и, узнав о его горѣ, говоритъ: ступай прямо, — увидишь ты на дорогѣ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ погребъ въ 40 саженей; въ томъ погребѣ стоитъ конь; онъ ѣстъ горячіе уголья и с . . . . головяшками. Бурза Воловичъ пошелъ путемъ-дорогою, нашелъ дубъ, подъ

[1]) Тѣ мѣста этой сказки (и послѣдующихъ), въ которыхъ не сохранены особенности рѣчи разсказчика, отмѣчены скобками.

нимъ погребъ; выломалъ двери и увидѣлъ коня осѣдланаго и обнузданнаго. Онъ вывелъ его изъ погреба, сѣлъ на него и поѣхалъ далѣе]. Настигаёт бра́тьей. Ѣдут. Видят — стоит дуб полунутрой, накидан целовѣцеских костей и лошадиных. Под дубом огнище. Вот они тут коней розсѣдлали и полегли спать. Ноцью пробудился Бурза Воловиц и клицет коня. Конь бѣжит, земля дрожит, из ноздрей пламя машет, из ушей цяд столбом валит. Поѣхалъ Бурза Воловиц. Видит спередѣ калиновой мост. По мосту ѣдёт Издорище проклятое, нечисть поганая, о трёх головах. Кабы, говорит это Издорище, мнѣ увидѣть Бурза Воловица, я бы с ним постражалось. Тут выскоцил Бурза Воловиц из под моста и отсѣк Издорищу всѣ три головы на помáх. Воротился назад к братьям и лёг спать. [На утро ѣдутъ братья дальше. Къ ночи встрѣчаютъ два полунутрых дуба съ человѣческими и лошадиными костями. Располагаются подъ ними на ночлегъ. Среди ночи Бурза Воловичъ просыпается, садится на коня, ѣдетъ и, какъ и въ первую ночь, на мосту встрѣчаетъ Издорище о шести головахъ. На помáх сбиваетъ онъ ему вси шесть головъ и возвращается къ братьямъ.—Къ вечеру третьяго дня подъѣзжаютъ братья къ тремъ дубамъ. Бурза Воловичъ, какъ и въ первые двѣ ночи, въ то время какъ братья его спали, отправляется одинъ впередъ и на мосту встрѣчаетъ Издорище о девяти головахъ]. Издорище это похваляется: мнѣ кабы увидить Бурзу Воловица, я б ево ня долонь посадило, другой сверху прижало,—одна б грязь стала! Заслышал это Бурза Воловиц—розыгралась в нем ево сила всемогутная, бросился он на Издорище и на помàх ссѣк ему восем голов. [Но Издорище оказалось сильнымъ и съ одной головой. Завязался бой между нимъ и Бурзой Воловичемъ]. Розъѣхались они за три поприща [1]), ударились копьями,—как сильной гром грянул, а един еднóво из сѣдла не вырядил. Ударились тёсаками булатними,—един éдново из сѣдла не вырядил. Ударились на палицы—

[1]) Версты, пояснилъ разскащикъ.

на тупые концы. Как пáлицами ударились, Издорище выворотил Бурзу Воловица из сѣдла. Садится на нево Издорище и хоцет пороть ему груди бѣлые, вынимать ево сердце ретивоё. Говорит Бурза Воловиц: не слыхал ты, как поют пѣтухи деревенскіе, а хочеш пороть мои груди бѣлые. [Тутъ подбѣгаетъ конь Бурзы Воловича и ударомъ копыта убиваетъ Издорище. Бурза Воловичъ сжегъ трупъ Издорища и развѣялъ пепелъ по вѣтру. Возвращается назадъ. Видитъ — братья спятъ. Онъ разбудилъ ихъ и поѣхали они къ калинову мосту]. Ѣдут по калинову мосту. Видят — лежат головы и тѣла. Кѣм эти богатыря биты? спрашивают братья. Бурза Воловиц говорит: мною. Он головы склал в фуражку, а туловá привязал к стремени. Пріѣзжают братья в инной град. Там царь клиць клицет: отдам доць въ замужество тому, кто побьёт Издорищей. Всѣ три брата были одинаки. [Бурза Воловичъ отказался отъ женитьбы, и дочь царя, Марью царевну, выдали, по общему согласію братьевъ, за Ивана царевича. Бурза Воловича помѣстили въ комнатѣ на право отъ комнаты молодыхъ, а на лѣво отвели комнату Василью Нянькину сыну]. По преже комнаты был трап [1]). Бурза Воловиц вышел на трап и стал у двери комнаты, гдѣ были молодые. А они как легли спать, Марья Царевна и накинула на мужá руку: едва не задушила ево: она поленица была. [Иванъ царевичъ едва высвободился изъ подъ ея руки. Вышелъ на трапъ и разсказалъ Бурзѣ Воловичу о томъ, что случилось. Бурза Воловичъ взялъ три прута — желѣзный, мѣдный и оловянный и пошелъ къ женѣ Ивана Царевича. Она думала, что то мужъ ея, — накинула на него обѣ руки: хотѣла задушить]. Бурза Воловиц захватил ее лѣвою рукою за волосы, ударил о пол и стал бить желѣзными прутами. Изломал до рукú — стал бить мѣдными; изломал до руки — стал бить оловянными: оловянной прут гнётся, а не ломится. Ах, Иван царевиць! взмолилась Марья царевна, — покинь меня: буду тебя поцитать и му-

---

[1]) Сѣни, пояснилъ разскащикъ.

жем нарекать!— Бросил он ей бить и возвратился к брату. Пойдёш, говорит ему, с женой в баню, — не гляди ей на тѣло, а на тѣло взглянеш — с плец не здыши: ино здогадается, что не ты сѣк. — На другой день Иванъ царевич походитъ с женой в баню. Увидѣл он, что у жены тѣло цёрноё как целесник[1]): здохну́л: сожалѣл своей жены. [Ночью Бурза Воловичъ отправляется вмѣсто Ивана Царевича къ женѣ его въ спальню. Марья царевна обрубила ему ноги тесакомъ. А мужа своего приставила коровъ пасти. Сталъ Бурза Воловичъ калѣкою. Подружился онъ съ братомъ Марьи царевны, Михайломъ Царевичемъ, тоже калѣкой: сестра «злодяйка» обрубила ему руки и «выкопала» глаза. Василій Нянькинъ сынъ ушелъ въ «инные» земли; Иванъ царевичъ пасъ коровъ, а Михайло царевичъ и Бурза Воловичъ, какъ калѣки, кормились милостынею. Бурза Воловичъ взлѣзалъ на своего названнаго брата Михайла Царевича, и тотъ носилъ его по городу. Разъ остановились они подъ окномъ царскаго дома. Жена царя хотѣла подать имъ милостыню и подошла къ окну]. Бурза Воловиц схватил ей за подпазухи, вытащил в окно и утащил в лѣсную избу. Стали там проживать калѣки. Старуха - цариця про нихъ припасала питомство. Жили они так много ли мало ли только вселилась к ним Яга - Баба и стала она у цярици груди ссать. Едва не помрёт старуха. Подкараулил ра́з Бурза Воловиц Ягу-Бабу, схватил ее и стал си́кци. [Яга-баба обѣщала достать живой воды. Михайло царевичъ и Бурза Воловичъ сѣли на нее и она повезла ихъ къ колодцу, Чтобъ убѣдиться, точно ли́ въ колодцѣ живая вода, богатыри опустили въ него воробья. Воробья разорвало: вода оказалась не живою, а мертвою. Опять стали бить богатыри Ягу-бабу. Она приводитъ ихъ къ другому колодцу. Опущенный въ него мертвый голубь оживает: вода колодца, стало быть, была живой водой]. Павши Михайло царевич в колодезь, у нево приросли руки. Напился онъ воды и силы

---

[1]) Загорѣлая часть печи.

стало у нево втрое. [Утроились отъ питья воды силы и у Бурзы Воловича. Почуявъ въ себѣ большую силу, богатыри стали пробовать ее]. Стоял тут дуб въ 40 сажен вышины; въ *вилам* уставили они ноги и разорвали дуб на двое. [Поѣхали они назадъ на Бабѣ-Ягѣ. Доѣхавъ до колодца съ мертвой водой, бросили въ него Ягу-Бабу. Пріѣзжаютъ въ свою лѣсную избушку. Побывъ тамъ нѣкоторое время,] Бурза Воловиц поѣхал в разные мѣста на вольной свѣт. Ѣдет он, ѣдет: приходят ростани. И видит он на тѣх ростанях богатырскіе слѣды, а в них напецятано: кто погонится, тому живу не бывать. Не сробѣл он. Поѣхал дальше. Ѣхал — много ли мало ли — нагоняетъ богатыря. Остановился тот богатырь. Межу трех верстах они розъѣхались, и ударились копьями — копья у них поломались; ударились тесаками — тесаки поломались; стали биться палицми. Выворотил Бурза Воловиц богатыря из сѣдла, у́пер ему о грудь колѣнами, и спрашивает: каких родов, каких городов и каково отця — матери сын? [Побѣжденный богатырь отвѣчаетъ ему такъ, какъ Сокольникъ Ильѣ Муромцу]. Здвинул ево Бурза Воловиц и опять говорит: скажи какихъ родов и пр. [На этотъ разъ побѣжденный богатырь называетъ себя. Оказывается, что онъ — Василій Нянькинъ сынъ. Разсказалъ ему Бурза Воловичъ, откуда он *нажил* столько силы, распросил о его похожденьяхъ, и поѣхали они вмѣстѣ путем-дорогою. Замѣчаетъ Бурза Воловичъ, что Василій что-то не веселъ сталъ. Чево, спрашиваетъ печалишься? Узнаетъ, что Баба-Яга посулила ему смерть. — Не бойся, говорит. Ѣдутъ дальше. Только вдругъ видят] как бы оболок катится на краю неба: то Яги-Бабы сила идёт. Кинулись они на эту силу и перебили её. А Яга-Баба под бѣлую плиту на нижной свѣт ушла. Богатыри евились к царю и требуют ремень — спуститься на нижной свѣт. Дали им такой ремень. Пописали они записи: стоять Ва́силью у ремня и тащить, когда во второй раз он тря́хнется. Бурза Воловиц спустился по ремню и пошёл по о́нному свѣту. Шёл-шёл, — видит дом. Сидит въ том домѣ прекрасная дѣвица, ткёт кро́сна: как бросит утó-

цину—выскочит богатырь. Вот он убил богатыря, дивицу; кросна розорвал; в перед пошёл. Идёт дальше и видит — опять дом, а в том домѣ дѣвица в пялах шьёт. Как взмахнёт иголкой — выскочит богатырь. Вот он опять богатыря убил, дѣвицу убил всю жизнь покоренил; вперед пошёл. Видит—стоит кузниця. Там наковалня и кузнец—съ молотом. Молотом раз колонёт—выскочит богатырь. [Бурза Воловичъ убивает богатыря, кузнеца; разоряетъ кузницу и отправляется дальше]. Идёт—идёт и видит впередѣ царсво хрустальное: там сама Яга-Баба живёт. Унесена была у ней с вольнова свѣта царская дочь. Сидѣла она на цѣпях. «Фу, фу! говорит,—руським духом пàхнёт. Обрадѣла, завидивши Бурзу Воловица. «Можеш ли, спрашивает, ты меня снять с цѣпей?» — Могу, говорит. И обломал цѣпи. [Царская дочь даетъ ему такой совѣтъ): на *трапѣ* стоит кукшин живой воды—по правую сторону, по лѣвую — мёртвой: как будеш биться с Бабой-Ягой,— напейся живой воды и перемѣни кукшины. [Пріѣзжает Баба-Яга и вступаетъ въ бой съ Бурзой Воловичемъ; она бьется молотомъ в сто пудовъ, а онъ палицей в тысячу. Бились-бились. Утомились оба. Бурза Воловичъ испилъ живой воды и перемѣнилъ кувшины. Яга-Баба выпила мертвой воды—и ее разорвало]. Тогда дѣвиця подавает ему конець царства и яицё и велит завивать царство въ в яйцё. Он зàвил [1]) и пошёл с ней. Приходят к ременью. Торнулся Бурза Воловиц, два раза, — Василій вытащил их. [Отправляются они втроем въ лѣсную избушку, гдѣ все это время жил Михайла царевич. Бурза Воловичъ уступаетъ ему освобожденную имъ царскую дочь. Радъ Михайло царевичъ: не налюбуется на красавицу, а она говорит]: какая у мене красоть, какая у мене лѣпоть! Вот у царя Ахрамея, за тридевять земель, есть дочь — Марья царевна, — то красавица, вся світѣет; видѣть как из костоцьки в костоцьку мозк перетекаётъ.— Обзарился Бурза Воловиц. Собрался и поѣзжает къ царю Ахрамею.

---

[1]) Какъ именно это дѣлалось, разсказчикъ не могъ пояснить.

Ѣхал-ѣхал, подъѣхал к болотинѣ, — нельзя перейти лошади: у́топи. Перелетѣл он в Ахрамеево государство на Ногуѣ птицѣ, через лузя и болота. А в том царствѣ каждый день выходил из моря змѣй-людоѣд. Стали уже жеребеваться, — кому итти ко змѣю на поѣденіе, к лютому на пожреніе. Царь клицет клиць такую: отдам в замужество доць и полцарства — полъименьства, кто побьёт змѣя. Вызвался Бурза Воловиц и пошёл за царевну ноць спать на берег. Море сколубалось, появился змѣй. Стал ево Бурза Воловиц си́кци оловянным прутом. Змѣй стал просить: опусти, — дам тебѣ драгоцѣнные камни о семи стах ставок. Положиш перстень на голову, и не станут тебя видѣть [1]). Бурза Воловиц согласился. Змѣй скрыл воду и пошли они в море. [До дома змѣя шли 20 дней. Получивъ перстень, Бурза-Воловичъ, убилъ змѣя а самъ возвратился назадъ. Приходитъ въ домъ царя, — тамъ ему уже поминки творятъ: считаютъ погибшимъ. Ходитъ онъ по дворцу и никто его не видитъ: перстень сдѣлалъ его невидимкой. Наконецъ онъ открылся царю и царевнѣ. Ахрамей выдалъ за него, согласно обѣщанію, дочь и далъ ему 40 кораблей *живота* и разныхъ двагоцѣнностей [2]). Пріѣхалъ съ женой Бурза Воловичъ в свою лѣсную избу и, забравъ Михайла царевича и Василья Нянькина сына, отправился къ Ивану царевичу. Жена Ивана царевича, завидѣвъ гостей, встрѣтила ихъ съ разными напитками. Отъ этихъ напитковъ ихъ бы разорвало, но Бурза Воловичь догадался: онъ вылил изъ поднесенной ему чары вино на гриву лошади, и грива задымилась. Дал Бурза Воловичъ Ивану царевичу живой воды, и стал онъ женой владѣть. Михайла царевича оставилъ онъ царемъ въ его государствѣ, а самъ поѣхалъ туда, гдѣ родился. Там засталъ онъ царя на смертномъ одрищи. Когда онъ померъ, Бурза Воловичъ сдѣлался царемъ, Василій же и Иванъ царевичъ остались князьями.

---

[1]) Перстень былъ, замѣтилъ разскащикъ, *закрывательный*.

[2]) Къ тому времени, пояснилъ разскащикъ, нашли водяной путь изъ царства Ахрамеева.

3.

Солдатъ и его жена царь-птица.

Был солдат-ефлетор. Служил он царю тверзо и хорошо. Выпросился раз погулять на трое сутки. Вздумалось ему стрѣлок пострѣлять, себѣ богосуженой искать. Клал он калёну стрѣлу на свой лук. Видит — летят три бѣлые лебеди. Стрѣлил он в одную лебедь-середнею, и павши лебедь в камыш траву. Оглянувшись назадь солдат, стоит за ним красна дѣви́ца. Он за бѣлы руки её взял, в сахарніе уста цѣловал, вывел в деревню. Пришёл к попу. «Батюшка [1]). говорит, повѣнцяй нас. Повѣнцял он. Сутки прошли — байну топили, другіе прошли — с молодой сидѣл, любо́вался; третьи прошли; на цетвёртые сутки евлятся к цярю. Цярь и говорит: што ты, солдат ефлетор, евлялся в кажные сутки, а не был в трое теперь. — Батюшко-царь, вольной цѣловѣк! женился, сказал ему солдат [2]). — Покажи своей молодой. — Привёл солдат жену. И такая-то она была великолѣ*т*ная красавица — ни въ сказкѣ сказать, ни пером написать: вся на скрозь світѣет: видѣть, как из костоцьки в костоцьку мозк перетекаёт, как скацный жемчуг перетекаётся. Царь был вдов, и обзарился на ево жону. Говорит: как нужно солдата погубить! Сбирайтесь думные совѣтники, весь синод: солдата погубить, ево жена замуж взять.— Собрались совѣтники, думали думу трои сутки. Один сенатор и говорит: Ваше царское велицество! накинь на нево службу: колько рѣк текуцихъ, озёр глубуцих и малых руцьёвых истоцин по всей подсолнешной? Ему не сослужить. — Сдѣлал цярь пир во весь міръ. Созвал князьей и бояр и до нисшево цина; позвал и солдата ефлетора и накинул на нево службу. Узнай, говорит, сколько (повторяетъ слова совѣтника). Солдат понизил буйну

---

[1]) Развѣ батюшк*а*, а не батюшк*о* говорится? спросилъ я при этомъ разсказщика. — Когда попу, такъ—батюшк*а*: какъ будто *подвыше*, отвѣчалъ онъ

[2]) Разстановка предложеній какъ бы книжная. Записано однако вѣрно.

голову ниже могуцих плец и пошёл к своей женѣ. Встрѣцяет сво жена. «Што ты мой воизлюбленный, закруцинился, запецелился?» —Как не пецелиться: накинул цярь службу и умом не здумать, не то сослужить.—«Не бойся! Молись Спасу, ложись спать: утро вечера мудреняе. Солдат помолился, спать повалился. А она выходит на заднёё крыльцё, свиснула громким посвистом. «Слетайтесь вы всѣ, от мелких до крупных, птицы всѣ!» А она над всѣми птицями цярь. Слетились птицы.—Зацѣм, цярь, требуёш?—Которая, спрашивает, птиця может облетѣть всю подсолнешную одной ноцью?—Вылетил самый главный сокол.—Могу облетить, говорит. — Дала она ему карандыш и бумагу. Сокол облетил и списал всё, што было нужно. Тогда она розбудила солдата, дала ему записку и послала к царю. Солдат приносит записку царю. Да не нужна солдата служба исполненная, а нужно жена ево в замуж взять. Царь записку изорвал, и опять собирает совѣт — как бы погубить солдата. Думают совѣтники думу трои сутки. Говорит тот сенатóр: Ваше царское велицество! за тридевять земель, тридевять морей; въ тридевятом государствѣ есть мореокіян; в том морѣ-окіянѣ есть остров-Дунан; на островѣ Дунанѣ есть — проживает птиця золота, головушка серебреная, сидит яицка золотые и серебреные. Пусть достанет со всѣм гнѣздом.—Завёл цярь пир и пр. (какъ выше:) Накидывает на солдата службу: достать и пр. Ежели не достанеш птицы, то заутрà голову долой. (Солдатъ кручинится, жена успокоиваетъ его, какъ и выше). Выходит она на заднёё крыльцё, кликнула она главново соколà: принеси, говорит, к утрому птицю со всѣм гнѣздом. [Соколъ къ утру приноситъ птицу. Жена будитъ солдата и посылаетъ его къ царю:) ставай! пора к цярю итти — служба исполнять. — Царь птицу взял, бросил: не нужна и пр. (какъ выше: Опять совѣтъ трое сутокъ. Тотъ же сенаторъ, что и прежде, предлагаетъ царю:] пусть (солдатъ) сходит туда, не знай куда; пусть принесёт то, не знай што. [Когдя солдатъ сказалъ женѣ, какую службу накинул на него царь, она задумалась) Ну, гово-

рит, то были службишки, а вот это служба настоящая. Бери ты желѣзные лапти, и иди пока не протрутся. Дойдёт тебѣ ноцевать. Увидиш избушку. Скажи:

Избушка, избушка!
Остойся, остойся, —
На курьей лапкѣ,
На веретёной пяткѣ,
Къ лѣсу лицём,
Ко мнѣ крыльцём!

[Пошелъ солдатъ; шелъ долго, такъ долго, что протеръ желѣзные лапти. Разъ, подъ ночь, завидѣлъ избушку. Обратился къ ней съ приговоромъ: избушка поворотилась къ лѣсу лицомъ, къ нему крыльцомъ. Зашелъ онъ въ избу. Видитъ —) сидит дѣви́ця; через грядку шёлк мецет — красным дѣвицям на перевязку, добрым молодцам на подвязку; въ жараткѣ носом копает; поварёнкой шти подливает. Завидѣла солдата и говорит: здравствуй удалой доброй молодец! Куда путь дёржиш? — Ах, ты, вѣдьма негодная! говорит солдат. Я холоден, голоден, наг-недостаточен стал! А ты, не накормивши, не напоивши, да спрашиваеш! — Вот она стол дёрнула, п. . . . , ж . . . потрясла, хлѣба нанесла; напоила-накормила, на кровать спать повалила; сама па краицек сѣла и стала выспрашивать: куда, доброй молодец, идёш, куда путь дёржиш? — [Солдатъ объясняетъ ей, куда и зачѣмъ направляется. Во то время, какъ онъ говорилъ, она увидѣла у него платокъ, который дала ему жена]. На том платкѣ были золотые литера́ нашиты. Как увидѣла она этот платокъ и говорит солдату: ты то мнѣ не знакомъ, а утиральницёк у тебя моей сестрицы.

Узнавъ кто жена солдата, красная дѣвица ласково угощаетъ его, называя: «возлюбленный зятенько», а на утро отправляетъ в дальнѣйшій путь]. Есть, говорит, у нас ещё сёстра, — та тебя натрафит, куда итти. — Пошёл солдат. Скоро скажется, тихо дієтся. Шёл он шел и пришёл опять к избушкѣ. [Тотъ же приговоръ, таже встрѣча, что и выше. Хозяйка избы — красная дѣвица —

третья сестра жены солдата. Узнавъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ, она указываетъ ему, какъ достигнуть цѣли:) — Ступай вперёд. Придёт остров съ лѣвой руки, остров — съ правой, а в срединѣ будет мыс. На этот мыс иди, и ожидай,—хоть сутки, хоть двое, хоть трое. Увидаеш — плывёт с моря престрашная, прегрозная лягуха. Припловёт она к бѐрегу, выкинет лапы на берег, отворит рот, выпустит из рота жолтую пѣну. Ступай к ней в рот — будёш сцяслив. — [Солдатъ отправляется въ путь. Доходитъ до двухъ островов. Всходитъ на мысъ. Ждетъ сутки — другіе. На третьи] море сколубалось: с берега́ на берег валы сброса́ет: пловёт лягуха. [Когда она открыла ротъ, солдат вошолъ въ него. Смотрит —) там двѐри. Захватил за скобу, отпёр двери — бѣжит ево тесть— морской цярь.—Зятелко, здорово! воизлюбленный, здорово!—Бѣжит ево тёща: зятелко, здорово! воизлюбленной здо̀рово! Куда путь дёржиш? — [Солдатъ объясняетъ — Ну, говоритъ тесть, ты ужъ пришелъ туда, не знай куда, и я тебѣ дамъ то, не знай что. Но погости у насъ.—Солдатъ гоститъ цѣлую недѣлю у тестя, и ему такъ хорошо, что не охота и домой идти. Но тесть отсылаетъ его:) Ступай, говорит, зятелко: пора! Я тебѣ дам на дорогу Ваню́шку. Понадобится што—только скажи: Ваню́шка! на два стола, или — на один стол! Всё будет готово. А станут у тебя вымѣнивать ево—ты промѣнивай, не жалѣй.— Простился солдат с тестем. Лягуха поплыла в море, а он пошёл по берегу. Видит—впередѣ ёво идёт целовѣк усталой.—«Путём-дорогою!» говорит солдат. А тот отвѣцяет: «ступаёш здорово! Не ца ли у тя цево закусить? — Солдат не дру̀гое слово: Ванюшка! питья пьяны, ества саха́рни — на два трона, и пуховики и соболино одіяло!—Ни откуль што взялось,—напились, наѣлись, спать повалились. И говорит тот целовѣк: ну, солдат! у тя штука хоро́ша, а у меня лучше твово.—Какая-такая?—А вот сундуцёк есть. — Отпёр он сундуцёк: выскоцили три богатыря с конями, сёдлами и со всею збруей.—Согласен мѣнять?—Давай, говорит, солдат.—Помѣнялись. Пошёл солдат да и говорит сам себѣ: дурак

я, што промѣнялъ Ваню́шку. А Ваню́шка—не тужи, говорит, — я тут. [Далѣе солдат встрѣчаетъ человѣка съ дубинкой. Дубинка эта такова, что если ее поставить тонкимъ концемъ къ низу, то изъ нея выскакиваютъ три богатыря. Промѣнялъ солдатъ Ванюшку на эту дубинку; Ванюшка однако, как и прежде, остался, при немъ. Приходитъ солдатъ домой. Жена его требуетъ отъ царя, чтобъ онъ устроилъ пиръ]. Царь со́брал пир. Приходит и солдат на гозьбу. Ну, спрашивает царь, принёс?—Принес, говорит солдат, и отворил сундуцёк и повернул дубинку. Выскоцили богатыри спрашивают солдата: бить ли, губить ли, живкомъ ли копать в землю? — Не бить, не губить, говорит солдат, а только возмите царя и главново сенатора и роздвиньте на шесть цестей.— Роздвигнули. И на этой самой гозьбѣ весь синод подписал: быть цярём солдату-ефлетору, а женѣ ёво цярицей.

4.

Царевна, отгадывающая загадки.

Жилъ одинъ баринъ богато, потом обнуждалъ. Запечалился онъ и хотѣлъ было *рѣшиться*, да кучеръ удержалъ его. Есть, говоритъ онъ барину, въ такомъ то царствѣ царевна. Поѣдемъ къ ней — поправимъ дѣла. Она объявила, что выйдетъ замужъ за того, кто знаетъ такія загадки, что она не см. можетъ отгадать ихъ.—Что же, говоритъ баринъ, я не знаю такихъ загадокъ.— Я знаю, сказалъ кучеръ, и тебѣ скажу. Поѣдемъ. — А какъ отгадаетъ? спрашиваетъ баринъ. — Отгадаетъ — казнитъ; да не бойся: не отгадаетъ. Поѣдемъ.—Поѣхали они. Ѣхали—много ли мало—видятъ, — подлѣ дороги поле ржи, а во ржѣ—быкъ. Кучеръ и говоритъ барину: возьми-ка, баринъ, пучекъ ржи да выгони быка на дорогу. — Баринъ послушался,—выгнал быка.— Ну, говоритъ кучеръ, вотъ тебѣ первая загадка: ѣхали мы путемъ-дорогою; возлѣ дорогу добро (рожь); ходитъ въ добрѣ (во

ржи) добро (быкъ); я изъ добра да добро да добромъ (пучкомъ ржи) и выгонилъ.—Ѣдутъ дальше. Черезъ нѣкоторое время видятъ возлѣ дороги огонь, а въ огнѣ змѣй. Кучеръ велѣлъ барину вытащить змѣя изъ огня саблей. Баринъ вытащилъ.—Вотъ тебѣ, говоритъ кучеръ, и другая загадка: ѣхали мы путемъ-дорогою; возлѣ дорогу лежитъ зло (огонь); во злѣ — зло (змѣй); я изо зла зло да зломъ (саблей) и вытащилъ. Поѣхали дальше. Застигла ихъ ночь. Жилья не было, и они переночевали на полѣ. На утро проснулись — нечѣмъ ни умыться, ни утереться. Умылись ржой, утерлись конскими хвостами. — Вотъ тебѣ, говоритъ кучеръ, и третья загадка: ѣхали мы путемъ-дорогою, ночевали на чистомъ полѣ, мылись не водой, терлись не полотномъ.

Пріѣхали они въ то царство, гдѣ живетъ царевна. Баринъ отправился къ ней и «загонул» первую загадку. Бросилась она къ своей волшебной книгѣ и волшебному зеркалу. Читаетъ, смотритъ — нѣтъ, не отгадываетъ. Разослала она своихъ слугъ узнавать, откуда и съ кѣмъ пріѣхалъ тотъ баринъ. Узнаетъ, что пріѣхалъ онъ только съ кучеромъ. Ѣдетъ сама къ кучеру и спрашиваетъ его,—не знаетъ ли онъ, какъ отгадать загадку его барина.—Знаю, говоритъ кучеръ, да не скажу. — Скажи, упрашиваетъ царевна, дамъ тебѣ много денегъ.—Нѣтъ, сказалъ кучеръ, денегъ мнѣ не надобно, а если хочешь знать, что значитъ та загадка, такъ переночуй со мной да дай мнѣ свое именное кольце. — Царевна согласилась. Кучеръ объяснилъ ей загадку. Вторую загадку онъ отгадываетъ ей за серьги; третью—за именной ея поясъ. Такъ три ночи ночевала царевна съ кучеромъ и отгадала черезъ него всѣ три загадки. Велѣла она тогда захватить барина въ *крѣпь*, а на другое утро вести на висѣлицу. А кучеръ отдалъ барину подарки царевны и говоритъ: какъ приведутъ тебя къ висѣлицѣ, скажи: ко мнѣ прилетала три ночи птица — ташица. По перьвую ночь оставила вотъ это кольце, по другую—эти серьги, а по третью—этотъ поясъ.—Баринъ такъ и сдѣлалъ. При всемъ народѣ показалъ и кольце, и серьги и поясъ

царевны. Тогда она — видитъ, что дѣлать ужъ нечего, — согласилась повѣнчаться съ нимъ.

5.

Нестеръ и св. Егорій.

Былъ жилъ Нестеръ; у ево было дитей шестеро; а самъ есть горьливъ, а роботать ленивъ: не з(н)аетъ, чемъ своя голова корьмить. И вышелъ на дорожъку и селъ край канавки; и едет мимо Егорей светъ на беломъ коне. И спрашиваетъ Нестеръ: куда, Егорей — светъ-батюшко, едешъ? — Егорей и говиритъ: къ истиному Христу проведать про вьсе и про весь бѣлой светъ. — А спроси про меня, Егорей-светъ-батюшъшко, — я есть горьливъ, а роботать ленивъ: не знаю, чемъ съвоя голова корьмить. — Егорей говоритъ: хорошо, съпрошу. — Нетъ, такъ забудешъ; отъдай отъ седла стремяно, дакъ не забудешъ. — Егорей и одалъ стремяно, и поѣхалъ, и пріехалъ ко йстиному Христу, спросилъ про весь белой сьветъ и сталъ садиси на коня, а стремяна то и нету. И съпомнилъ, чшто надо спросить про несьтера. — Исьтиной Христосъ! есть человѣкъ на сей земле егорьливъ, а роботать лививъ, — не знаетъ, — чемъ съвоя голова корьмить. — Христосъ съказалъ: чшто где не украдетъ, вьсе прощаю. — И едет Егорей къ Несьтеру. Несьтеръ дожидайце. — Несьтеръ! тебя благословилъ Христосъ, — чшто не украдешъ, прошаетъ. Несьтеръ! одай ко стремяно. — Несьтеръ и отперъся: какое? я не биралъ. — На перъво Егорья и омануль Несьтеръ; привязалъ на ремешікъ стремяно и пошелъ по дороге. На стречу едетъ баринъ, съпрашиваетъ: какой ты человекъ? — Седла роботаю. — Сърроботай ко мне седло въ триста рублей. — Изволѣ, — сърроботаю: давай съто рублей на марьтиалъ. — Баринъ и далъ Несьтеру 100 рублей. Несьтеръ накупилъ хълеба, съ рибятами естъ ужъ неделю. Ба-

ринъ посылаетъ кучера и посылаетъ 200 рублѣй деньги. И пріехалъ кучяръ и съпрашиваетъ: съработано ли седло? — Съработано; давай деньги.—Кучеръ и деньги-одалъ 200 рублѣй. Несьтеръ говоритъ: поежай ко, съкажи барину, — пушай самъ баринъ, прійдетъ: есьли тебе одать, у тебя отоймутъ.—Потомъ кучеръ послалъ самого барина. И баринъ приехалъ, спрашіваетъ у Несьтера: сработано ли седло?—Нестеръ говоритъ: какое седло? я не знаю, я не взялсе работать. — Баринъ говоритъ: я тебя къ воеводе! — Какъ вы меня къ воеводе потребуйте? Вы въ платее хорошомъ, а я въ худомъ: не поверятъ, чшто правъда. А наряди ко въ такое же пълатье, въ какомъ вы, — дакъ тогда поверятъ, чшто правъда.—Баринъ оделъ его въ х(о)рошее платье и възялъ на шестеръке повесъ, и 12 человекъ въ (съ?) собой народу у барина. Приехали къ воеводе. Ушелъ къ воеводе (баринъ), Нестеръ осталъсе въ повосъке. И говоритъ Нестеръ хрестьянамъ: вы съкажите, чшто Нестеровы крестьяно, какъ воевода съпроситъ: я вамъ дамъ по 100 рублей человѣку. — И потребовалъ воевода Нестера и съпрашіваетъ: вы долъжны барину?— Нестеръ отвечаетъ: некакъ нетъ. Ему воля говорить! Онъ съкажетъ, чшто но мне и платье его. — Баринъ говоритъ: точно такъ, — мое. — Нестеръ говоритъ: воно сътоитъ шестеръка лошадей, напотома [1])... Да ему воля говорить то! — Баринъ говоритъ: и кони те мой.— Воевода спросилъ: чъе вы крестьяна? — Оне говорятъ: несьтеровы крестьяна.—Воевода прогонилъ и барина. А Нестеръ крестьянъ на волю опустилъ и самъ на шестеръке уѣхалъ домой да и сталъ съ ребятами жить да работать, да хълеба наживать.

---

[1]) Ясно, что здѣсь пропускъ. Конечно, Нестеръ долженъ былъ сказать: напотома онъ (баринъ) скажетъ, что и лошади его и крестьяне его.

7.

Царь Каприк [1]).

«Въ нѣкотором царствѣ, въ нѣкотором государствѣ, а именно в том, в котором мы живём, [2]) был царь Каприк. У нево было три сына: Василій, Фёдор, Иван царевичи. Царь Каприк пришедши в преклонные лѣта. И хотѣлось ему помолодѣть».—Собиряетъ онъ совѣтъ.—«А сам ходит по свѣтлым свѣтлицям, по высоким горницям, по злацёным гривенкам» [3]). Спрашиваетъ совѣтниковъ, кого бы послать къ Царь-Дѣвицѣ за живою водой «за яблоней морожлявой» [4]). «Ванька Барышников сын пал на правую ножку, на лѣвую пал», подходитъ к царю и совѣтуетъ ему послать к Царь-Дѣвицѣ старшаго сына.—Завѣтъ царя сыну при отправленіи его въ путь: «стрѣтняго не обидь, постижнаго не досади».— Сынъ идетъ. Ветрѣчаетъ «огненное пламя». Останавливается. Спитъ. Отправляется другой сынъ. Доѣзжаетъ до огненнаго пламени. Встрѣчаетъ брата. Не узнаетъ его. Враждебное между ними столкновеніе. Второй вышибъ изъ сѣдла перваго. Вопросъ о родѣ-племени.—«Легем поспать», говорятъ братья, и ложатся у пламени. — Царь отправляетъ третьяго сына. Доѣзжаетъ онъ до пламени. Не узнаетъ братьевъ и они его. Бой между ними: «саблями помахались,—у них сабельки приломались; копійками присоткнулись,—у них копійка присогнулись; мециками порубились,—у них мецики притупились».— Младшій побѣждаетъ. Вопросъ объ имени. Отвѣтъ: когда-б... (и пр.: какъ въ былинахъ). — Иванъ царевичъ, разогнавъ коня, перескочилъ пламя.

---

[1]) Передается въ краткомъ конспектѣ. Мѣста, записанныя дословно, отмѣчены вносными знаками.

[2]) Слово въ слово такъ начинается и бѣлозерская сказка «Царь Дѣвица» (см. 1-й отчетъ). Такое тожество выраженій въ сказкахъ разныхъ мѣстностей замѣчается нерѣдко. Ясно, что у сказочниковъ есть общіе пріемы разсказа.

[3]) Гривенки,—конечно испорчено: былевыя гридни.

[4]) Конечно испорчено изъ — моложавой,— молодящей.

Братья остаются. Онъ ѣдетъ. Встрѣчаетъ избушку. Въ ней старуха. Вопросъ о дорогѣ. Старуха направляетъ его въ дальнѣйшій путь и дает ему щетку. Вторая избушка и ея хозяйка старуха. Она даетъ Ивану царевичу—кремень и *площадку* [1]). Третья избушка и старуха. Ея подарки: ширинка, кринка масла и крестикъ.—Дальнѣйшій путь. Первая застава: «кот-бахирь»; хропит усами поворачивает, за три версты слышно». Иванъ царевичъ бросаетъ ему кринку масла. Котъ пропускаетъ его.—Вторая застава: богатырь шести саженъ вышины. Иванъ царевичъ кидаетъ ему крестикъ. Богатырь пропускаетъ его. — Пріѣзжаетъ къ Царь-Дѣвицѣ. Достаетъ воды и яблокъ. Заходитъ въ спальню къ ней. Ложится съ нею спать.—Погоня за нимъ: Царь-Дѣвица и 33 дѣвицы-богатырицы. — Спасается отъ преслѣдованія, благодаря водаркамъ старухъ: бросаетъ щетку,—становится «чаща»; бросает кремень да площадку,—стала стѣна каменная; бросаетъ ширинку — является рѣка огненная. — Ѣдетъ дальше. Усталый ложится на берегу моря отдохнуть. Здѣсь встрѣчаютъ его братья. Рѣшаютъ погубить его. Пока онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, они «выпазили» осину [1]), положили его въ нее и спустили на море.— Осину прибило волнами къ острову. Иванъ царевичъ выходитъ на берегъ. Встрѣчаетъ дѣвицу, дочь царя, отданную на съѣденіе змѣя. — Исканіе въ головѣ. — Сонъ Ивана царевича. Появленіе змѣя. Царевна плачетъ. Иванъ-царевичъ пробуждается отъ ея слезы, павшей ему на щеку: «буто семилютым огнем ево жгло».— Бой съ змѣемъ.—«Закрой свои очи, отвори гортани,—сам скачу», говоритъ Иванъ царевичъ. Змѣй слѣдуетъ совѣту, и Иванъ царевичъ убиваетъ его. — Слѣпой и безногой зарѣзали спящаго Ивана церевича и выдали себя за спасителей царевны. Царевна, согласно обѣщанію ея отца, должна за одного изъ нихъ выйти за мужъ. Наканунѣ свадьбы она ѣдетъ гулять на берегъ моря. Подъ колодой находитъ трупъ Ивана-царевича и при немъ жи-

---

[1]) огниво.

вую воду. Вспрыскиваетъ его и онъ оживаетъ.— Въ день свадьбы царевны онъ является переодѣтый къ дворцу, играетъ подъ окномъ на гусляхъ; потомъ входитъ въ палаты. Завидѣвъ своего избавителя, «царёвна скочила через столы дубовые, через скатерти браные, цѣловала ево въ сахарни уста».— Слѣпаго и безногаго казнятъ. Иванъ-царевичъ не женитса однако на царевнѣ. Онъ отправляется въ свое государство. Тамъ ужъ ждала его Царь-Дѣвица съ двумя дѣтьми — мальчиками, рожденными ею отъ него. Иванъ-царевичъ женится на ней. Братьевъ прощаетъ.

Дополненіе.

Къ списку новгородскихъ словъ, помѣщенному въ приложеніи къ 1-му отчету М. А. Колосова, слѣдуетъ присоединить еще три, присоединяю еще три слышанныя имъ позднѣе въ другихъ мѣстностяхъ: Биржевой поѣздъ — курьерскій, скорый. Царское Село (отъ кондуктора). Конка — конно-желѣзная дорога. Петербургъ. Пролёт — перегонъ поѣзда отъ станціи до станціи. Въ вагонѣ Минск.-Брестск. жел. дор.

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Второму Отдѣленію Академіи Наукъ).

3. Вятскій край.

Вятскій край и вятская губернія понятія далеко не совпадающія. Въ тѣсномъ смыслѣ слова, подъ вятскимъ краемъ я разумѣю только ту часть вятской губерніи, въ которой говоръ населенія представляетъ нѣкоторыя спеціально ему свойственныя особенности. Этотъ край составляютъ слѣдующіе уѣзды: нолинскій, вятскій, орловскій, котельничскій и — частію — слободской. Первые четыре заселены почти исключительно русскими; въ слободскомъ около половины всего числа населенія составляютъ инородцы. Также велико число инородцевъ въ уѣздахъ малмыжскомъ и елабужскомъ; въ сарапульскомъ русскіе составляютъ $^2/_3$ населенія, а въ глазовскомъ, по преимуществу инородческомъ, вотяцкомъ, даже менѣе половины.

Процентъ инородцевъ въ уѣздахъ уржумскомъ и яранскомъ не великъ, но русскіе жители того и другаго своею рѣчью почти не отличаются отъ жителей смежной съ вятскою казанской губерніи и слѣдовательно, въ племенномъ отношеніи, по всей вѣроятности не представляютъ тожества съ Вятчанами собственно. Тоже слѣдуетъ сказать и о русскомъ населеніи малмыжскаго, сарапульскаго и елабужскаго уѣздовъ. О глазовскомъ русскомъ населеніи не имѣю свѣдѣній. О сарапульскомъ и елабуж-

скомъ уѣздахъ говорю на основаніи сообщеній. Все, что сказано выше и будетъ приведено ниже объ остальныхъ восьми уѣздахъ, основано на непосредственныхъ, личныхъ наблюденіяхъ.

Указавъ, въ какихъ уѣздахъ говорятъ такъ называемымъ вятскимъ нарѣчіемъ, я не могу опредѣлить точно естественныхъ границъ его на сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Съ южной стороны предѣломъ его служитъ теченіе Пижмы и Вятки, отъ устья Пижмы до устья Вои. Главнымъ центромъ вятскаго нарѣчія слѣдуетъ признать нынѣшній вятскій уѣздъ и небольшую прилегающую къ нему часть слободскаго. Такъ и должно быть по ходу заселенія края. На югъ отъ Вятки (города) до Вои говоръ въ сущности тотъ же, что и на сѣверѣ отъ нея. Теченіе р. Вятки отъ устья Вои къ югу (уржумскій и малмыжскій уѣзды) не разграничиваетъ говоровъ. Не знаю, такъ ли къ сѣверу, отъ устья Пижмы до устья Моломы и по берегамъ послѣдней. Знать это было бы важно: извѣстно, что Котельничъ (по народному — *Котельница)* основанъ хотя почти и одновременно съ Хлыновымъ, но не той ватагой переселенцевъ, которая заложила послѣдній. По преданію та и другая ватага была по племени Новгородская[1]) Новгородцамъ же приписываютъ основаніе Орлова[2]). Племенное тожество жителей этихъ трехъ городовъ, засвидѣтельствованное преданіемъ, подтверждается ли тожествомъ языка ихъ?

Застигнутый въ моихъ странствованіяхъ по вятской губерніи весеннею распутицею, сдѣлавшей проселочныя дороги совершенно не проѣздными, я не могъ сдѣлать обстоятельныхъ наблюденій надъ языкомъ жителей орловскаго и котельничскаго уѣздовъ. Я проѣхалъ спѣшно, по большому тракту не значительную часть перваго и отъ Моломы до Пижмы второй. То, что я могъ замѣтить по пути, даетъ мнѣ основаніе орловцевъ и котельничанъ отнести къ вятчанамъ, но невольная поверхностность моихъ наблюденій въ двухъ уѣздахъ, о которыхъ говорю, препятствуетъ

---

[1]) Повѣсть о градѣ Вяткѣ. — Исторія Вятки Вештомова. Казанскій Вѣстникъ 1824 — 26 гг. — Исторія Вятскаго края Васильева и Бехтерева.

[2]) Памятная книжка Вятской губ. 1873 г.

мнѣ сказать съ рѣшительностью, что орловцы и котельничане ничѣмъ существенно не разнятся другъ отъ друга и отъ жителей другихъ уѣздовъ, составляющихъ собственно вятскій край. Какъ бы то ни было, но представленное выше общее раздѣленіе русскаго населенія вятской губерніи на двѣ группы — вѣрно. Если, быть можетъ, орловецъ и котельничанинъ чѣмъ и отличаются отъ вятчанина и нолинца, то несомнѣнно, что каждый изъ нихъ рѣзко и опредѣленно, однѣми и тѣми же чертами отличается отъ уржумца, малмыжца, яранца и т. д.

Въ вятскую губернію я въѣхалъ изъ казанской и въ казанскую возвратился изъ нея. Знакомство мое съ вятчанами я началъ съ малмыжскаго уѣзда и закончилъ яранскимъ. Около 1000 верстъ проѣхалъ я по вятской губерніи. Путь мой образуетъ огромный уголъ, вершина котораго на сѣверѣ въ Слободскомъ, а концы сторонъ въ пограничныхъ съ казанскою губерніей селахъ и деревняхъ уѣздовъ малмыжскаго и яранскаго. За исключеніемъ весьма немногихъ словъ, сообщенныхъ мнѣ нѣкоторыми лицами, всѣ остальныя нижеприводимыя данныя добыты моими личными наблюденіями. Хотя, въѣзжая въ вятскую губернію, я и имѣлъ очень уважительное основаніе разсчитывать, что найду въ ней нѣсколько подготовленною для себя почву, но разсчетъ оказался невѣрнымъ. Наибольшее число наблюденій сдѣлано мною въ нолинскомъ и вятскомъ уѣздахъ. Предпосылаю сообщенію данныхъ перечень тѣхъ мѣстностей, къ которымъ онѣ относятся:

М. у: Малмыжскій уѣздъ:
Рж: Рожекъ.
У. у: Уржумскій уѣздъ:
Б. Р: Большой рой
Птр: Петровское
Н. у: Нолинскій уѣздъ:
Мл: Малышево
Ож: Ожоговское
Взн: Вознесенское

Юн: Юньга
Зпл: Запольское
Еп: Епихова
Обх: Обуховщина
Сух: Сухарева
Сн: Сунское
Двр: Дворищенская
Врх: Верхнесунское
В. у: Вятскій уѣздъ:
В: Вятка
Шв: Швецова
Чц: Чепца
Баб: Бабино
Пр: Першина
Бс: Басаргина
Бх: Бахта
Шх: Шиховская
Кст: Кстинская
Кум: Куминское
Влч: Волчетроицкая
С. у: Слободской уѣздъ:
Сл: Слободской
Дм: Демьянка
Сп: Спасское
Ал: Алферово
Лз: Лузская
О. у: Орловскій уѣздъ:
Ор: Орловъ
К. у: Котельничской уѣздъ:
Кч. Котельничъ
Ос: Осинкина
Жр: Жареныхъ
Зц: Зайцева
Пж: Пижемская

Яр. у: Яранскій уѣздъ:
Кж: Кужа
Щ: Щеглова
Мр: Маркова

Выше употреблено не разъ выраженіе — вятское *нарѣчіе*. Конечно, это не точно: рѣчь вятчанъ не на столько обособлена, чтобъ имѣть право назваться нарѣчіемъ. Она не больше какъ *говоръ*. Но если говоръ, то *какого* нарѣчія?

Этотъ вопросъ кажется не возбуждаетъ спора. Сколько мнѣ извѣстно, всѣ признаютъ вятчанъ потомками новгородскихъ выселенцовъ.

Такъ ли это? Вѣрно ли, что вятчане говорятъ новгородскимъ нарѣчіемъ?

Нижеприведенныя данныя языка жителей вятской губерніи могутъ, я думаю, при сравненіи ихъ съ тѣми данными, которыя я сообщилъ въ первомъ моемъ отчетѣ, послужить, до нѣкоторой степени, къ рѣшенію этого вопроса. Частностямъ моихъ настоящихъ замѣтокъ я считаю однако не лишнимъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о населеніи вятскаго края и о языкѣ его.

Раньше чѣмъ было обращено вниманіе на послѣдній, составилось и окрѣпло мнѣніе о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ. Оно основалось на свидѣтельствѣ Хлыновскаго лѣтописца. Древнѣйшія лѣтописи (не только лаврентьевская и ипатьевская, но и новгородская) ничего не говорятъ объ основаніи Хлынова и объ заселеніи вятскаго края. Хлыновскій лѣтописецъ, поздній по времени составленія и содержащій въ себѣ анахронизмы и баснословныя частности, не представляетъ достаточнаго ручательства за вѣрность сказаннаго преданія. Въ виду этого нѣкоторые историки (см. напр. Бестужева-Рюмина Русскую Исторію т. I, с. 385) указываютъ на черты языка и характеръ вятскихъ

построекъ какъ на вѣское подтвержденіе преданія о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ.

Данныя языка представляются здѣсь на́ общее обсужденіе для возможныхъ заключеній. Нѣкоторыя замѣчанія о немъ предложу ниже. Что касается до построекъ—то на сколько могу судить—онѣ далеко не тожественны по характеру съ новгородскими. Не говоря уже о томъ, что въ вятскомъ краѣ нигдѣ не видно того стремленія къ украшенію жилищъ (снаружи), которое такъ часто бросается въ глаза въ новгородскихъ селахъ, указывая на эстетическія потребности населенія,—дома́ крестьянъ вятской губерніи, ничѣмъ, на мой взглядъ, не отличаются отъ тѣхъ, которые можно наблюдать хотя бы напр. въ казанской губерніи.

Мнѣ кажется, что весьма существенною чертою новгородской постройки слѣдуетъ признать то, что отъ крыши избы всегда почти идетъ откосъ, прикрывающій ходъ въ избу и часть надворнаго строенія. Такихъ откосовъ я не встрѣчалъ въ извѣстныхъ мнѣ селахъ и деревняхъ вятской губерніи [1]).

Впрочемъ сходство или несходство постройки еще не есть важный доводъ въ пользу мысли объ этнографическомъ тожествѣ или таковой разности населенія двухъ отдаленныхъ одна отъ другой областей. Черты языка въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе, но думаю, что и онѣ еще не рѣшаютъ вопроса окончательно.

Мы знаемъ особенности древняго новгородскаго нарѣчія по памятникамъ, начиная съ XI вѣка, но не имѣемъ никакого понятія о языкѣ многихъ другихъ русскихъ племенъ эпохи основанія Хлынова и болѣе древней. Быть можетъ, и весьма быть можетъ, что признаваемое исключительными чертами новгородскаго нарѣчія было въ такой же мѣрѣ свойственно и нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Такъ смѣну *ч* на *ц* и обратно, мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ такихъ иногда мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ основанія предполагать новгородскихъ выселенцевъ.

---

[1]) Говорили мнѣ однако въ вятской губ. нѣкоторыя лица, что прежде, при большомъ количествѣ лѣсовъ, тамъ строились избы съ откосами.

Изъ племенъ, перечисляемыхъ Несторомъ, къ концу XII ст. (времени основанія Хлынова) кажется этнографически сохранялось лишь одно — вятское. Мысль Надеждина о томъ, что это племя инородческое [1]), едва ли кто теперь признаетъ состоятельною: нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать славянство Вятичей и даже то родство ихъ (вмѣстѣ съ Радимичами) съ Ляхами, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Не знаю, высказывалъ ли кто и когда мысль о томъ, что вятичи колонизировали вятскій край. Мнѣ такая мысль не только не кажется странною, но — напротивъ — я готовъ признать ее вѣроятною. Доводы въ ея пользу, конечно, будутъ шатки, доказать ее съ очевидностью несомнѣнной истины нѣтъ возможности, но также трудно ее рѣшительно и опровергнуть.

Конечно, дѣлаетъ честь нашимъ изслѣдователямъ, что ихъ не соблазнило сходство именъ *Вятичи* и *Вятчане*. Но, съ другой стороны, не тоже ли звуковое сходство заставляетъ въ имени Вятчанъ видѣть Вотяковъ? Народъ, жившій въ нынѣшней вятской губерніи по обоимъ берегамъ главной рѣки ея русскіе переселенцы, измѣняя его народное имя От—Ут., назвали сперва Вотами, потомъ Вотяками [2]). Край, населенный Вотяками, естественно было имъ назвать вотскимъ краемъ. Но какъ изъ *вот*скій сдѣлалось *вят*ской. Измѣненіе *вот* на *вят* по звуковымъ законамъ невоозможно. Правда, при видоизмѣненіи чужихъ словъ далеко не всегда соблюдаются дѣйствующіе въ языкѣ законы. Звуки даннаго иноземнаго слова измѣняются иногда не органически, такъ какъ слово неизвѣстное ассимилируется извѣстнымъ, приноравливается въ звуковомъ отношеніи къ нему. Не потому напр. изъ слова maraudeur вышло *міродёръ*, что *а* въ русскомъ языкѣ можетъ измѣниться на *и* (этого, какъ извѣстно, не бываетъ), а по-

---

[1]) Надеждинъ. Опытъ исторической географіи русскаго міра. Б. для Чт. 1837 г. XXII. 60.

[2]) Островскій. Вотяки Казанской губ. Казань. 1873 г. (Приложеніе къ Трудамъ Общ. Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ, т. IV. № 1. Стр. 5. Пр. 2.)

тому лишь, что слово міродеръ созвучно съ словомъ мародеръ, и послѣднее, какъ непонятное, чужое, *замѣнено* первымъ — понятнымъ, своимъ. Но имя *вятскій* (край) не могло быть для новгородскихъ выселенцевъ понятнѣй имени *вотскій*. Со стороны же звуковой послѣднее слово не могло, конечно, затруднять переселенцевъ: была же у нихъ *вотская* пятина. Вятчане могли получить свое имя отъ рѣки Вятки. Но какъ же объяснить названіе послѣдней? Въ имени ея видятъ указаніе на то, что по берегамъ ея жили Вотяки, и думаютъ, что она первоначально называлась не *Вят*ка, а *Вот*ка [1]): Но изъ Вотка также невозможна Вятка, какъ изъ Вотскій—Вятскій.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области, слѣдовательно, Оки, гдѣ нѣкогда жили Вятичи, есть селенія Вятское, Вятчина [2]). Едва ли кто станетъ и эти названія производить отъ имени Вот, Вотякъ. И не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ, на столько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи калужская и вятская.

Нисколько не отрицая возможности участія Новгородцевъ въ завоеваніи и заселеніи вятскаго края, я не вижу почему бы не признать, что то и другое совершилось при значительномъ количественномъ движеніи Вятичей на сѣверъ. На возможность такого движенія указываетъ уже то обстоятельство, что этому племени всего легче было проникнуть—по Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ—въ край Вотяковъ. Могло быть такъ, что толпа предпріимчивыхъ Новгородцевъ увлекла за собою массу Вятичей, которые дали свое имя покоренному краю и особый оттѣнокъ его исторіи. До самаго паденія Хлынова Вятка остается чуждою другимъ обла-

---

[1]) Ibid. Стр. 3.

[2]) Н. Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. 136. По поводу этихъ именъ г.Барсовъ говоритъ, что онѣ «можетъ быть, остатки земельнаго имени Вятичей». Если нѣтъ основаній допустить, что въ этихъ селеніяхъ живутъ позднѣйшіе выселенцы изъ *вятской губерніи*, то слѣдовало бы сказать по моему мнѣнію, не *можетъ быть*, а *несомнѣнно*.

стямъ древней Руси; съ князьями и Новгородомъ Вятчане въ постоянной борьбѣ; христіанство среди нихъ прививается слабо; по характеру политическаго устройства вятская республика стоитъ одиноко. Въ исторіи Вятичей, какъ племени, нельзя не замѣтить, по извѣстіямъ лѣтописи, аналогичныхъ съ этимъ чертъ: они позже другихъ племенъ принимаютъ христіанство, долѣе другихъ сохраняютъ свою этнографическую особенность, долѣе другихъ борятся за нее съ кіевскими князьями.

Но при рѣшеніи этнографическихъ вопросовъ, какъ то выше и замѣчено уже, нужно принять въ разсчетъ и привлечь къ сравненію не одну — двѣ, а очень много сторонъ народной жизни: народный бытъ, обычаи, предангя, повѣрья, поэтическія произведенія, языкъ, одежду, постройки, и пр. Я въ вятскомъ краѣ спеціально наблюдалъ только языкъ и получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о народной поэзіи. О послѣдней нѣсколько словъ скажу въ своемъ мѣстѣ. О языкѣ отмѣчаемымъ ниже фактамъ предпосылаю теперь лишь одно замѣчаніе.

Мнѣ не разъ приходилось и читать и слышать, что вятскій край по отношенію къ языку — богатое хранилище далекой новгородской старины. Въ такомъ мнѣніи, послѣ личнаго знакомства съ краемъ, я вижу или недоразумѣніе или предубѣжденіе.

Сходство вятскихъ говоровъ съ новгородскими не отрицаемо, но ощутительна и разность. Разность эта проявляется съ двухъ сторонъ: она сказывается отсутствіемъ тѣхъ чертъ, которыя встрѣчаются въ новгородскихъ говорахъ, и присутствіемъ такихъ, которыхъ нѣтъ тамъ.

Но обращаюсь къ самимъ фактамъ, располагая ихъ въ той системѣ, которую принялъ въ первыхъ двухъ отчетахъ.

По словамъ Даля (о нарѣчіяхъ русскаго языка. Стр. 27 отд. оттиска) говоръ вятчанъ самый низкій.

Я не нахожу возможнымъ сказать тоже. Вятское *о* не рѣзко.

Оно не поражаетъ такъ слуха, не отчеканивается, какъ во владимірской, ярославской и нерѣдко въ новгородской губерніяхъ. Оканье слабѣе къ югу, сильнѣе къ сѣверу.

На *а* говорятъ только пришлые люди, переселенцы. Такъ акаютъ въ уржумскомъ уѣздѣ—на заводахъ шурминскомъ и буйскомъ.

Начальное *а* измѣняется на *о*: Олександр Еп. и т. п.

Случаевъ измѣненія *а* на *о* въ срединѣ словъ мнѣ не встрѣтилось.

За все время пребыванія моего въ вятской губерніи я только три раза слышалъ *а* вм. *о*: за поясишка (обыкновенно *ко* вм. *ка:* батюшко и т. п.) Еп., палтора Ож., саводни вм. соводни Шв. Сюда же слѣдуетъ отнести и форму: серядь вм. середь (середи) Ож.

О вм. начальнаго *е* часто слышится въ словѣ *еще*: ошше Ал.

Въ одномъ словѣ *о* является на мѣстѣ *ы:* рохлый снѣгъ, т. е. рыхлый Зпл.

Полногласныхъ формъ, подобныхъ новгородскимъ — верёх, столоб въ вятскомъ краѣ я вовсе не слышалъ. При пѣсенномъ сокращеніи полногласныхъ формъ являются, какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, формы *ла*, *ра* вм. *оло*, *оро*, но разъ встрѣтилось *ло* вм. *оло*: по виноцьку по злотому Дм. (см. пѣсьня № 18). Такія формы сокращенія изрѣдка встрѣчаются въ Олонецкой губ. [1]).

По утвержденію Даля (о нарѣчіяхъ и пр. 27) «вятское *о* произносится мѣстами *уо* или *уы*, почти какъ въ задеснинскомъ черниговскомъ краѣ: ничевуо, спруос, собуолья».

Къ сожалѣнію, Даль не указываетъ, гдѣ именно въ вятской губ. пришлось ему услышать этотъ двугласный звукъ. Я напрасно искалъ его. Такъ какъ мнѣ въ моихъ поѣздкахъ нигдѣ не удалось подмѣтить его и никто изъ мѣстныхъ жителей, къ которымъ я обращался по этому поводу съ вопросами, не слыхалъ тако-

---

[1]) Матеріалъ для характеристики Сѣв. великор. нарѣчія. С. 7.

го звука, то я готовъ допустить, что Даль ошибся, что его обманулъ слухъ. Это легко могло случиться, такъ какъ мѣстами Вятчане говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничевоо и т. п. Но это растяженіе замѣчается не на одномъ только звукѣ *о*; кажется всѣ гласные звуки могутъ имѣть долготу. Считаю возможнымъ употребить это слово — *долгота*, такъ какъ растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, на сколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ вятскомъ и слободскомъ уѣздахъ. Только разъ имѣлъ я случай наблюдать ее въ бесѣдѣ съ однимъ крестьяниномъ села Чепца. Очень жалѣю, что не могъ записать ни одной сказки отъ человѣка, въ рѣчи котораго проявлялась бы эта особенность. Для уясненія дѣйствующаго въ ней закона требовалось бы собраніе множества данныхъ. Я могу привести лишь нѣсколько, схваченныхъ, такъ сказать, на лету:

во̄́т (во́от)
ничево̄́
говоря̄́т, уѣ̄́дут
синѣ̄́ть
о̄́зеро̄
возӣтӣ, бра́тӣ
пожа́луста̄

И изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, что — 1) долгота гласнаго можетъ проявиться независимо отъ ударенія; 2) въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ, изъ которыхъ одинъ ударяемый.

Можно бы несомнѣваться въ вѣрности употребленнаго мною термина *долгота*, если бы не было (считаю необходимымъ эту оговорку) случаевъ, когда одно и тоже слово въ фразѣ, повторяясь, является и лишеннымъ долготы и имѣющимъ ее:

не беру́т вѣдь ӯ́ж, молодые то не берӯ́т.

Въ этомъ случаѣ и подобныхъ—ясно, что строй фразы, тонъ рѣчи вызвалъ растяженіе гласнаго. Однако, что растяженіе это

не играетъ той роли, какую имѣетъ такъ называемое логическое удареніе, видно уже изъ того, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ.

«Нигдѣ нѣтъ столько *ё*, *іо*, какъ на Вяткѣ», по словамъ Даля (О нарѣчіяхъ. 28). Это утвержденіе, по моему, невѣрно: *ё* въ вятскомъ краѣ слышится гораздо рѣже, чѣмъ напр. въ новгородскомъ.

Могу привести только слѣдующіе случаи (опускаю аналогичныя явленія) измѣненія звука *е*:

до нёба Сух. вёрх. Н. у. Сбщ. (никогда—верёх).
рёбро Еп.
спокоёв Ож.
ёй У. у. о нёй Шв. своёй Ож. Устиньёй Чц.
сберёгла Н. у. (Сбщ.)
поминаёт Ож. пловёт ib. Чц. тянё Чц. милуё ib. скажёт ib.
можот Прш.
будёт Кж.
проѣдёш Еп.
поѣдём Ож.
спойтё Чц.

Число случаевъ съ *ё* вм. *е* въ вятскомъ краѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ окающаго нарѣчія, потому, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ё* превратилось въ *о*; другими словами и, какъ думаю точнѣй, послѣ превращенія *е* въ *о* изчезла съ теченіемъ времени мягкость предшествовавшаго этому гласному согласнаго. Это явленіе въ вятчинѣ замѣчается не только при шипящихъ (именно *ж*) мо́жот Прш, но и при другихъ согласныхъ:

держи́ Ож. до́ржит Взн.
запрягом Кум. Ор.
переволоком. Ор.
россѣком Зпл.
соводни. Шв., Шх.

Форму дорж**и** вм. держи (новг. дёржи) можно слышать и въ казанской губерніи; остальныхъ я нигдѣ не слыхалъ за исключе-

ніемъ вятчины, почему и считаю такія явленія специально вятскою особенностью.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что между формами, напр., россѣком, соводни и основными россѣкем, севодни должны стоять посредствующія: россѣкём, сёводни. Такія формы, какъ извѣстно, не предполагаются только, а существуютъ въ другихъ краяхъ въ дѣйствительности. Они, по моему мнѣнію, представляютъ собою явленіе относящееся къ области не гласныхъ, а согласныхъ звуковъ. (Если же это такъ, то сказанное въ первомъ моемъ отчетѣ о *ё*—правильно).

Иногда *е* не измѣняется тамъ, гдѣ можно бы ожидать его измѣненія:

ее Ож. кал*е*нную ib. сѣ(*е*)дла ib. еще ib. щ*е* ib. (штё Шв.)

е почти постоянно остается при своемъ звукѣ. Очень рѣдко вмѣсто него является *и*:

баит Еп. проѣдит*е́* ib. нильзя Ож. исшо (еще) ib.

Еще рѣже обратное явленіе въ срединѣ словъ:

ле (=ли) Ож. и др. мѣстн., к свое*м* (къ своим) Н. у. (Сбщ.), дек (=дик) Ож. Эту послѣднюю форму я слышалъ только разъ, и нигдѣ, за исключеніемъ означенной мѣстности, ея не встрѣтилъ.

О формѣ *лежись* вм. *ложись* я имѣлъ уже случай говорить (см. 2-й отчетъ).

е вм. начальнаго *о* слышится мѣстами въ словѣ один: единово Сух. Чц., едново Еп. Это явленіе также было уже разъ отмѣчено и оговорено (см. 1-й отчетъ).

о вм. *е* въ срединѣ слова представляетъ только слово р*о*бенок Чц. Нѣтъ основанія, однако, видѣть здѣсь позднѣйшее звуковое видоизмѣненіе: форма р*о*б... можетъ идти изстари.

Кажется, спеціально вятскую особенность составляетъ встрѣчающееся мѣстами произношеніе *е*, которое звучитъ иногда тверже общерусскаго мягкаго *е* и мягче *э*. Такой звукъ слышится не только въ срединѣ словъ или въ концѣ послѣ согласнаго: нě Шх. пěнь Зц., что можно бы объяснить отвердѣніемъ этого соласнаго, но и въ началѣ слова: ěтот Бс.

Не такъ ли звучитъ *е* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкаго края? Быть можетъ у Рыбникова, Гильфердинга и Барсова[1]) формы, подобныя эще, отэц, молодэцькая въ звуковомъ отношеніи переданы не точно?

Если явленіе о которомъ говорю, отнести на счетъ согласныхъ звуковъ, то съ нимъ будетъ однородна звуковая форма слова пятый, произносимаго пäтой Чц., т. е. съ большею чѣмъ обыкновенно твердостью звука *п*.

Вполнѣ, на сколько мнѣ извѣстно, спеціально вятскую особенность представляетъ слышимое мѣстами *у* вм. *ы* въ нѣкоторыхъ формахъ глагола быти:

було Шв. (но и—*было* ib) побувал, бувал (николды не бувал ще) Чц. не бувал. Зц.

это *у* не рѣзко, но его нельзя однако смѣшать ни съ какимъ другимъ звукомъ.

По словамъ Даля «буква *ѣ* на Вяткѣ только въ началѣ слова произносится какъ *и*; исть, издить;... очень рѣдко въ срединѣ, напр. въ слободскомъ: штё нюни ти повисилъ» (О нарѣчіяхъ 27.). Это невѣрно: *и* вм. *ѣ*, кромѣ случаевъ отмѣченныхъ Далемъ, встрѣчается и въ срединѣ словъ. Привожу слышанныя мною слова съ *и* вм. *ѣ* въ корнѣ:

обидня Сух. Шв.
писня Чц. писельнiк Юн.
рицьки Еп., но ib: рѣцьку
встрича ib.
дити ib.
дило ib.
звирь ib.
мисяця Влч.
сить Чц.
съиздить ib., но ѣхати Еп., ѣздя ib.

Нигдѣ въ вятской губ. смѣна *ѣ* на *и* не выдерживается какъ

---

[1]) См. Рыбникова пѣсни III 318. 368. 381. Барсова Причитанія 101. 271 Гильфердина Он. Былина 757—8. 780. 843.

постоянное явленіе: тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, находимъ и *е* изъ *ѣ*. Глаголъ н*ѣ*т часто слышится въ формѣ н*и*т, ниту Чц. Шх. Прш. Кум. Вмѣсто здесь (здѣсь) -- зд*и*сь Взн. Шв. Чц.

Въ глаголѣ смотрѣть вмѣсто темитическаго *ѣ*—*и*: смотрить Сух. посмотрил Прш. Быть можетъ, однако, это особенность не фонетики, а словообразованія [1]). Въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій смѣны *ѣ* на *и* мнѣ вовсе не встрѣтилось.

Во второмъ отчетѣ отмѣченъ мною случай глухаго *е* на мѣстѣ древняго *ъ*. Въ вятскомъ краѣ слышалъ я въ такомъ же случаѣ такое же *и*: моц*и*ки Прш., т. е. моч*и*ки, мочки (куделя). Къ сожалѣнію и этотъ случай единственный. Приведенную форму я слышалъ, что именно важно, въ живой рѣчи. Аналогичныя съ ней, которыя могъ бы привести здѣсь, относятся къ пѣсенной рѣчи, (колец*и*ко, сердец*и*ко, судар*ы*ка (— рка), — см. прилагаем. пѣсни), гдѣ явленіе, понятно, можетъ получить уже иное объясненіе.

Стяженіе гласныхъ въ вятскомъ краѣ (сшива(е)м. Чц., ба(е)ш, ба(е)т Об.) имѣетъ мѣсто, но слышится нечасто.

Перегласованіе можетъ опредѣлиться слѣдующими примѣрами:

й: евился Еп. евляться Шв.

ц: забрецело, (забрецало, забренчало) Шх. завѣцею (завѣцаю, завѣчаю) ib. обвѣнцели Шв.

з: зеть Шв. взели Дм.

п: опеть Шв.

н: знели (сняли) Ож.

л: не гленится (не глянется = не понравится) Шх.

р: преники Врх.

Можетъ быть однако, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ *е* и не предполагаетъ *а* (я) явившись непосредственно изъ *ѧ*.

Въ фонетикѣ согласныхъ вятской рѣчи обращаетъ прежде всего вниманіе на себя рѣзкая и грубая твердость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Выше уже отмѣчено нѣсколько случаевъ отвердѣнія

---

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ р. яз. 77. пр. 3.

д, *к*, *с* при *о* изъ *е*. Въ уѣздахъ — нолинскомъ, уржумскомъ и котельничскомъ слышится мѣстами вм. мягкаго твердое *л* въ словѣ большой, произносимомъ болшой.

ж и *ш* въ сочетаніяхъ съ *о* и *е* тверды: ошшо Ал. ешшо, такжо Шв. Но тѣже звуки мѣстами мягки при сочетаніи съ *и*: мужикъ Чц. шити Бс. произносятся такъ, какъ здѣсь написано.

Ц то твердо то мягко. Такое колебаніе въ его произношеніи замѣчается иногда не только въ одной мѣстности, но и у одного и того же лица:

нацяльник Юн. цяшу Ож. птиця ib. царя Шв. умняця ib. тепериця Шх. метелиця ib., но-крыльца Ож. сейцас Двр. яисница Шв. встрица Лз.

парницёк Юн. винцё Чц. молотцёв Пр. ружьецо Шв. отци Шв. красавици Шв. пономарцики Ож.

кузницю Шх. хоцю Прш.

куроцька Шх. Лукиць Юн.

Мягкость *ц*, приближающая его къ *ч* и образующая какъ бы средній звукъ между *ч* и *ц* (см. 1-й отчетъ), слышится рѣдко: сѣнц-ч-я Юн.

Чаще можно слышать вполнѣ опредѣленное *ч* изъ *ц*:

половичи Взн. овчи Зпл. птичи Еп. руковичи Сн. чаря Шв.

Однако и это явленіе далеко не заурядно. Иное дѣло обратное: смѣна *ч* на *ц*. Эту смѣну встрѣчаешь такъ часто, — въ нолинскомъ и вятскомъ уѣздахъ, — что невольно привыкаешь къ ней, какъ въ нормѣ мѣстнаго говора. Вотъ нѣкоторые изъ множества примѣры цоконья:

церез Еп. цетыре Ож. цецьверо Прш. цешу (чешу) ib. ноцевать Шв. цево ib. целовик ib

плотницять Шв.

пономарцики Ож. уцится Шв.

доцька Шв. рицьки Еп. [1])

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ текста, мною приводятся примѣры почти исключительно изъ живой рѣчи. На основаніи прилагаемыхъ сказокъ и пѣсенъ можетъ быть многое дополнено къ нимъ.

Мягкое *ц* изъ *ч* передъ *н* звучитъ какъ *с*: яисьница Шв. дивисьник ib. Изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ видно, что обоюдная мѣна звуковъ *ч* и *ц* возможна для одной и той же мѣстности, но количество случаевъ *ч* изъ *ц* всегда несравненно меньше случаевъ обратнаго явленія.

Мягкость звуковъ *н*, *р*, *с* передъ суфиксомъ *ск* (ьск) хотя и встрѣчается въ вятскомъ краѣ, но далеко не выдерживается съ тѣмъ постоянствомъ, съ какимъ существуетъ это явленіе въ новгородскихъ говорахъ. Чаще можно слышать мягкое *с*, рѣже мягкое *н*, еше рѣже мягкое *р*. Послѣднее въ одномъ и томъ же словѣ произносится то твердо то мягко въ одной и тойже мѣстности и даже однимъ и тѣмъ же лицомъ:

деревеньской Ож. Чц. ильиньская Дм. правленьской Бс.

руськое Взн. Жр. московськая Бс. (*в* почти не слышится)

царьской Шв., но царской и царство ib. боярской ib. боярьская Шх.

Мѣстами можно слышать мягкое *м* передъ тѣмъ же суфиксомъ: земьское Ос.

Отвердѣніе звуковъ *н*, *м* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ часто замѣчаемое въ новгородскихъ и олонецкихъ говорахъ [1]), въ вятчинѣ слышится рѣдко:

верхный Ож. лишную Шх.

Иногда мнѣ казалось, что я слышу вмѣсто ожидаемой мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ твердость ихъ и наоборотъ. Такъ *т* въ *пѣтъ* слышалось мнѣ (Чц.) мягче чѣмъ *тъ* и тверже чѣмъ *ть*; *с* въ сейцас' Ал. хорошос' Чц. вчерас' Ал.,—[2]) тверже *сь* мягче *съ*. *д* мягко въ словѣ назадь Шв., какъ въ новгородскихъ и олонецкихъ говорахъ.

Случаевъ смягченія гортанныхъ (разумѣю архаическія явленія) не встрѣтилъ; равно какъ и особенностей въ смягченіи зву-

---

[1]) См. 1 и 2 мои отчеты и брошюру Матеріалы и пр. стр. 21.

[2]) Не въ смыслѣ вчерась, т. е. вчера а въ смыслѣ вчера-съ. Впрочемъ по поводу формъ пѣт', вчерас' и пр. я долженъ сказать, что слышалъ ихъ только отъ двухъ лицъ (двухъ близлежащихъ мѣстностей).

ковъ *д* и *т*. Касательно послѣдняго можно отмѣтить развѣ только форму цецьверо Прш. = ц(ч)етверо и предполагающую *цеть*веро.

г постоянно является нѣмымъ; но въ словахъ *господин*, *государь* оно должно быть звучало какъ *h*: мѣстами это слово имѣетъ форму—*о*сподин Шв. осподином ib. осударь Ож. Конечное *г* произносится иногда какъ *к:* лёг Ож, но—на берек(г) Шв. долок(г) Шх.

Конечные губные и зубные часто изъ звучныхъ переходятъ въ отзвучные: короп(б) Шв. вос(з) Ож.

Изъ случаевъ мѣны звуковъ, кромѣ вышеотмѣченной смѣны *ч* на *ц* и обратно, могу привести слѣдующее:

щ рѣдко терпится, обыкновенно замѣняясь двойнымъ *ш*: ешшо Еп. обвѣшшался ib. пушше ib. свишшет Ож. мѣшшан ib. выпушшу Шв.

Вм. *х*—*ф* въ словѣ *ф*омяк (крыса) Шв.

Вмѣсто *г* — *б* въ словѣ благолит. Дм. (только въ пѣснѣ № 15).

Вмѣсто того же звука *в* въ словѣ пов(г)ост. Шх.

в вмѣсто *х* встрѣтилось разъ въ выраженіи—на трёх дуба*в*(х) Еп. [1]).

л вм. *н* въ словѣ—помл(н)или Еп.

л вм. *д* въ—свал(д)ебная Шх., но ib. свадьба.

м вм. *н* въ словѣ—м(н)рав Ож.

в вм. *м* въ словѣ *в*(м)ного ib.

з вм. *ж* въ—зелѣзной Дм. Шх. рогозка Жр.

Въ группахъ согласныхъ замѣчаются слѣдующія видоизмѣненія:

чн превращается въ *шн*, если, конечно, *ч* не переходитъ въ *ц*: скушно Еп.

знь въ *зь*, *сь:* жизь (жизнь) Еп. болѣсь (болѣзнь) ib.

---

[1]) Ср. аналогичный фактъ, приведенный въ 1 отчетѣ. Здѣсь и ниже я привожу данныя, не разграничивая явленій несомнѣнно фонетическихъ отъ тѣхъ, которыя вызваны аналогіей.

Въ сочетаніи *зд*, заканчивающемъ слово,. *д* выпадаетъ: уѣз (д) Баб.

стн=*зн:* груз(ст)но Еп.

дств = *дшв*: родш(ст)ва Ож.

т уподобляется *д* въ—од(т)дать Еп.

Вм. *зл*—*дл* въ словѣ—вод(з)лѣ Ож.

Вм. ко*г*да почти вездѣ слышится ко*л*ды Чц. Шх. и пр., вѣроятно черезъ формы: ко*в*да, ко*в*ды.

Мѣстоименіе *что* въ собственно вятскомъ краѣ произносится большею частію — щё, що, ще, штё. Об. Шх. Чц. и пр.

Сочетаніе *тся* (въ глаголахъ) звучитъ различно. Я не находилъ тожества въ его произношеніи даже у однихъ и тѣхъ же лицъ. Мнѣ слышились и *тця* и *тца* и *ця* и *тса*: ругаетця Шв. женитца ib. дожидаютця Шх. добратьса Шв. собираются Шх.

Изъ случаевъ опущенія звуковъ, кромѣ отмѣченныхъ, стоятъ вниманія: опущеніе

й: овча (овчья) Ож. дяков (дьяков) ib. убира(й)сь ib. по(й)дём Шв.;

в: за(в)се Чц (завсегда);

н: у (н)ево Дм. в (н)ём ib.

Иногда встрѣчается удвоеніе *н*, вызванное вѣроятно аналогіей: воронново Еп. коноплянная Ож.

Изъ случаевъ перестановки отмѣчу два: камешн(нш)ик Врх. придикоте (= придитеко) Прш.

Особенностей въ удареніяхъ немного. Вотъ нѣкоторые, характеризующіе его, случаи:

па́стух Баб.

ко́ней Ож.

холо́д Шв., но ib.: хо́лодно.

на лошади́ Ож. на гору́ ib.

слыхо́м Шв.
видо́м ib.
на цеты́рех лошадях Ал.
и́мя Шх. (= им), обыкновенно слышится имя́: с нимя́ Боб.
пропадите́ Еп. лежите́ ib. не полетите́ Кж. спите́ Боб.
по́слал Боб. по́гнал ib. понуди́л Ож.
ужа́снулся Шв.
отдо́хнем ib.
доло́жили Еп.

Вятскимъ говорамъ, какъ и новгородскимъ, свойственно смѣшеніе падежей дательнаго и творительнаго множественнаго числа. Это смѣшеніе встрѣчается не только въ собственно вятскомъ краѣ, но, насколько знаю, почти по всей губерніи:

мѣстам(и) Рж. Б. Р полям(и) ib. с плечам Сух. за крутым горам Еп. с ножам Щ. над нам Еп. обѣим руками ib. к полатами ib.

Хотя эта особенность — одна изъ рѣзкихъ чертъ сходства вятской рѣчи съ новгородскою, но уже конечно не ею же можно подкрѣпить мысль о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ: эту особенность не могли принести съ собою новгородскіе выселенцы: какъ извѣстно она совершенно чужда древней новгородской рѣчи. Эта особенность — явленіе новое. Въ вятскомъ краѣ она должна была развиться самостоятельно, независимо отъ Новгорода.

Почти вездѣ по вятской губ. можно слышать и странную форму — *имя́* (д. п. мѣст.) Мл. Еп. Чц. и пр. вм. *имъ*.

Кажется, только эти двѣ черты — форма *имя́* и смѣшеніе падежей дат. и твор. — роднятъ рѣчь собственно вятскаго края съ рѣчью уѣздовъ — малмыжскаго, уржумскаго и яранскаго.

Древней черты сѣвернаго нарѣчія, сохраняемой и теперь новгородскими и олонецкими говорами, — употребленія вин. пад. женскаго рода единственнаго числа въ формѣ именительнаго при

неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ — я напрасно искалъ въ вятской губерніи. Только разъ и въ одной лишь фразѣ подмѣтилъ я ее: ошибк*а* чтоб не сдѣлать Шх, но лицо, сказавшее такъ, въ другихъ случаяхъ употребляло при неопредѣленномъ наклоненіи винительный на *у*. Въ пѣснѣ № 25, записанной въ той же мѣстности: жеравих*а* брать.

Въ другихъ мѣстахъ не встрѣтилась мнѣ этой формы даже какъ архназма.

Архаическаго въ именахъ вообще очень мало. Могу отмѣтить только древнюю форму имен. единственнаго слова дочь: дочи Еп. доци Бс. Км. (дочерь. Еп. (им.)).

Въ глаголихъ прежде всего поражаетъ ухо древняя форма неопредѣленнаго наклоненія на *ти*, встрѣчаемая очень часто въ живой рѣчи. Эта форма по преимуществу придаетъ вятскому нарѣчію оттѣнокъ древности.

Сѣяти Еп. ѣхати ib. попѣти ib. посвистати ib. выпити Чц. возити ib. заплатити ib. брати ib. шити Бс.

Употребленіе этой формы неопр. накл. не исключаетъ и позднѣйшей на мягкое *т*: съѣздить Чц. синѣть ib.

Глаголы съ звукомъ *ч*, изъ гортаннаго + *т*, въ неопр. накл. удерживая *ч*, неорганически возстановляютъ гортанный: запрек(г)чи Боб.

Въ настоящемъ времени замѣчается мѣстами опущеніе личнаго признака 3-го лица:

пойдё Взн. буде Еп. милуё Чц. ѣздя(т) Еп.

Дѣепричастія вмѣсто прошедшаго на *л*(ъ), — замѣны столь употребительной въ новгородской губерніи, — въ вятской почти не встрѣчается. Только разъ слышалъ я такую форму: взявши = взял Еп.

Въ заключеніе этихъ немногихъ замѣтокъ о вятскихъ формахъ упомяну еще о частицахъ: *о—т*, *та*, *то*. Даль вѣрно замѣчаетъ, что онѣ «прилагаются на Вяткѣ не безразлично, а по родамъ» (О нарѣчіяхъ 28). Во множ. числѣ для всѣхъ родовъ безразлично одна форма — *ти*: гоны ти Взн. Въ вин. ед. ж. р.

ту: дорогу ту Еп. дѣвку ту Бх. Другихъ формъ не слыхалъ. Нужно замѣтить еще, что употребленіе этихъ частицъ далеко не общее явленіе въ вятскомъ краѣ.

Привожу нѣсколько замѣченныхъ мною данныхъ для характеристики вятскаго *словообразованія*:

братовья Еп.

лягуша (—шка) Шв.

ягу́шки (— нята) Зпл.

тулово Боб.

ржище Взн.

ужина(ъ) Зпл.

по своей изможѣ Взн.

колокольни́ця ib.

пословка (—ица) Ож.

посидѣнцы.

на у́скорѣ (на скоро) В.

плесковская (плясовая) пѣсня Ож.

всяковато Б. Р.

одина(о)кой Шв.

вѣсится (висит) Боб.

повѣ́нуло (повѣяло) Шв.

подавывал Боб.

удѣлать В. (слышится не только по всей вятской губ., въ смыслѣ обдѣлать, сдѣлать, но и въ казанской), лежись вм. ложись Шв. (см. выше)

загону Об.

запрекчи Ож.

воздымается Взн.

обгорѣли = погорѣли Нен.

промокнет = промочит Ож.

Характерной черты сѣвернаго словообразованія — сравнительной степени на *яе* — въ вятскомъ краѣ почти не слышится. Если, очень рѣдко, гдѣ и встрѣтится эта форма, то на ряду съ нею, и въ огромномъ большинствѣ при томъ случаевъ, является и форма на *ѣе*: мудреняе Шв., но хитрѣе ib.

Объ особенностяхъ вятскаго синтаксиса можно судить по сообщеннымъ приложеніямъ.

Вятскій лексиконъ, при сходствѣ съ новгородскимъ, представляетъ и разности. Случаевъ разности можно бы привести много. Укажу на нѣкоторые.

Въ новгородской губ. почти вездѣ вмѣсто слова *лошадь* говорится *конь*; въ вятской на оборотъ — употребленіе слова лошадь преобладаетъ.

Ячмень въ новгородской губерніи зовутъ *жито*, въ вятской жито—яровой хлѣбъ.

Въ новг. губ. землю *орутъ*, а избу *пашутъ;* въ вятской землю пашутъ, избу метутъ.

Слово *очень* въ вятской губ., какъ и въ новгородской, почти не слышится, но въ послѣдней оно замѣняется словомъ *гораздо*, въ первой вмѣсто его говорятъ *больно.*

Словъ—*рель*, *дянки*, *горой* (берегом), *сопка* и многихъ другихъ, весьма обычныхъ въ новгор. губ., въ вятской нѣтъ. За то въ ней есть свои особенныя слова, которыхъ не знаетъ Новгородъ.

Списокъ вятскихъ словъ при этомъ прилагаю. И въ него, какъ и въ прежде сообщенные, вошли не новыя только слова, но и тѣ, которыя есть у Даля, но которыхъ мѣстность употребленія у него не обозначена или которымъ придано не то значеніе, въ какомъ я слышалъ ихъ.

Б.

Больно—очень, весьма.

В.

Ванда—рыболовный снарядъ Сл.

Вискирь—см. у Даля: выскирь Щ.

Волок — большой лѣсъ, не менѣе верстъ 15-ти, по которому пролегает дорога; непроѣзжій же—*раменье*. Еп. Чц. Ших. и пр.

Вѣнец: *вѣнец сронила* — нарушила супружескую вѣрность. Н. Сбщ.

Г.

Голка—см. у Даля: голица. Взн.

Гоны—длина полосы на пашнѣ: 30—50 саж.; народная мѣра разстоянія. Взн.

Готово: на готово—окончательно. Н. у. Сбщ.

Грудица—10 сноповъ яроваго хлѣба. Уц. Ших.

Д.

Дек: дек человѣкъ—веселый до безумія. Ож.

Декаться —веселиться. ib.

Дековство—баловство. Чц.

Дыгать—прыгать. См. сказку № 4-й, Шв.

Е.

Ерызнуть—ударить. Чц. Ших.

З.

Завсе—всегда. Взн.

Забродить: дѣвка забродила — сбилась с пути, спозналась с мужчиной Н. у. Сбщ.

Занос: *в заносъ*—говорится о небѣ, когда оно дѣлается пасмурным. В.

Зарость — зависть Ожг.

Зарыск } околица, окольный путь. Кст. Чц.
Зарысь }

Заспа — крупа Сл.

И.

Изладиться — обрядиться, собраться Н. у. Сбщ.

К.

Кабан — стог сѣна круглой формы. Нѣсколько кабанов (неопредѣленное число) составляют *зарод*, — скирду продолговатой формы. Взн. Зпл.

Колѣно—куплет, часть пѣсни, повторяющаяся с небольшим измѣненіем нѣсколько раз. См. напр. пѣсню № 7-й. Шв.

Крошки см. у Даля: крошни Шв.

Крыльца—плечи, спина Еп.

? Кусёр—лог, поросшій травою Н. у. Сбщ.

Кутник—полок. Чц. Ших.

Л.

Лавы—деревянные мостки, образующіе тротуар. Дм. Сл.

Лизун—коровій язык. Урж.

Лопотина—одежда Млш. Шв. Лопоть—тоже, в собират. значеніи. Шв.

Лукаться—бросаться чѣм Ал.

Лыва—лужа. Дем. Сл.

Лять (лядь? ледь?)—гололедица Чц.

М.

Мостина—сѣни Еп.

Молить—рѣзать скот. Кст. Чц. [1]).

Н.

Назём — навоз. Сл.

Нō—да. Чц.

---

[1]) Ibid. употребляется и рѣзать. *Рѣзать* можно все, *молить*—только скот.

Несрушен — неискусен. Взн. [1]).

Несрушно—неудобно Шв.

О.

Ординки — рукавицы, мѣхомъ наружу, выдѣланныя изъ шкуры степнаго барана Взн.

Обретивиться — сдѣлаться ретивымъ, воспринять бодрость Еп.

Обрыситься — осердиться, ощетиниться, Обх.

Обизорной — красивый? Шв. См. сказку № 4.

П.

Подсад — мелкая трава, проросшая въ овсу Взп.

Подсада — мелкая трава, остающаяся под пашней Шв.

Поезгаться — пообѣщаться Чц. Ших.

Помзя — рыболовный снарядъ. Чц. Сп. Дм. Сл.

Поначе — лучше Шв.

Потерять — погубить Шв.

Потѣснить душеньку—наѣсться до отвалу, обожраться Н. у. Сбщ.

Пощалычить — поболтать Юн.

Причалить — привязать Еп.

Проворен — силён Еп.

Просыпь — поемые луга Ших.

Пѣстовать } см. у Даля. Н. у Сбщ.
Пѣстунья }

С.

Сильки — циплята В.

Скленица — см. у Даля. Сп.

Сдѣлалось — пришлось. Еп. См. сказку № 3.

Смирять Еп. См. пѣсню № 3.

Соковые лапти — лапти изъ луба, содраннаго весною. Сл. Ал.

Столованье — см. у Даля Н. у. Сбщ.

Сутки — переднiй уголъ въ пзб. Чц. Ших.

---

[1]) Несручен? несручно?

У.

Убиваться — сожалѣть о ком. Бхт.

Узг—угол съ наружной стороны зданія. Чц. Шх. и въ другихъ мѣстах.

Утроба — живот. Пж.

Х.

Хлибить: *хлибит*—говорится о лошади, разбитой на ноги. Влятр.[1])

Хлам — багаж, поклажа, имущество. Ос.

Ш.

Шу́бянка—мохнатая рукавица, противоположна голкѣ. Взн.

Въ Вятской губерніи я записалъ пять сказокъ и 35 №№ пѣсенъ. Почти весь этотъ матеріалъ имѣетъ значеніе только со стороны языка. По содержанію большая часть помѣщаемыхъ здѣсь пѣсенъ ничтожны.

Кажется, Вятская губернія принадлежитъ къ числу очень бѣдныхъ народно поэтическими данными.

Древнихъ историческихъ и былевыхъ пѣсенъ въ ней, на сколько мнѣ извѣстно, вовсе нѣтъ. Пѣсни повседневныя не отличаются поэтическими красотами. Даже въ свадебныхъ пѣсняхъ не много поэтическаго элемента. Нѣкоторыя изъ нихъ по своему содержанію даже грязны (№№ 27 — 28).

Всего цѣннѣе изъ записаннаго мною матеріала пѣсни №№ 16, 17 и 19.

Изъ сказокъ по содержанію сто́ятъ вниманія первыя двѣ. Это былины въ прозаической формѣ. Подъ страннымъ именемъ Осипа Прекраснаго является никто другой какъ Илья Муромецъ.

---

[1]) Ежели звѣзда упадет на лошадь, то она хлибит задом или передом. ibid.

Нѣкоторыя пѣсни записаны мною съ голоса, нѣкоторыя по пересказу. Замѣчательно, что весьма немногія лица способны пересказать пѣсню. При пересказѣ большею частію выходитъ путаница: вставляется одно, выпускается другое; являются ненужныя слова — *вѣдь, молъ* и т. п. и исчезаютъ тѣ частицы, которыми условливается стройное теченіе пѣсеннаго стиха.

Пѣсни №№ 1—4 и сказки № 1 записаны мною отъ крестьянина Харитона Федорова Гребенкина починка Епихова, села Колобова, вблизи Лобани Нол. у.

Пѣсни №№ 4—7 и сказки №№ 2—4 отъ крестьянина Моисея Власова Колопова Нол. у., Нимскаго прихода, деревни Ожоговскій починокъ.

Пѣсни №№ 7—15 отъ трехъ крестьянокъ, именъ которыхъ не могъ узнать, въ деревнѣ Швецова.

Сказка № 4, тамъ же отъ крестьянина Адріана Кутихина.

Пѣсни №№ 15—20 отъ крестьянина слободы Демянки, подъ Слободскимъ, Григорья Алексѣева Лозырева.

Пѣсни №№ 20—29 отъ крестьянокъ Катаевой и Натальи Кореловой, Вятск. у., Чепецкаго прихода, деревни Шиховской.

Сказка № 5 отъ крестьянина Матвѣя Ульянова Бабинцева, деревни Бабина (подъ Вяткой).

Пѣсня № 29 отъ купца Фадѣева, въ г. Слободскомъ.

Пѣсни №№ 30—35 включительно отъ пяти крестьянокъ (именъ которыхъ не узналъ) дер. Першина, Вятск. у.

Слѣдовательно, собранный мною матеріалъ можетъ служить къ характеристикѣ говоровъ и — частію — народной поэзіи— двухъ только уѣздовъ: Вятскаго и Нолинскаго.

ПѢСНИ.

1.

Кумушки-голубушки!
Не знаете моево горюшка:
Осерди́лся мой миленькой,
Прогнѣвался на меня то,
Що на красную дѣвушку.
У меня, у красной дѣвушки
Ретиво́е серце за́ныло
И замкам заперло;
Запирала замкам, —
За крутым горам ключи поте́ряла,
Не натти их за крутым горам, —
Сама слезно спла́кала.

2.

Тра́ва моя, тра́ва!
Безъ поры то трава, безо время
Стала, трава сохнуть;
Безъ причины мой милой Ванюша
В и́ную влюбился.
В и́ную влюбился, —
Сам воли лишился.
Ох ты, воля, моя воля,
Воля дорогая!
Я со этой со воли
Дѣвушка гуляла,
В остро́жек попала.
Скушно, грузно мнѣ красной дѣву́шкѣ
В о́строгѣ сидѣти;

Мнѣ ешшо было скушнѣе
В о́кошко гледѣти:
Мимо этово окошка
Пролегла дорошка;
По этой по дорошкѣ
Многи люди ѣздя, —
Моево дружка Ванюши
Ево здѣся нѣту,
Нѣту-нѣту, — знать дружка не буде.

3.

Призаду̑мал Царь наш Олександра
Свою армію смотрить;
Обвѣшшался Царь наш Олександра
К Рожеству Христову дома быть.
Всѣ то празнички проходят
Олександра дома нѣт;
Ево мамонька родима
Стосковалася по нём,
Молода жона-супруга
День и ноченьку не спит....
— Пойду, выйду в городъ на ту башню,
Котора́я выше всѣхъ, —
Погляжу я в ту сторонку,
Со которой со сторонки
Прежде царь наш прибывал.
И по питерской дорошкѣ,
По московской широко́й
Не дым столбом стоит,
Копотца в полѣ пылит:
Молодой кульер бѣжит;
Молодой кульер бѣжит

К Олександрову дворцу,
К самокрашену крыльцу, —
— Пойду я на красное крыльцо,
Я пойду спрошу кульера, —
Ты зачѣмъ скоро спѣшиш?
Я спѣшу-бѣжу кульер
К Олександрову дворцу
К самокрашену крыльцу.
Всю я правду роскажу:
Снимай, снимай цвѣтно платьицо долой,
Смиряй с лица красоту:
Наш-о-т, наш-о-т Олександра Бѣлой Царь
В Таганрогѣ жизь скончал.
Ну, 12 енаралов
На главах ево несут,
Воронова ево коня
В поводу ведут,
Золотую ево сбрую
Во рукахъ несут

4.

(Плесковская; поется «на помочахъ».)

Нильзя мнѣ к обидни ходить
Нильзя Богу мо́литься,
Нильзя ниско кланяться:
Попы поют — мѣшаются,
Пономарцики мѣшаются.
Мать моя, матушка!
Сударыня-боярыня моя!
Зачим хоро́шу поро́дила меня?
Нильзя мнѣ к обидни ходить
Нильзя Богу молиться.

5.

(Короводная — круговая.)

びловёт лебедь (2-жды)
Пловёт лебедь с лебедятами;
По кру́тому (2-жды)
По кру́тому бережку
Идёт да доброй молодец.
Уж и убил (2-жды)
Уж и убил лебедь бѣлую;
Пустил пушок (2-жды),
Пустил пушок по синю́ морю (2-жды);
По цисту полю пустил руду,
Пустил руду по цисту полю (2-жды).
В цистом полюшкѣ (2-жды)
Доброй молодец (2-жды)
Искал свою (2-жды)
Добру жену (2-жды)
Добру жену да лебедь бѣлую.

6.

(Круговая.)

Сваха ле сваха.
Сваха молодая!
Отдай свою доцерь
За моево сына.
У моево сына
Сѣни высоки,
Гвоздями биты,
Шолком шиты,
Соломой покрыты:

Коза не проскоцет,
Вода не промокнет.
Сваха ле сваха,
Сваха молодая!
Отдай свою доцерь
За моево сына.

6.

(Свадебная).

Я по сѣницкам ходила,
Ой, с косы ленту потеряла,
С косы ленту потеряла!
Ой, во платок слёзы ронила,
Во платок слёзы ронила.
Ой, к ретиву́ замоцку приходила,
К ретиву замоцку приходила;
Ой, ретиву́ замоцку говорила,
Ретиву замоцку говорила:
Ой, ретиво́й замоцёк, отоприся,
Ретивой замоцёк, отоприся!
Ой, родной батюшка, пробудися!
Родной и пр. . . .
Ой, на мою красоту наглядися!
На мою и пр.
Ой моея́ красоты да не надолго:
Моея и пр.
Ой, на сиводнешній на денёцик,
На и пр.
Ой, на теперешной на цасоцик.
На и пр.
Ой, я саводня с подруженькам просидѣла,
Я и пр.

Ой на Иванушка проглядила,
На Иванушка и пр.
Ой на Васильевица просмотрила
На Васильевица и пр.
Ой я саводня совсѣм я соберуся,
Саводня и пр.
Ой заутра́ я совсѣм уберуся,
Заутра и пр.
Ой с родным батюшкой роспрощуся. —
Я по сѣницкам ходила,
Ой с косы ленту потеряла
и т. д. [1]).

8.

(Свадебная).

Ой на водѣ вьюн,
На водѣ да извиваётся (2-жды),
А зеть у ворот увиваётся (2-жды).
Зетюшко (2-жды),
Зеть Иванушко (2-жды)!
Тешенька (2-жды),
Да теша ласковая!
Выведи моё (2-жды)
Да моё суженоё! —
Вывела она (2-жды)
Да вороново коня.
— Это ли твоё (2-жды)

---

[1]) Во второмъ колѣнѣ пѣсни повторяется тоже, что и въ первомъ, съ тою лишь разницею, что невѣста обращается въ немъ не къ отцу, а къ матери.

Да твоё суженоё,
Твоё ряженоё? —
Это не моё (2-жды),
Да не суженоё
Да не ряженоё, —
Это моё (2-жды)
Да во приданье дано. —

Ой на водѣ вьюн.
На водѣ да извиваётся
и т. д.

(Повторяются первыя девять строкъ перваго колѣна).

Вынесла она (2-жды)
Всё сундуки живота (2-жды)
— Это ли твоё (2-жды)
Да твоё суженоё,
Твоё ряженоё?
Это моё (2-жды)
Да моё суженоё [1]).

Ой на водѣ вьюн
и т. д.

(Повторяются 9 стиховъ).

Вывела она (2-жды)
Да всё Авдотьюшку.
— Это ли твоё (2-жды)
Да твоё суженоё,
Твоё ряженоё? —
— Это моё (2-жды)
Моё суженоё
Моё ряженоё.

---

[1]) Искажено: отвѣтъ долженъ быть отрицательный, какъ въ предъидущемъ колѣнѣ пѣсни.

9.

(Свадебная).

Не було́ вѣтру (2-жды),
Вдруг повѣнуло;
Не было́ гостей,
Вдруг наѣхали:
Полна града (2-жды)
Коней вороныхъ;
Полон коретник (2-жды)
Коретей золотыхъ
Полныё сѣни (2-жды)
Куцеровъ молодыхъ;
Полной терéм (2-жды)
Всё князей да бояр.
Новыё сѣни (2-жды),
Сѣни обломились;
Золоту цару (2-жды)
Цару ростоптали;
Выпустили, выпустили
Да соловья изъ саду́; —
Прослезили, прослезили
Всё Авдотьюшку.
Иван говорит (2-жды):
Да не плац не тужи:
Эти сѣни́ (2-жды)
Да перестроить велим,
Золоту цару (2-жды)
Да перелить прика́жу.

10.

Ввецеру (у) меня
Да голубка была:

Ой, голубка была
Да на крылѣ спала́ (2-жды);
Ой, на крылѣ спала,
Дружком назвала (2-жды):
Ой, дружоцик мой миленькой,
Го́лубь сизенькой (2-жды)!
Спиш не спиш, голубцик?
Не проспи меня (2-жды).
Проснулся да голубцик —
Голубушки нѣт,
Голубушки нѣту,
Ой ниту да голубушки, —
Не мил бѣлой свѣт (2-жды)!
Ой, кидалса, бросалса
По всѣм сторонам (2-жды),
Ой по всѣм по сторонам,
По барским домам;
По барьским домам (2-жды)
Да по купецеским.
Ой, у купца в саду
Охотницёк был;
Охотницёк был (2-жды)
Да ружьецо купил;
Ружьецо купил (2-жды),
Да голубку стрѣлил,
Голубку стрѣлил;
Ой, застрѣлил да голубушку
У купца (в) саду;
Ой, у купца (в?) саду
Под яблонцею (2-жды),
Ой под яблонцею
Да под зеленою.

11.

Ой пади-ко й пади, роса,
На темныё на лѣса (2-жды),
Ой, лѣсики дремуціё,
Да дремуціё да лѣса;
Ой, болота́ зыбуціё,
Да зыбуціё болота́;
Ой, травоньки шелковыё,
Да шелковыё да травы́;
Садики зеленыё
Да зеленыё да сады;
Ой, клюцики студеныё,
Да студеныё клюци!
Ой душа, холостой паре́нь,
Душа холостой парень!
Ох, не бери ко, не бери
У вдову́шку дѣвушку.
У вдовушки да дѣвушка,
Ой, славная-хорошая,
Да хорошая славная;
Ох, бѣлая, дородная,
Да дородная, бѣлая;
Ох, лицико румяноё,
Лицико да румяноё;
Ох, шшоцики да аленьки,
Шшоцики аленьки;
Ой, брови тѣ церненьки!

12.

При долинушкѣ
Вырос куст калинушки.

На этой на калинушкѣ
Сидит соловейко,
Сидит — громко свишшет.
Под неволюшкой
Сидит доброй молодец,
Сидит — слезно плачет.
Во слезах своёй любушкѣ
И сударушкѣ
Письмеца посылает:
Ты не тоскуй,
Моя любушка и сударушка!
И сам я сгоревался,
И по тебѣ, любезная,
Стосковался,
Малёшенёк у меня
Сыночек остался.
И хто жо мою сиротушку
Воспоил-скормил?
Воспоил-скормил меня
Православной доброй мір.
Исшо хто тебе
Принавынѣжил?
А повынѣжила меня
Волга матушка;
Принавыкачила меня
Лодка лёхкая;
Призамучила же меня после
Лямка твердая,
Лямка твердая и астраканская,
(Послѣ вышел я на бéрег
И двзумал он своей сторонѣ
Я бы вздумал побывать, —
Не знаю, когда и быть).

———

13.

Я от тятеньки да я от мамоньки
Да мал осталси,
Мал осталси!
Ой, по цужою по дальною сторонушкѣ
Всё прошлялса.
Ой не спитса, не лежитса
Тёмной ноцкой!
Ой, ростесовая новая кроватицка
Шевелитса!
Ой, соболино одѣялышко
С ног валитса!
Ой, што браненькой положец
Да вѣтром дуё!
Ой, дуё-дуё вѣтер отдуваё
С вихорями!. (2-жды).
Ой сватал-присватал сударь батюшко
Дѣвку замуж,
Ой запоруцила родна матушка
За сержанта!
Ой мнѣ сержантушка
Не владати!
Старо-прежнево дружка — Иванушка
За колецко (2-жды),
За то ли колецко литоё-дорогоё.

14.

Из загóрья из замóрья
Да сизой голуп летаёт.
Ой да залетѣл голуп во деревню,
Залетѣл голуп во деревню,

Да во деревню — во селеньё,
Да стал спрашивать да народу,
Стал спрашивать да народу,
Ой народу своево роду:
Господа, братцы́ — ребята!
Не видали ли голупки?
Не видали ли да голупки?
Ой да голубушка знакоме́лька,
Ой да через пёрышко сизенька,
Через другоё ребе́нька,
Через третье золоте́нька,
Ой да сама ростом небольшая
Сама ростом небольшая,
Да красотою хорошая!

15.

Рай.

(Поется на нов. годъ хоромъ; составляющіе хоръ называются «райщиками»)

Праведное солнце
В рай просвѣтило,
Росплацется Адам,
Перед раем сто́ит,
Слезы тоцит,
Умильно благолит:
Ай раю мой, раю!
Прекрасной мой раю!
Евы ради, раю,
Заключен рай быти;
Сотворен рай быти,
Ева согрѣшила,

Адама прельстила,
Богу согрѣшила,
Во тму погрузила,
Весь міръ помрачила,
Кабы мнѣ ка грѣшному,
Кабы мнѣ безаконному
Божей глас услышать,
Архангельсково гласу!
Ежели я согрѣшил...
Из раю нас выгнал.
Проговóрит Ева
Адаму глаголет:
Адаме — Адаме,
Ты, мой господине!
Не велѣл нам Бог жити
Во прекрасном раѣ;
Ели што было скушáти
Из райской пищи.
Сослал Господь Бог нас
На трудную землю, —
Нам хлибы съѣдати
Намъ под(т) тово ли́ця,
Нам правдою жити,
А зло не творити.
Христос народился,
Во Ерданѣ крестился, —
Весь мір обновился,
Адам слободился.
Прибѣжим, братіе,
Ко Божой ко церквѣ;
Послушаем, братіе.
Божіе писанье,
Што Бог наказуетъ,
Привѣшные муки.

Зазрим, братіе,
На дубовы гробы.
Ай гробы вы, гробы,
Привѣшные домы!
Жи́тье временно́е,
Слово суетно́е,
Богъ даёт много,
Нам кажется мало.
Руци наши грабли:
Што очи завидят,
То руци заграблят!
Не можем, братіе,
Всѣ серца наполнить;
Бог даёт много,
Нам кажется мало.
Бога чествуй, друже!

16.

Виноградье.

(Поется на новый годъ райщиками).

(1)

Какъ у города у Архангельсково,
    Виноградье красно зеленое!
У тово же присталища корабельново,
    Виноградье красно зеленое! [1])
Тут стояла же берёза кудреватая, —
У этой же берёзы высок терём,
У этой берёзы коренье булатноё

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

У этой берёзы кора позолочена,
У этой берёзы прутья серебряны
На этихъ же прутьяхъ листья комчатные;
Тут сидѣла же душа красна дѣвица,
Она шила-вышивала шириночку,
Шила-вышивала чистым серебром,
Она строки строчила красным золотом,
А тутъ зáзрѣл-засмотрѣл доброй молодец:
Я пойду, да доброй молодец, во кузницю,
Искую три пилы, три булатные,
Потпелю же я берёзу кудреватую,
Уроню же я з берёзы высок терéм!
А тут услышала душа красная дѣвица:
И не ходи же, доброй молодец, во кузницю,
Не куй три пилы, три булатные:
Ну, и будетъ время — сама сойду,
(Сама сойду), за тебя пойду.

17.

(2).

Виноградье красно!
Ищут же ребята государев двор
Виноградье красно! [1])
Государев двор — середи Москвы
Серед площади.
Вокруг этово двора — желѣзной тын
На кажной тынинкѣ по маковкѣ,
По крестицьку, по земчужинкѣ,
Што во том во дворцѣ три терема стоят,
Три терема златоверхи,

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха

В первóм терему свѣтёл мѣсяц,
Во втором терему красно солнышко,
В третьём терему — часты́ звѣзды.
В котором терему свѣтёл мѣсяц, —
Государь сидит;
В которомъ терему красно солнышко, —
Государыня сидит;
В которомъ терему́ — частъ́ звѣзды —
Малы дѣтушки сидят.
И што понынѣче хозяина дома нѣт?
Уѣхал хозяинъ в Царь-город, —
Суды судить и ряды рядить.
Сослал женѣ серебреной грош,
Исшо сослал золоту́ гривну, —
На меду пропью;
Исшо сослал золоты свои ключи
Ко тому же ко Василью Кесарецкому.
Принимай, сударь—хозяин,
Золоты свои ключи,
И отпирай, сударь—хозяин,
Золоту свою казну,—
Одѣляй, сударь хозяин,
Удалых молодцов,
Донскихъ козацьковъ

———

18.

(Поется на новый годъ райщиками).

Пришли славца
К добру́ господину;
В дому получили
И хозяина звали
На пир пировати;
Хозяюшку звали

Столы столовати;
Сыновей ево звали
На стрильбишше;
Доцерей ево звали
На игришше;
Хозяину дали
Сто рублей денег,
Хозяюшкѣ дали
Кунью шубу под отласом,
Сыновьям ево дали
По доброму коню по вороному,
Доцерям ево дали
По вѣноцьну по злотому.
Нам же славцям
Не руп-полтина, —
Единая гривна;
Пива братыня,
Яич коробиця,
Скленица вина,
Бочка квасу,
Морда рыбы,
Блюдо шанек,
Ставец оладей
И масла крыниця.

19.

Зуекъ.

(Поется на новый годъ райщиками).

Ах ты, Сенька, ты Сенька-Семен!
Осподин, в Москвѣ не бывал!
Осподин, зуйка не видал!

Не велик зуёк сѣренькой,
У ево задок бѣленькой,
Право крылышко сѣренькое,
У нево ношки жолтенькіе.
Чи-ги виль-виль зуенёк!
Испорхнул-полетѣл за рѣку,
На болото, на травоньку,
Весной на проталинку,
Ко Потанькѣ на зеленой лужок,
Он носиком травку клюёт,
Правой ножкой притоповает,
Над Потанькой насмѣхается:
Танька — Потанька — мужик,
Ты постав-ко постав крупик,
Волосяно силышко,
Крутолобу лапоцьку! —
Попадал-попадал зуенёк
В волосяно силышко,
В крутолобу лапоцьку
Своей правою ноженькою
И своим правым крылышком:
Праву ношку повыломал,
Право крылышко повыдергал.
Пріѣзжали с Осударева двора,
Взели—поймали зуя,
Посадили ево в санки́,
Во сани́чики ризаные,
Во оглоблецы писаные;
Привезли зуя в Москву
К благовѣрному нашему царю,
Посадили зуя на стол,
По грѣхам и выспрошали,
По редам и выщитали;
На спинѣ колаци пекли,

И преники жареные,
Сапогам напецатаные.
Полежал зуенёк на боку
Спорхнул—полетѣл за рику, —
Ко своёй и молодой ко женѣ,
Марьи Екимовнѣ. —
Гдѣ, зуенёк, побывал? —
Побывал зуенёк в Москвѣ,
У царя на потѣшностѣ,
У Потаньки на похвальбѣ.

20.

Илей.

(Пѣсни, носящія эти названіе, по имени упоминаемаго въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пророка Ильи, поются при гаданіи перстнемъ, подъ новый годъ).

А.

Илья ходитъ пророк по полю,
Сцитает суслонцики цястеньки, —
Во первом то полѣ сто суслон,
Во другом то полѣ тысяца,
Во третьем то полѣ смѣты нит;
А смѣта ево у цяря в Москвѣ
У цяря в Москвѣ в золотой казнѣ.
Кому поём,—тому выпоём
Кому мѣцем,—тому вымѣцем,
Кому жить богато—ходить хорошо.

Б.

Што ходит Илья пророк по полю
Сцитает грудоцки, —

Во первом то полѣ сто грудоцек,
Во другом то полѣ тысяца,
Во третьем то полѣ смѣту нѣт;
А смѣта ево у цяря в Москвѣ,
У цяря в Москвѣ—в золотой казнѣ.
Кому поём—тому выпоём,
Кому мѣцем—тому вымѣцем
Кому жить богато—ходить хорошо!

В.

Сидит старик за ступкою,
Спитает деньги на три грудоцьки;
Во первотой то грудоцькѣ сто рублей,
Во другой-то тысяця,
Во третьей-то смѣты нѣт,
Смѣты нѣт да не сосмѣтовати;
Смѣта ево у цяря в Москвѣ,
У цяря в Москвѣ в золотой казнѣ.
Кому поём—тому выпоём;
Кому мѣцем—тому вымѣцем;
Кому жить богато—ходить хорошо!

Г.

Сидит старикъ на палатях,
Старуха на пеци в углу.
Старик говорит:
Станём сына женить,
Старуха говорит:
Станем доць отдавать.
Выпойся, пѣсенка, на сцесливаво,
На таланливаво!
Кому поём—тому выпоём,
Кому мѣцем—тому вымѣцем,
Кому жить богато—ходить хорошо!

Д.

Греблись—греблись куроцьки
У цяря под окном;
Выгребли куроцьки
Три зёрнышка.
Во первом то зёрнышкѣ
Ви́но курить,
Во другом то зёрнышкѣ
Пиво варить,
Во третьем то зёрнышкѣ —
Хлѣп пекци.
Кому поём—тому выпоём,
Кому мѣцем—тому вымѣцем,
Кому жить богато—ходить хорошо!

21.

Сѣю—вѣю, завѣцею:
Уродися, мой бѣлой лён,
Тонок, долок, высоконек!
С кѣм мнѣ да будёт
Лён-о-т рвати—горевати?
Свёкор-о-т бает: я с тобой,
Я с тобою, со снохою,
Со снохою с молодою.—
Цёрт—не рванье—гореванье:
День-о-т про́йдет во браненье,
Ноцька станет во журенье.

Сѣю—вѣю, завѣцею:
Уродися, мой билой лён,
Тонок, долок, высоконек!
С кѣм мнѣ да будёт

Лён-о-т рвати—горевати?
Свекровка бает: я с тобой,
Я с тобою, со невѣсткой,
Со невѣсткой молодою. —
Цёрт—не рванье—гореванье:
День о-т пройдет во браненье,
Ноцька станет во журенье!

Сѣю-вѣю, завѣцею:
Уродися, мой билой лён,
Тонок, долок, высоконек!
С кѣм мнѣ да будёт
Лён-о-т-рвати—горевати?
Муж-о-т бает: я с тобой,
Я с тобою, со женою,
Со женою с молодою. —
То-то рванье—любованье!

22.

Не думала сиводни угорѣть,
Пришол вецер—голова стала болѣть:
Всё угары зашумѣли в головѣ.
Самовары закипѣли на столѣ,
Цяйны цяшки забрецѣли во шкапѣ.
Какъ по улицѣ метелиця метёт,
За метелицей мой миленькой идёт,
За собою ворона коня ведёт;
За конём ево любезная идёт,
Крыцит: Сашенька, постой таки, постой!
Мнѣ литароцку настрой, настрой, настрой!
Как у дивици русые волоса,
При гребёноцьки приколота коса, —
Я за то её цилую три раза.

23.

Ох, и що ныньце за годы!
Цежело больно народу!
Солдацьвица цястыѐ,
Наборушки большіе.
Идёт армія солдатов, —
Всѣ солдаты плацют;
Един солдат не плацет,
И он по арміи гуляет,
И он во скрипоцьку играет,
Всѣхъ солдатов утѣшает:
Вы не плацьте-ко солдаты! —
Што, как же намъ не плакать:
Наши домы удалили,
И отци-матери устарѣли,
Наши жёнушки гуляют,
Наши дити сиротают.

24.

Не пора ли мнѣ, соколенкѣ, домой?
Не пора ли мнѣ, голубушкѣ, домой?
Мене дома дожидаютця;
Всѣ фабришны собираются.
В людяхъ мужевья добры:
Покупили женам цёрные бобры;
У меня мужицёк-дурацёк:
Не купил мнѣ ко цёрной бобёр,
А купил мнѣ коровушку,
Лишную заботушку.
Сяду под коровушку,
Зареву во всю головушку;
Медвѣдушко—батюшко мой!

Задери мою коровушку,
Лишную заботушку! [1])...
По за лѣсу—по зара́менью,
По за цистому полю,
По за синему морю...
На ще, маминька, хорошу породила меня?
Мнѣ нельзи к обидни ходить,
Мнѣ нельзи Богу кланяться:
Попы поют — мѣшаются
Декона улыбаются,
У меня титьки болтаются.
Подбѣжал ко мнѣ Олешка попок,
Посулил полтара рубля платок;
Мнѣ платоцька носить хоцетця,
А попа любить не хоцетця.

25.

(Поется послѣ свадьбы).

По улицам воробушек
Попархивае,
Красныхъ дѣвушёк-молодушек
Засматривает:
Подьте, дѣвки к нам,
Подьте, красны к нам!
Старых то баб нам не надобно;
Старых то баб на болото гнать —
Жеравиха брать.

---

[1]) Здѣсь должна бы оканчиваться пѣсня; слѣдующіе три стиха приплетены сюда не кстати, видимо изъ какой то другой пѣсни; послѣдніе 10 стиховъ составляютъ самостоятельную пѣсню (см. выше, № 4). № 24 представляетъ слѣдовательно безсвязное сплетеніе двухъ пѣсенъ и обрывки изъ третьей.

Красны дѣвици говорят:
Нам своя воля гулять,
Нам своя воля гулять, —
Отци-матери велят,
Отци-матери велят,
По ширинцкѣ сулят.
По кумашницку.
Молоду́шки говорят:
Нам нѣт воли гулять:
Гулять — мужевья не велят,
Мужевья не велят,
Шелковы плети сулят,
Шелковы плети сулят,
О семи хвостов,
О семи узлов
Первое стѐгнет —
Так сем рубцёв,
А другоредь то сте́гнет —
Так четырнатцать,
Третьее сте́гнет —
Так дватцать один,
Убил да устегал,
На постелю спать услал,
Тремя шубами одил,
Да кулаком пригрозил,
Вышел на улицу—росхвастался:
Как у мое́е жены
Да спи́на писаная,
Рёбра сцитаные!
Я со этих со побой
Да три недѣлюшки лежала,
Три недѣлюшки лежала,
Да хлѣба—соли не ѣдала
И людей не знала.

На цетвёртую недѣлю
Стала справливатьця:
Стала хлѣп поѣдать, —
Три пеци хлѣба съѣла,
Да пять пут толокна.
Пять пут толокна,
Да пять ведёр толокна,
Да быка третьяка,
Три корыта киселя,
Сви́нью супоросу,
Пятьдесят поросят.

26.

(Свадебная).

Я не знала — не вѣдала,
Ко мнѣ сватья пріѣхала,
Молодая, хвастливая
И такая говорливая.
Она сватала — хвастала:
У (имя жениха) двор на семи верстах,
На семи верстах с половиною;
Крыша зелѣзная,
Жолобья мѣдные,
Столбы каменные,
Подворотьиця рѣшесцета,
Ворота стекольцяты. —
Я не знала-невѣдала,
Пожила так провѣдала:
У (№№) дом на семи шагах,
На семи шагах с половиною;
Крыша опустилася
И жолобья обвалилися,
Ворота́ тѣ дранцятые,

Подворотенка жердяная...
Наварю пива пьянова,
Зазову сватью в гости к себѣ,
Сотолкну сватью со́ крыльця,
Проломлю сватьѣ голову
За такоё за сватаньё,
За пустое за говореніё.

27.

(Шуточная; поется на 3-й день свадьбы).

Повади́лась куроцька
На боярской двор,
Куроцька бѣленька,
Хохолоцек цёрненькой;
Повади́лась к пѣтушку,
К боярьскому пѣтушку;
Боярьской пѣтушок
Гораз курицёк топтать;
Он зацял топтать,
Она зацяла клоктать; —
Постой, курка, не клокци! —
— Посто́й, пѣ́тух, не топци!
Пойду батюшку скажу,
Пожалуюсь мамонькѣ. —
Истоплю ко ба́нюшу,
Позову ко Ва́нюшу:
Гораз Ванька па́рити,
Руцки-ножки гладити!...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

28.

(Поется при пляскѣ кругомъ бани, въ которой моются молодые).

Ох ты Дунюша,
Ох ты любуша!
Нихто Дуню не любит,
Нихто в гости не зовёт. —
Ко мнѣ Ваня приходил,
Друг любезной пригулял,
Вынимал-добувал
Своё бѣлое перо,
Он и зачал писать —
Пошла Ду́няша плясать...
. . . .
. . . .
. . . . [1])

---

29 [2]).

Как у сокола голова болит,
Болит буйная . . . .[3]).
Чѣмъ бы соколу связать голову?
Свяжу голову лентой алою,
Лентой алою, объяринною,
Трёх-аршинною, трёх-полтинною....
Какъ у молодца кудри русые
По плечам лежат, по бровям висят.
Мимо ѣхали князья-бо́яре

---

[1]) Послѣднія строки этой пѣсни и предъидущей къ печати неудобны, почему и опускаются.

[2]) Эта прекрасная пѣсня не принадлежитъ Вятской губ.; она поется въ Уфимской, записана мной въ г. Слободскомъ отъ стерлитамакскаго купца г. Фадеева.

[3]) Слово опущено: пересказывавшій пѣсню не помнитъ его.

Становилися-дивовалися:
Еще чье это чадо милое,
Хорошо больно испорожено?
Спородило ево красно солнышко,
Воспоил-воскормил свѣт-свѣтёл мѣсяц,
Возлелѣяли звѣзды частыя! —
Ах вы глупые, князья-бо́яре!
Не разумныя ваши головы:
Спородила меня родна матушка,
Воспоил-скормил родной батюшка,
Возлелѣяли няньки-мамушки,
Няньки-мамушки, сѣнны дѣвушки.

30.

Не деревнюшка большая!
Молодёж баска́я!
Молодёж хорошая!
Дѣтинушко бравой,
Дѣтина парень бравой,
Сам бѣлой-кудрявой,
Сам бѣлой-кудреватой,
Холост-неженатой,
Неженатой-холост!
Холостой парень голубцик
Запил-замотался,
Парень запил-замотался,
С кручиной связался,
С кручиношкой связался, —
С дѣвушкой спознался.
С дѣвушкой спознался,
Сказал дѣвкѣ слово,
Слово-словецико тайно:

Ты полюбила, дѣвка, парня,
Парня не худово,
Бѣлово, басково,
Ивана Петрова,
Наш Иванушко Петровиц!
Не вó время ходиш,
Как не во время ходиш,
Не порой гуляеш!
Ты ходи-гуляй во время:
Вецером попозже,
По утру пораньше!
Не по травонькѣ зелёной,
Не по цвѣтикам шелкóвым,
Ко мнѣ милой ходит;
Ходит ко мнѣ миленькой,
Ходит, ко двору подходит,
Да и на крылецько зáйдет,
Во колецико брякнет;
Стукнул-брякнул в колецико,
Взвеселил сердецько,
Взвеселил моё сердецико.
— Отпирай же, ты, скорѣе,
Отпирай скорѣе,
Пропускай смѣлѣе,
Постели постелю,
Клади изголовье!

31.

Ково я любила,
Тово здѣся нѣт;
Ково ненавидѣла,
То всё на глазах,

При глазах, при глазоньках,
При ясных оцах.
Свѣтил, свѣтил мѣсяц,
Свѣтил молодой,
Просвѣтил доро́женьку,
Куда мил ушол,
Ушол-прошол миленькой
По улицѣ вдоль; (2-жды)
Во крайной во двор.
Во крайном во дворѣ
Вдовушка живёт.
У вдовушки дѣвушка
Доцька хороша
Доманидушка душа!
Домна, Доманидушка!
Растворяй ворота,
Растворяй широкі́е, —
Пропушшай жо меня,
Доброво молодца! —
Ты добренькой, молоденькой!
Да не в пору пришол,
Пришол не́ в пору, не времецко:
Поздо ввецеру.
По горницѣ хожу,
Голову цешу,
Цешу (3-жды) голову,
Цястым гребешком,
Заплетаю косуньку,
Косу в три ряда,
Заплетаю лентоцьку,
Ленту в три рубля.
Ленту эту лентоцьку,
Батюшко купил,
Голубую лентоцьку

Да милой подарил;
За эту за лентоцьку
Три года любил
На цетвёртой годицёк
Пряницком кормил.

32.

Сердецько да сердеценько,
Сердецько пецяльно,
Тужит безперестанно
Всё по прежней волюшкѣ.
Кабы прежня волюшка,
Нажила бы крылья,
Крылья лебедины,
Перье павинно;
Знялась бы высоко
Да и улетѣла,
Улетѣла б далёко
Да й не показалась,
Вниз бы опустилась,
Сѣла б на окошко, —
Сизым голубоцьком,
Стала б ворковати,
Назолу давати
Серцю ретивому,
Своему да милóму
Батюшку да родному,
Матушкѣ да сударынѣ.
Матушка да сударушка
Тяжело да вздыхала,
Меня вспоминала,
Постелюшку слала,

Зголовьецё клала,
Клала зголовьё высоко
Одѣяло тёпло.

33.

Шла Машéнька по рѣкѣ,
Да Иванушко берешком,
Несет рýжье на плецах,
Цёрну шляпу на кудрях,
На шляпóнькѣ бархата,
На улúцѣ красота,
Работать в полѣ нельзя,
Пойду-выйду молода
Да за новые ворота,
Да з̆а новые, кленовые, —
В цисто полюшко зайду,
Погляжу я за рѣку,
За быстру за рѣцюшку.
Как по быстрою по рѣцькѣ
Не сем сот лóток пловёт,
По сем сот молотцёв,
По двѣнатцяти грепцёв,
Грепци грянут и грянут, —
Все весёлушки ревут,
Дворянинушка журят:
Дворянин ты, дворянин!
Ты цѣм пожалуеш меня? —
Я первым то паровым,
Другим-полем яровым,
Третьим — денежной казной. —
Я на эти то на деньги
Всё палаты заведу,
Я каменны палаты

Под хрустальной потолок,
Хуже ли не хуже
Государева дворця

34.

Не во Питерѣ в городѣ,
Люли-люли в городѣ!
На Митревской на горѣ,
Люли-люли на горѣ [1])!
Тут Олександрушка на конѣ,
Тут Семеновиц на дворѣ.
— Ты, Овдотьюшка, подойди?
Ты, Федоровна, поклонись!
Я сама, сударь, не могу:
Хоцю пряницков на меду,
Сладкихъ яблоцков из саду,
Цяю-кофею с сахорóм,
На подливоцку — сладких сливоцёк,
На закусоцку — булоцьку,
На прикусоцьку — утоцьку.

35.

Ой вы, гости-гостеньки!
Ай ли, ай лели [2])!
Вы приди ко те ко мнѣ,
Посидите у меня:
Я вам пѣсенку скажу
Про судьбицю про свою:
Три я годичка служил,

---

[1]) Такъ послѣ каждаго стиха.
[2]) Такъ послѣ каждаго стиха.

Ни об цём я не тужил:
На цетвертой на годоцек
Стал я серцем тосковать,
Стал я письма посылать
Об любезной о своёй.
Ох ты, жонушка-жена!
Хорошо ли ты жила? —
Иванушко, хорошо!
Хо̀дь бы годоцёк ешшо!
Ходь бы годик, ходь бы два
Погуляла молода,
Из за Васи русака,
Как у Васи русака
Росла дѣвка высока
В косѣ лента широка;
Що пошире, поалѣе,
Цѣловать её милѣе,
Цѣловала-любовала,
Надёжинькой называла:
Ты Надёжа, мой дружок,
Ты сердешной животок!

СКАЗКИ.

1.

Богатырь Осипъ Прекрасный.

Жили прежде два старика. У нихъ только, у двухъ братьев, был один сын. Ему названиё Осип Прекрасной: он был больно сперва хорош. И приключилась ему болѣсь (скорби, значит). И эти старики задумали сдѣлать ему помочь — на полѣ хлѣб сѣяти. Ево оставили одново дома.

К ему евился ангил, и баит он ему, что — выпей пива чашку, Осип сказал: как я встану? Я не встану: года три лежал.... Встал, выпил чашку пива — не всю: сдѣлался здоров. Спросил ангил: што теперь здоров, Осип Прекрасной? — Здоров, слава Богу! — Выпей ешшо, — всю, говорит.... Теперь, Осип Прекрасной, проворен ли (сильной, значит)? — Силён, говорит, я теперича: был бы в небѣ, в землѣ столп, было бы в столбѣ кольцо, — за ето кольцо поворотил бы всю землю, кажетса. (Стал больно проворен). — Ангил сказал ему: ну, когда ты силён так — куда у тя было обвѣшшаніе ѣхать? — У мня, говорит, было обвѣшшаніе ѣхать в Кіев град через рицьку Ребинову, через моста калиновы, церез Соловья розбойника. — Поѣдеш ты церез Соловья розбойника, — купи коня, говорит, у сусѣда. И поведёт он коня на базар, ты увидиш и останови; што он запросит, то й дай. — Запросил он по хресьянски десять рублей. Велѣл своему отцу оддать деньги. Оддал отец деньги. И корьмил коня сын ево. И конь ево стал отъѣдатса, и поправлятса, и силы своей набиратса. И год кормил он ево и два, потом конь сильной больно стал.

Благословляетса у своево отца ѣхати. Отец ему говорит: как ты, сын, тут проѣдёш? Никто не проходил, не проѣзжал. — Ну, благослови: поѣду — што будет.

И поѣхал церез рицьки ребиновые, церез моста калиновые, церез Соловья розбойника. И услышал Соловей розбойник, што ѣдет богатырь — Осип Прекрасной, и сосвистал свистом въ полсвиста. Пал ево конь на колѣнки. Ударил своево коня палицею (у богатырёв были такіе большіе палки, в родѣ кнута). «Што ты, конь, али в лѣсу не бывал, лѣсной птичи не видал?» — Конь обретивился опять бѣжать и прытчѣе тово ешшо. Соловей розбойник услышал, што Осип богатырь не далёко ѣдет, и сосвистал всѣм свистом. Конь упал на колѣнки. Ударил своево коня по кожѣ, — кожа идёт до ребра, рёбро до́ серца. Обретивился конь бѣжать своим серцем. И видно стало Соловья розбойника: на трёх дубав у нево соловьино гнѣздо.

Увидѣл Осип Прекрасной Соловья розбойника, и натягает на лук калёную стрѣлу, пушшает Соловью в правой глаз. Повалил Соловья розбойника с дубу и из гнѣзда своево. Подскакал Осип Прекрасной, подхватил ево. — «Стой же ты, Соловей розбойник! Ты, лѣсная птица, не бывал в Росіи; надо в Росію съѣздить!»

И причалил ево к стремену, и ѣдет церез рицьки ребиновы, церез моста калиновы. И увидѣла дочи́ Соловья розбойника, говорит своим братовьям: гли-ко, братья! Вы лежитé, тятенька наш стараетса: везет нам опять поисти. — Другая вышла, пушше розглядѣла: братья! Тятенька наш, говорит, привязан! — И онѣ поднялись опять, осерчали. — Какой там нашово отца потребил? — Сильной богатырь Осип Прекрасной. — Вот онѣ ему на встрѣчу ѣдут. Ужо отец отвѣчает имя́: дѣти мои! Не ѣздите (рукой машет): пропадитé и вы. — Они й не поѣхали на стричу ему. Зовут ево к себѣ, Осипа. — Он на это не согласилса. — Поѣдем в Россію — повидать русково царя, говорит. — Пріѣзжает Осип в царской двор. Ужо всѣ богатыри собрались от обидни. Приходят. Подал царь имя́ по рюмки. Выпили по рюмки и стали похвалятса силой своёй, и стали говорить: есть тамъ у нас мѣсто непроходное церез рицьки ребиновы, церез моста калиновы, церез Соловья розбойника. Хто у насъ тут бывал? — Осип Прекрасной, младой юнош сказал: я, говорит, кажетса церез тѣ мѣста бывал. — Двинадцать богатырей не повѣрили ему. — Гдѣ тебѣ, молодому юношу, бывать! говорят. — Бывал, и Соловей розбойник, говорит, ужо на царском дворцѣ. — Не повѣрили и этому, доложили царю. Царь узнал и допросил ёво. — А'ли жо здись у тя Соловей розбойник? говорит. — Здись Ваше великое императорство! — Ну, когда здись — он тебя слушает? — Слушает, говорит. — Приведи Соловья розбойника в комнаты мои и застав посвистати. — Бѣжал Осип Прекрасной за Соловьём, привёл ево в комнаты, и взял он царя под правую пазаху, а царевну под лѣвую, и зажал их, и приказал Соловью розбойнику свистѣть. Соловей розбойник сосвистал — окна вы-

шип. Говорит Осип Прекрасной: перестань, Соловей розбойник! — Он не слушавши ево. Как взял Осип Прекрасной шляпу с себя и ударил Соловья розбойника и ушип ево. 12 богатырёв пробовали ёво выбросить за окно: царь приказал, — не мог ево никто взяти. Осип Прекрасной взявши и бросил ево; хотѣл в окно, и ударил промеж окнов в простѣнок бутто, и прошип простѣнок этот. Царь благословил ево большим братом быть: всѣх сильнѣе он....

2.

Богатыри: Алеша Поповичъ и Никита Добрыничъ.

Заводилася у нас скаска от куричей пляски, от свиньёй виноходой. Эта свинья-винохода доброво молодца пс бесѣды выживала. Она от ево сыта перебывала. Это не сказка — прискаска. Стану лгать и врать. Штобы не мѣшать!

У нашево Петра Михайлыца заводился бал. До полу́ сыти наѣлись, до полу́ пьяны напивались. Стал бал на веселѣ. Пишет тур турецкой и король королецкой и нашему Петру Михайлыцу, бѣлому царю, письмо нерадошное: всю ево землю испройду, ево в полон возьму и ево жену изнасильничаю.

И пишет нам бѣлой царь, по своёй церности: не найдётся ли таких то споединщиков на Идола Идолыча, — ис тѣх то ис хрестьян из рядовых и из мѣшшан, ис попов и из дяков, из нисшей обратьи? И пріѣхали споединшики, два брата: Алёша Поповиц, Микита Добрыниц, два братца родные: и матери розные и отца не одново. И пріѣхали к бѣлому царю к полатами, и коней не привязали и никому не приказали, и — сами к бѣлому царю в полаты.

Здрастуйте, наш бѣлой царь и не печальтесь и некручиньтесь: дѣло по нашему будет. — Наш бѣлой Царь выходит со

слугами и подносит этими споединшиками зелена́ вина полтора ведра десятишную цяшу, и обѣм руками со слугами: испей ка. Алёша Поповиць! — Алёша Поповиць одной рукой принимает, на один дух выпивает. — Поднеси-ко, говорит, наш бѣлой царь, Микитѣ Добрыницю, обѣм руками и со слугами. — Добрыня на один дух выпил и соловьём сосвистѣл: наш бѣлой царь не пецялься, не круцинься: дѣло всё по нашему выйдет. Вынес наш бѣлой царь сѣдла нѣмецкіе, патпруги шелковы. Стали на коней накладывати сѣдла — изо всево Петенбурху окольницы и выпадали, ис церквей кресты повалились. Здѣлался шум. И стал бѣлой царь наказывати и етим жо молодцам: вы, молодцы, государевы стрѣльцы! говорит. Вы поѣдёте — на заповѣдных лугах ко́ней не кормите; есь по етим по лугам поѣдете, и не дадут по етим лугам звири пробѣжать и не дадут птици пролетѣть. Звирь побѣжит — траву стопчет, а есь птиця пролетит — траву засерет. Они ѣхали, серяд лугов шатры роскинули и придумали коней покормить. Есь звирь побѣжит — травы мало потопчет, а птиця полетит — много травы засерет. Шатры роскинули и здумали отдохнуть. И Олёша Поповиць лёг отдохнуть а Микита Добрыниць по лугам погулять пошол. В ретивое в серце входит и тугой лук натяга́ет и спускает калёную стрѣлу к Идолу Идолыцу, 90 вёрст не доѣхавши в полаты к Ыдолу Идолыцу. И зашумѣло-загремѣло. И пробудилса Алёша Поповиц. — Што? малой братишка пошутил? говорит. И пошол он погулять по лугам. В ретивое серце входит, тугой лук натягает, калену стрѣлу спускает за 90 вёрст. И оторвало полпалаты. Выходит Идол Идоловиць. Што же? говорит. Над нам пошутил? Или Бог или раб у нас оторвал полпалаты. — И воротилса назад в полаты. Я не могу сказать, говорит, кто пошутил: Бог или раб. Ежели, говорит, кабы Бог пошутил, так сдѣлался бы дош и гром и туча-погода: стало быть раб поиграл над нами за то, што бѣлому царю напрасленные нашли. — Они прiѣхали к палатам Идолыца вдруг — Алёша Поповиц и Микита Добрыниц. Коней не привязали и никому не приказали и сами к Ыдолу Идолыцу в полаты взошли. Богу помолились, на

всѣ стороны цетыре поклонились. — Здрастуйте, Идол Идолыц! Мы молодцы и пріѣхали к вашим полатам, коней не привязали, никому не приказали. Здрастуй, наш Идол Идолыц! — Он и говорит: принеси ко те мнѣ семеры вилы: здыните мои брови: я погляжу на их. — Зпели ево брови семерым вилам; он и поглядѣл на них. — Я на одну руку посажу, и с коням, говорит, другою хлопну: одна грязь будет! — Олёша Поповиц и говорит: малой братишко! Поди да возьмись за шелко́вой поясишко. Он и подходит. Одной рукой и принимается, мизинцем, за шелковой ево поясишка. Поднял он выше себя, в пол ево воткнул головой. А он не велик: три аршина в крыльцях (крыльца — плéца), палтара аршина во лбу, три цетверти нос. И таперица поднял он ево выше себя, воткнул в пол, говоритъ ево помошникам: возьмите посыплете ево труп: пускай свиньи наѣдятся... Приходит и к помошнику, берёт ево за шею: тебѣ, говорит, это жо будёт, што Идолу Идолыцу пришло! — Он и засулился бѣлому царю. Што, говорит, вам угодно, какую дань, такую и заплатю, говорит. — Ежели, говорит, нашему царю заплати́те дань сорок сороков силы полков, сорок сороков казны несмѣтной: у нашево у Петра Михайлыца сила вся шла от Идола Идолыца... Идол Идолыц дань заплатил бѣлому царю...

У нашево у Петра Михайловица заводился бал. До полусыта наѣлись, до полупьяна напивались. Пили и пировали и на верхных спокоях. И я тут пировал, и я здѣлался пьян. И пошёл с верхных спокоёв, и упал я по лисницѣ. И во дворѣ ходят конюхи, и спрашивают меня: што тебѣ надо? — А мнѣ бы надо лошатку. — Какую тебѣ дать лошатку? Дать тебѣ лошатку костяную, — ты, говорят, загониш ее; давай я тебѣ дамъ лошатку леденую. И я на лошаткѣ ѣду, — под гору́ больно хорошо ѣду, а на гору́ сам волоку. И к деревнѣ под гору́ подъѣзжаю. Здѣлался пожар. И доѣзжаю до самово до пожару. И была у меня шапка с пухом, рукавици мои были берестяные и узда коноплянная (на лошади́), плётка была гороховая. Пріѣхал я — лошатку привяза́л: лошатка с жару ростаяла, шапка с пухом пыхнула, рукавици берестяные

— головешки таскал — скорчило их, узду конопляннуюворобьи обили, а плётку гороховую голуби оклевали. И пошол я с пожару, заплакал: ѣхать не на ком стало: лошатка с жару ростаяла, шапка и пр. (какъ выше). Не при чом остался

3.

Русскіе и Черемисанъ.

Я ходил бурлацить. И шол я по волоку. Сидит Церемисин на ёлкѣ. Я иду и говорю Церемисину: ты, Церемисин, упадёш!— А как ты, говорит, знаеш, што упаду. Отгони. Как я упаду, — а вного ли у меня коров — семая твоя. — А он, на которому суку́ стоит, тот и рубит. Как он тюкнул, так и упал с тѣм суком. — Ай-яй! говорит, — вного знаеш. Когда, говорит, мнѣ будет смерть? — А у ёво у ёлки стоит пѣгая кобыла. — Ты поѣдеш въ лис, и как пѣгая кобыла трое п . . нет, так тебѣ и смерть.

И этот Церемисин до (с?) той поры в лис не ѣздил: смерти боялся; изрубил в домѣ всѣ лавки, всю избную подѣлку: здѣлалось в лѣс ѣхать: нечево въ домѣ рубить. Поѣхал в лѣс, нарубил воз дров и наклал; сам на воз сѣл. Как понуди́л свою кобылу, — она у ево п . . нула. — Ох, говорит, ешшо два рас — и мнѣ смерть! говорит. И выѣзжает изо сторонки на дорогу. Второй рас п . . нула, опять. — Ешшо один рас, и мнѣ смерть будет, говорит Церемисин. Послѣ выѣхал на большую дорогу, и вос у ево извалился. Он понуди́л свою кобылу: в третей рас п . . нула Церемисин тут и упал, водлѣ вос. Ѣдет по трахту емшикъ. Кобыла поперек дороги. Емшик говорит: убирась, — Церемисину, — убирась с дороги! — Нит, емшик: мнѣ смерть моя пришла; здись умирать стану! — Емшик соскоцил с козел, давай Церемисина своим витнём (бичем) дуть. — Убирась с дороги! — Нѣт, емшик: мнѣ моя смерть пришла: здись умирать стану! — Он ево

до той поры, емшик, своим витнём дул-дул-дул, — Церемисин сѣл на свой вос.—Покорно благодарю. емшик, на том што отворотил меня от смерти! — Церемисин сѣл на вос передом емшика, уѣхал. — Спасибо тебѣ, емшик: кабы не ты, я бы смерть полуцил. Благодарю тебя на том, што я бы безвѣшно погиб.

4.

Матроселко.

Раньше у помѣщиков были люди крѣпостные. У одново помѣщика жило 12 человѣк. Они жили у нево 15 лѣт. Ну, они у нево выпросились домой на три года. Ну, черес три года евляется одинадцать к нему. Ещё черес три года евляется двѣнадцатой. Барин! говорит—возьми меня, говорит: я говорит, твой.—Как, говорит, мой? — Ты отпустил 12 человѣк, к тебѣ пришло одинадцать.—Так ты тот самой Матроселко? Чево ты дѣлал? — Стыдно сказать и грѣхъ потаить: воровать учился. — Научился? говорит. — Да, научился. — А можеш ли у меня быка украсть из за пáстуха? — Могу.

Пáстух выгоняет скот на луга, и проходил до вечера. Пóгнал домой. Матроселко забѣжал вперёд и сапог один сбросил с ноги. Сам в лѣс. Пáстух догоняет, видит — на дорогѣ лежит сапог, взял ево пнул: кабы, говорит, два, — я бы взял; а один на што мнѣ? Пошол. А Матроселко взял сапог, забѣжал вперед; опеть бросил на дорогу. Пастух догоняет и видит — сапог на дорогѣ лежит: кабы я, говорит тот-то взял да етот то, у меня, говорит, пара б была. Дай я, говорит, сбѣгаю за тѣм сапогом, а этот мимоходом возьму. Убѣжал за тѣм сапогом. Прибѣжал — сапога нѣт; и потом поглядѣл — быка нѣт.

Сказали помѣщику. — Позовите, говорит, Матроселку. — Матроселко! тебя барин требует. — Матроселко приходит. — Ты, Матроселко, быка украл? — Я. — Ай да молодец — Ма-

троселко! Можеш ли ты у меня украсть жерепца из за 12 замков, из за 12 караульшиков? — Могу.

Барин уѣхал в уѣз... Матроселко забѣжал с заднево двора и оболок на себя барской тулуп и выходит на крыльцо, крычит: караульшики! хочете ли выпить? — Што, барин! поднеси, так выпьем. — Поднёс. — Караульшики! хочете ли по другой? — Што, барин! поднеси, так выпьем. — Поднёс. — Караульшики! хочете ли по третьей. — Што барин! поднеси, так выпьем. — И они до тово напились, што всѣ легли. Он взял ключи и отпер всѣ двери. Приходит в конюшню, — на жерепцѣ сидит караульшик. Посадил он ево на перевод, ноги связал кушаком, да ево как чи́кнул, — он к низу башкой и перевернулся. Взял жерепца и увёл. Пріѣзжает помѣшик, — они всѣ спят — Што вы спите́? — Барин! ты подал нам по рюмкѣ, так мы и уснули. — Колды я вам подавал?—Ты, барин, как поѣхал, так выходил на крыльцо — подавал. — Колды? Я вам не подавывал. — Приходит в конюшню — жерепца нѣт; караульшик, который был на жерепцѣ, вѣ́сится к низу головой. Послал к Матроселкѣ. — Матроселко! тебя барин требует. — Сейчас. — Приходит к барину. — Ты, Матроселко, жерепца украл? — Я. — Ай да Матроселко — молодец! Можеш ли ты с под меня украсть и сундук с деньгами? — Могу.

Барин зажёг на всѣ на окошки по три свѣчи, и сам сѣл на сундук....

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

4. Владимірско-суздальскій и ярославскій край.

Въ промежутокъ времени съ октября до половины декабря я объѣхалъ большую часть владимірской губерніи [1]), значительную часть ярославской [2]), нижегородской [3]) и казанской [4]), и малую часть тверской [5]) и вологодской [6]) губ.

Въ вологодскую я только заглянулъ, въ тверской былъ лишь проѣздомъ; казанская и даже нижегородская (несмотря на всю важность, представляемую ею въ діалектическомъ отношеніи) имѣли для меня лишь второстепенный интересъ. Такъ какъ главною цѣлью я поставилъ для себя наблюденіе народнаго языка въ тѣхъ краяхъ, гдѣ русское населеніе осѣлось изстари; въ краяхъ, имѣющихъ значеніе историческихъ центровъ, то — послѣ новгородской области — въ предѣлахъ окающаго нарѣчія естественно долженъ былъ привлечь особенное мое вниманіе владимірско-суздальскій край и частью ярославскій.

---

[1]) Посѣтилъ слѣдующіе города и ихъ уѣзды: Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Юрьевъ, Александровъ, Ковровъ, Шуя, Ивановъ-Вознесенскъ.

[2]) Ярославль, Ростовъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ.

[3]) Отъ Нижняго до границы нижегородской губ. съ казанскою.

[4]) Казань, Чебоксары, Свіяжскъ, Царевококшайскъ

[5]) Тверь.

[6]) Вологда, Грязовецъ.

Сообщеніе о томъ, что я вынесъ изъ путешествія по этимъ краямъ, могло-бы быть сдѣлано мною Отдѣленію еще въ началѣ текущаго года, слѣдовательно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Это сообщеніе замедлилось по непредвидѣннымъ мною и независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Считаю не лишнимъ упомянуть о нихъ.

Уже на первыхъ порахъ своихъ странствованій я убѣдился, какъ не только важна, но рѣшительно необходима помощь мѣстныхъ жителей въ такомъ дѣлѣ, какъ то, за которое я взялся. Мнѣ казалось, что помощь эта не замедлится, — стоитъ только ясно выразить, въ чемъ должна состоять она. Отдѣленіе повидимому раздѣлило такое мое убѣжденіе, напечатавъ составленную мною «программу для собиранія данныхъ въ области сѣверно великорусскаго нарѣчія». Снабженный въ октябрѣ достаточнымъ количествомъ экземпляровъ ея, я думалъ, что болѣе, чѣмъ прежде, гарантированъ въ успѣхѣ дѣла. Личныя наблюденія тѣ сообщенія, которыя, на основаніи программы, предполагалось, сдѣлаютъ мнѣ, въ интересахъ науки, лица, знакомыя съ краемъ — должны были дать многое. Такое естественное ожиданіе оправдалось однако далеко не вполнѣ.

Между тѣми лицами, къ которымъ я обращался за содѣйствіемъ, нашелся лишь одинъ человѣкъ, затруднившійся обѣщать мнѣ его [1]); всѣ остальныя съ полною готовностью брались за дѣло, и—за двумя, тремя исключеніями — ровно ничего не сдѣлали.

Между тѣмъ мои личныя наблюденія во владимірской и ярославской губ. не были особенно счастливы. Не смотря на то, что я въ первой изъ нихъ посѣтилъ десятки селъ и деревень, многое изъ того, что мнѣ хотѣлось знать, осталось для меня неизвѣстнымъ. Два мѣсяца провелъ я въ Казани, куда должны были послѣдовать изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ обѣщанныя мнѣ такъ обязательно сообщенія, долженствовавшія пополнить

---

[1]) Директоръ народныхъ училищъ нижегородской губ.

пробѣлы въ моихъ личныхъ наблюденіяхъ. Ожиданія этихъ сообщеній оказались однако напрасными. Въ половинѣ февраля я уѣхалъ въ вятскую губ., откуда возвратился въ концѣ марта. Сообщеній не было [1]).

Я увидѣлъ себя вынужденнымъ посѣтить еще разъ нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ былъ уже зимою и осенью. Отославъ въ Отдѣленіе отчетъ о вятскомъ краѣ, я, въ половинѣ апрѣля, съ первымъ пароходомъ, отправился снова во влади-

[1]) Не могу обвинить себя въ томъ, что довѣрился сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніямъ: они шли отъ лицъ министерства народнаго просвѣщенія; лицъ, слѣдовательно, близко стоящихъ къ наукѣ, интересы которой, казалось бы, не должны быть чужды имъ. Главнымъ образомъ разсчитывалъ я на директоровъ народныхъ училищъ и смотрителей уѣздныхъ. Они, ревизуя училища по селамъ и деревнямъ, находятся въ частомъ общеніи съ народомъ, и, безъ особаго труда, при нѣкоторомъ вниманіи, могли бы сдѣлать не мало интересныхъ наблюденій надъ языкомъ его. Кромѣ того, находящіеся въ ихъ распоряженіи сельскіе учители не преминули бы, конечно, собрать и доставить имъ пригодный для дѣла матеріалъ, послѣдуй только съ ихъ стороны хоть косвенное заявленіе желанія имѣть таковой. Странно, что представители учебной администраціи въ 20, 30 и 40-хъ годахъ вовсе не отличались такимъ равнодушіемъ къ дѣлу науки, какъ нынѣшніе. Областной Словарь Академіи Наукъ составленъ, какъ извѣстно, въ значительной степени на основаніи сообщеній директоровъ, учителей и штатныхъ смотрителей. Находились прежде директора училищъ, по собственному даже, какъ кажется, побужденію, заботившіеся о собраніи данныхъ для характеристики народнаго языка. Директоръ ярославской гимназіи передалъ мнѣ не вошедшее въ опись гимназическаго архива «*дѣло* о собраніи провинціальныхъ словъ». Въ «дѣлѣ» этомъ находится нѣсколько списковъ мѣстныхъ (углицкихъ, рыбинскихъ, ростовскихъ, моложскихъ, любимскихъ) словъ и рапорты смотрителей, препроводившихъ эти списки директору училищъ (Клименку), въ силу его предписанія. Не безъинтересны эти рапорты для лѣтописи русскаго просвѣщенія. Въ одномъ изъ нихъ «отъ углическаго народнаго училища учителя и кавалера Любимова», между прочимъ, есть слѣдующія строки: «въ разсужденіи предписанія вашего ко мнѣ отъ 24 декабря прошлаго 1819 года № 238, о сдѣланіи вамъ каталога провинціальныхъ словъ.... я отношеніемъ просилъ Земскій Судъ, чтобъ благоволилъ дать знать мнѣ о таковыхъ, употребляемыхъ въ подвѣдомственномъ ему уѣздѣ словахъ; на что сей Судъ отношеніемъ... извѣстилъ меня, что онъ касательно тѣхъ словъ въ своемъ уѣздѣ видимости не имѣетъ. По сему сколько могъ я самъ собою отъ постороннихъ людей собрать такихъ реченій, сдѣланный мною онымъ каталогъ, при семъ имѣю честь къ вамъ препроводить». Способъ собиранія народныхъ словъ при посредствѣ Земскаго Суда, конечно, не можетъ не казаться забавнымъ, но неумѣлость вести дѣло все же лучше полнаго равнодушія къ нему.

мірскую губ. [1]). Сверхъ владимірской, я, въ эту поѣздку, остановился (на короткое, впрочемъ, время) въ костромской губ. [2]).

Отмѣтивъ прискорбный фактъ равнодушія къ дѣлу науки тѣхъ, кому ея интересы должны бы быть дороги, я тѣмъ съ большей признательностью долженъ упомянуть о лицахъ, оказавшихъ мнѣ свое содѣйствіе не на словахъ только.

Члены владимірскаго статистическаго комитета, жители г. Мурома, — Н. Г. Добрынкинъ и Е. П. Добрынкина, въ особенности послѣдняя, сообщили мнѣ многое касательно языка населенія муромскаго уѣзда. Большая часть нижеприводимыхъ данныхъ, относящихся къ этой мѣстности, извлечена мною изъ письменныхъ сообщеній, обязательно сдѣланныхъ мнѣ г-жою Добрынкиной.

Г. Рогозинниковъ, инспекторъ ярославской гимназіи, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на поляхъ моей программы о языкѣ населенія ярославской губ и кашинскаго уѣзда тверской губ.

Этими матеріалами я располагалъ уже въ январѣ текущаго года. Въ сентябрѣ, уже по возвращеніи въ Варшаву, я получилъ два экземпляра своей программы съ отмѣтками о языкѣ населенія ярославской губерніи — отъ директора народныхъ училищъ этой губерніи, г. Шпеера [3]).

---

[1]) Здѣсь я убѣдился, что изъ лицъ, отъ которыхъ я ждалъ сообщеній никто и не подумалъ навести хотя бы самыя общія справки по вопросамъ мною намѣченнымъ. Вообще, безучастіе къ моему дѣлу, въ средѣ лицъ нашего вѣдомства, нигдѣ не обнаружилось, ни раньше ни позже, въ такой степени, какъ во владимірской губ.—Во вторую поѣздку свою въ эту губ. я, сверхъ владимірскаго и суздальскаго уѣздовъ, гдѣ былъ и раньше, я посѣтилъ еще города Муромъ и Судогду съ частію уѣздовъ ихъ.

[2]) Кострома, Кинешма и отъ Кинешмы внизъ по Волгѣ, по пути къ Нижнему.

[3]) Кто именно дѣлалъ отмѣтки на поляхъ этихъ двухъ экземпляровъ программы, мнѣ осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Отмѣтки эти интересны и обстоятельны, и однако же лишь весьма немногое я могу ввести изъ нихъ въ настоящій отчетъ. Это потому, что — къ крайнему сожалѣнію — въ отмѣткахъ этихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ означена мѣстность, къ которой слѣдуетъ отнести ту или другую изъ сообщенныхъ звуковыхъ особенностей.

Въ разъѣздахъ моихъ по названнымъ выше губерніямъ (за исключеніемъ Вологодской) я поставилъ себѣ главною цѣлью— опредѣлить отношеніе, существующее между такъ называемыми сѣвернымъ и *восточнымъ* нарѣчіями.

Я не признавалъ дѣленія велико-русскаго языка на четыре части по четыремъ странамъ свѣта, различая въ немъ только два нарѣчія: окающее (сѣверное) и акающее (южное). Но было важно выяснить, точно-ли первое имѣетъ два подраздѣленія, какъ несомнѣнно имѣетъ ихъ второе.

Даль говоритъ (О нарѣчіяхъ, 34), что между владимірскимъ (восточнымъ) и новгородскимъ (сѣвернымъ) нѣтъ ни одного всеобщаго отличительнаго признака, и что всѣ частные признаки— отрицательные. Но и отрицательныхъ признаковъ достаточно, чтобы признать разность двухъ нарѣчій, или по крайней мѣрѣ поднарѣчій. Меня занималъ поэтому вопросъ: точно ли отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ.

Къ послѣднему Даль относитъ губерніи: Владимірскую, Ярославскую, Костромскую (частію), Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую. Въ Оренбургской я не былъ. Изъ остальныхъ шести я, по вышеуказанной причинѣ, въ послѣдующемъ приведу данныя, касающіяся языка лишь первыхъ трехъ, по преимуществу—первыхъ двухъ, какъ наиболѣе типичныхъ въ области восточнаго (по Далю) нарѣчія.

Какъ первый признакъ восточнаго нарѣчія Даль ставитъ слѣдующее относительно его утвержденіе: «Говоръ окающій, самый низкій; не только *о* никогда не обращается въ *а*, но даже и письменное *а* слышно тамъ только, гдѣ на него падаетъ удареніе; *о* произносится грубо, протяжно самою глубиною пасти, еще звучнѣе, чѣмъ въ нарѣчіи сѣверномъ; равно буква *е* чаще произ-

носится *ё; о* никогда не обращается въ двугласную *уо* или *уы*» (О нарѣчіяхъ, 33).

Все это я долженъ признать или прямо не вѣрнымъ или не точнымъ. О звукахъ *а* и *о* въ восточномъ нарѣчіи[1]) я, по личнымъ моимъ наблюденіямъ и сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу утверждать слѣдующее:

1) Никакъ нельзя сказать, чтобъ въ восточномъ нарѣчіи *о никогда* не обращалось въ *а*. Случаи такого обращенія *о* въ *а* также спорадически встрѣчаются и здѣсь, какъ и на сѣверѣ. Въ Муромѣ, напр., говорятъ: к*а*кушка. Въ Зарѣченской (т. е. на правомъ берегу Оки) сторонѣ муромскаго уѣзда: к*о*кушка, но — тамъ-же: к*а*рабь, *з*алотой, скв*а*рница, сл*а*бода, ч*а*(е)рдакъ, м*а*лонья́ (по лѣвую сторону Оки — мо́лонья), Михайл*а*. Этими примѣрами исчерпываются кажется, всѣ случаи измѣненія *о* на *а* въ означенной мѣстности. Въ срединѣ владимірской губ. мнѣ такихъ случаевъ съ *а* вм. *о* не встрѣтилось[2]).

Что приведенные примѣры *а* вм. *о* въ Зарѣченскомъ говорѣ нѣтъ нужды объяснять непремѣнно вліяніемъ рязанскаго нарѣчія, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются и на сѣверѣ[3]). Кромѣ того, и въ ярославской губерніи, — по преимуществу, какъ мнѣ кажется, окающей, —встрѣчаются тоже случаи измѣненія *о* на *а*: во многихъ мѣстахъ — м*а*настырь, м*а*нахъ, канвой, Расея; въ ростовскомъ уѣздѣ: к*а*рабь, м*а*стовая, Михайл*а*, Пётра (Петро); въ романовскомъ уѣздѣ слышится *а* вм. *о* въ род. пад. прил. м. р. ед. ч.: великов*а*, добров*а* и т. п.[4]).

Отъ случаевъ спорадическаго измѣненія *о* на *а* слѣдуетъ отличить *а* изъ *о* условленное вліяніемъ московскаго говора. Не смотря на близость къ Москвѣ, сношенія съ нею и отхожіе про-

---

[1]) Употребляя пока этотъ терминъ, я не придаю ему никакого дѣйствительнаго значенія.

[2]) Изъ чего я однако еще не заключаю, что ихъ вовсе нѣтъ тамъ.

[3]) Матеріалъ и пр. стр. 3.

[4]) И эти случаи не чужды сѣверу. Хотя мнѣ въ сѣверныхъ губ. и слышалась постоянно *ово*, но въ сборникахъ Гильфердинга и Барсова есть случаи окончанія прилагательныхъ на *ова* (см. ibid. l. c.).

мыслы, ярославцы относительно коренной черты своего нарѣчія, — сохраненія неударяемаго *о* — оказываются гораздо устойчивѣе своихъ сосѣдей владимірцевъ. Я не встрѣтилъ въ ярославской губ. ни одного акающаго села; во Владимірской же въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, жители которыхъ ходятъ на заработки (преимущественно во владимірскомъ и суздальскомъ уѣздахъ) аканье развилось на столько, что говоръ почти не отличается отъ Московскаго [1]). Туже, и даже еще большую податливость къ чужому вліянію, выказалъ говоръ костромичей. Въ костромской губерніи, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, аканье слышится во всѣхъ тѣхъ уѣздахъ, жители которыхъ занимаются отхожими промыслами: нерехтинскомъ, галицкомъ, солигаличскомъ, чухломскомъ. И кажется, аканье распространяется: имъ заражаются даже и тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора. Такъ мнѣ говорили, что въ плещеевской волости солигаличскаго уѣзда, на границѣ съ буйскимъ, сильно акаютъ, несмотря на то, что жители этой волости отхожими промыслами занимаются мало [2]). Въ лѣсные уѣзды этой губерніи (ветлужскій, варнавинскій, кологривскій, часть макарьевскаго) аканье, конечно, не проникло; рѣдко слышится оно и въ фабричныхъ уѣздахъ (костромскомъ, юрьевскомъ и кинешемскомъ) [3]).

2) Невѣрно и то утвержденіе Даля, что *а* слышно лишь тамъ,

---

[1]) Таково — для примѣра — село Борисовское, на большой дорогѣ между Владиміромъ и Суздалемъ, населенное каменщиками, природными владимірцами, говорящими однако по московски.

[2]) Сообщено секретаремъ костромскаго статистическаго комитета г Пироговымъ.

[3]) Говоря о смѣнѣ *о* на *а*, нельзя не отмѣтить слѣдующаго страннаго явленія, хотя оно и не принадлежитъ къ области собственно народныхъ говоровъ: въ г. Муромѣ есть нѣсколько купеческихъ семействъ, члены которыхъ *каждое о* превращаютъ въ *а*. Они говорятъ: май вм. мой, кашка вм. кошка, дам вм. дом и т. п. Купцы эти природные муромляне. По крайней мѣрѣ извѣстно, что ужъ нѣсколько поколѣній ихъ живетъ въ Муромѣ. Какъ и когда образовалась въ ихъ языкѣ эта особенность (выдерживаемая, какъ меня увѣряли, постоянно) — неизвѣстно (Сбщ. гг. Добрынкиными).

гдѣ на него падаетъ удареніе. Неударяемое *а* измѣняется на *о* нерѣдко, можетъ быть даже чаще чѣмъ на сѣверѣ, но все же гораздо больше случаевъ сохраненія неударяемаго *а*, чѣмъ перехода его въ *о*.

Начальное *а* измѣняется на *о* часто въ собственныхъ именахъ: Ондрей, Онтон, Окулина, Офанасей и т. п. [1]); рѣдко въ нарицательныхъ: онбар (Мур. у.) [2]).

Въ срединѣ словъ—и во владимірской и въ ярославской губерніяхъ — постоянно, какъ и на сѣверѣ, *о* вм. *а* въ производныхъ отъ корня роб = раб: роботать, роботник и т. п. Постоянно же измѣняется *а* на *о* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.: *ово* и *ова* вм. *аво* (= *аго*) [3]).

Въ концѣ словъ и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *о* вм. *а* только въ словахъ съ суфиксомъ уш-ка (юш-ка) муж. р.: батюшко, дядюшко [4]).

3) Ярославское *о* произносится дѣйствительно звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ, — это рѣзко отчеканенный звукъ; но во владимірской и костромской губ. выговоръ *о* нисколько, по моимъ наблюденіямъ, не отличается степенью звучности отъ новгородскаго. Во владимірской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владиміра, слабѣе къ сѣверу.

4) Совершенно вѣрно утвержденіе Даля, что нигдѣ въ восточномъ *о* не переходитъ въ двугласный *уо*, *уы*, но, на сколько мнѣ извѣстно, такого перехода нѣтъ и на сѣверѣ [5]).

---

[1]) См. въ 3-мъ отчетѣ о вятскомъ *уо*. Если даже и допуститъ, что гдѣ либо въ Вятчинѣ слышится такой звукъ, то все же нельзя его признать однимъ изъ отличительныхъ звуковыхъ признаковъ сѣвернаго нарѣчія по сравненію съ восточнымъ.

[2]) Такъ во многихъ мѣстахъ и владимірской и ярославской губ.

[3]) Другихъ примѣровъ не знаю, но конечно они есть.

[4]) ово вм. аво представляетъ измѣненіе на *о* звука *а*, слѣдующаго за ударяемымъ слогомъ: до́брово. Во всѣхъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, случаяхъ перехода *а* въ *о*, — *а* предшествуетъ ударяемому слогу: бора́н, ломпа́дка, локе́й, не зома́й и т. п. (См. Потебни Два изслѣд. 76. Ср. Матеріалъ и пр. 6.).

[5]) Есть-ли однако основаніе считать въ подобныхъ случаяхъ суфиксъ *ка* болѣе первичнымъ, чѣмъ *ко*?

Встрѣчающіеся изрѣдка на сѣверѣ случаи измѣненія *о* на *у* и обратно изрѣдка же встрѣчаются и въ восточномъ нарѣчіи. Въ Мур. уѣздѣ можно слышать — Бу(о)городица (дер. Корниловка), ко(у)кушка (Зарѣченская сторона того же уѣзда); въ Яросл. губ.: и — коковать и — куковать[1]). По аналогіи съ измѣненіемъ *о* на *у* есть случаи измѣненія *е* на *ю*. Знаю, впрочемъ, только одинъ относящійся сюда примѣръ: очю(е)нь (Зарѣч. стор. М. у.). Въ такой формѣ это слово мѣстами слышится и на сѣверѣ[2]).

Не оправдывается, кажется мнѣ, и то положеніе Даля, по которому *е* въ восточномъ, по его термину, нарѣчіи произносится чаще какъ ё, чѣмъ въ сѣверномъ. По моимъ наблюденіямъ, во владимірской губерніи (за исключеніемъ муромскаго уѣзда) такое превращеніе *е* встрѣчается не чаще, чѣмъ, напримѣръ, въ новгородской.

Тѣмъ не менѣе, число случаевъ съ *ё* вм. *е*, какъ во владимірской такъ и въ ярославской губ., — огромно.

Случаи эти тѣже, что на сѣверѣ. Даже кругъ словъ съ корневымъ *ё* вм. *е* — тотъ-же, или почти тотъ же. Привожу въ доказательство сказаннаго рядъ словъ, записанныхъ въ муромскомъ, судогодскомъ и переяславскомъ уѣздахъ: бёдá, бёдрó, бéрёгъ; вёшка (вѣха), вёрста, вёшной, вылётáть; дёржит; ёдá ёвó; нёсла; óтпёхнуть; пёсок; рёкá; сёло, слёза, сёстра.

Слѣдовательно, не только ё изъ основнаго *е*, но и изъ *е*, смѣнившаго *ѣ*. Случаевъ послѣдняго рода въ ярославской губ. не знаю.

Излишне было бы приводить здѣсь всѣ извѣстные мнѣ — по личнымъ наблюденіямъ и полученнымъ отъ вышеназванныхъ лицъ сообщеніямъ — случаи перехода некореннаго *е* въ *ё*. Ограничусь

---

[1]) Въ одномъ изъ экземпляровъ программъ, пересланныхъ мнѣ г. Шпееромъ, при рубрикѣ *о — у* приведены слова: пу(ой)дем, у(о)кунись, у(о)городи. Самъ я нигдѣ такихъ случаевъ не встрѣтилъ, и не знаю, какой именно мѣстности губерніи принадлежатъ они.

[2]) Въ Кижахъ олонецкой г. См. Сборникъ Гильфердинга стр. 471.

общимъ замѣчаніемъ, что на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ[1]) примѣры могутъ быть приведены[2]). Иногда и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *е* остается при своемъ звукѣ, не переходя въ *о* (ё), при условіяхъ, которыя въ южно-великорусскомъ неизбѣжно вызвали бы такое превращеніе. Въ ярославской губ. я не встрѣтилъ такихъ случаевъ, но во владимірской (въ переславскомъ и владимірскомъ уѣздахъ) слышалъ: дале́ко, че́рненькой, те́пленькой.

Въ шуйскомъ уѣздѣ слышалъ я — сожгом вм. сожгём. Въ губерніяхъ, о которыхъ я говорю теперь, — это единственный извѣстный мнѣ случай явленія, которое нерѣдко встрѣчается въ говорѣ Вятчанъ. Я былъ, слѣдовательно, не совсѣмъ правъ, посмотрѣвши на формы, подобныя—россѣком, переволоком и т. п., какъ на спеціально вятскую особенность[3]). Вѣрно однако то, что подобныя звуковыя формы чрезвычайная рѣдкость во всѣхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ, за исключеніемъ вятскаго, по чему и могутъ быть признаны характерной чертой говора Вятчанъ.

Начальное *е* обращается въ восточномъ нарѣчіи, какъ и на сѣверѣ, въ однихъ случаяхъ въ *йо*, въ другихъ въ *о*.

Древняя форма—още=еще слышится мѣстами въ ярославской губ. (романовскій уѣздъ); во владимірской я ее не встрѣтилъ.

Превращеніе начальнаго *е* въ *о* и *йо* (йово = ево и т. п.) въ окающемъ нарѣчіи совершается независимо отъ ударенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, чѣмъ условливается измѣненіе *е* и разность этого измѣненія (*о* и *йо*)?

Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что дѣйствующая причина явле-

---

[1]) Стр. 6—8 отдѣльнаго оттиска программы; стр. 100—102 отд. оттиски первыхъ двухъ отчетовъ моихъ.

[2]) Конечно, если взять въ разсчетъ различные говоры владимірской и ярославской губ. (исключая однако пошехонскій и ситскій послѣдней, которые я не имѣю въ виду).

[3]) См. 3-й отчетъ мой: Вятскій край. Въ олонецкой губ. (Кигли) есть, какъ видно изъ сборн. Рыбникова (I. 70), форма — бодрущ бёдру (Матеріалъ 23). Сюда же слѣдуетъ отнести и формы съ *со* вмѣсто ся черезъ се—сё См. Матеріалъ 22.

нія въ обоихъ случаяхъ одна: стремленіе языка избѣжать начальнаго *е*. Это стремленіе породило въ древне-русскомъ рядъ словъ съ начальнымъ *о* вм. *е*. Разумѣю здѣсь не такіе случаи, какъ обще-русскія формы — олень и под., а такіе какъ сѣверно-великорусскія—още, Олена и т. д. [1]). Эти формы и подобныя имъ предполагаютъ, по моему мнѣнію, не формы — ѥще, **Ѥ**лена (йеще, Йелена), а формы еще, Елена, т. е. формы съ чистымъ не йотованнымъ *е*. Тѣ слова, въ началѣ которыхъ ѥ а не *е* (ѥво и т. п), даютъ формы съ *йо*, а не *о* (йово-ёво). Форма ѥщо (йещо), являющаяся при още, не предполагается послѣднею и не противорѣчитъ сказанному: мѣстами въ окающемъ нарѣчіи сохраняется и нейотованное начальное *е*. Къ отмѣченнымъ уже случаямъ такого рода [2]) могу теперь добавить — муромское *е*що (эщо) и (по сообщенію) кологривское — если (эсли).

е на *и* измѣняется рѣдко какъ и на сѣверѣ. Вообще можно сказать, что въ восточномъ, какъ и въ сѣверномъ нарѣчіи, гласные звуки отличаются несравненно большею устойчивостью, чѣмъ въ южномъ.

Словъ съ *е* вм. *и* я въ восточномъ не слышалъ вовсе [3]). Что такое измѣненіе спорадически встрѣчается и здѣсь, можно заключить изъ прилагаемой сказки. Въ ней вм. барин — барен [4]) вм. поставил — поставел, вм. положил — положел. Форма — гнеёт

---

[1]) Быть можетъ такія формы (какъ и формы съ начальнымъ *о* вм. *а*) составляли нѣкогда принадлежность всего русскаго языка. Южно-великорусск. *А*лёна не могло явиться непосредственно изъ *Е*лена, а предполагаетъ посредствующую форму *О*лена; ѥщё — южно-велико-русское, являющееся и на сѣверѣ на ряду съ още, быть можетъ явилось изъ послѣдней формы, черезъ позднѣйшую йотацію *о* и видоизмѣненіе этого послѣдняго подъ вліяніемъ йота. Ср. сказанное въ первомъ отчетѣ о формахъ, подобныхъ — ѥзеро, ѥдин.

[2]) См. 3-й отчетъ.

[3]) Формъ, подобныхъ — на лошадѣ, к матерѣ (яросл. г) не беру въ разсчетъ: онѣ представляютъ собою, безъ сомнѣнія, не фонетическое, а формальное явленіе.

[4]) Ср. псковское воен вм. воин. (Шейнъ, Русскія народныя пѣсни 551)

вм. гніёт (Зарѣч. ст. м. у.) быть можетъ должна быть объясняема уподобленіемъ звуковъ.

Формы съ *ей* вм. *ій*, свойственныя сѣверу, нерѣдко встрѣчаются и здѣсь. Чаще такое измѣненіе имѣетъ мѣсто въ собственныхъ именахъ Василей и т. п.; рѣже въ прилагательныхъ, въ которыхъ *е* большею частію слышится не вполнѣ ясно [1]).

Вмѣсто *ый* я вездѣ слышалъ *ой* независимо отъ ударенія: ти́хой и т. п.

Въ срединѣ словъ *ы* переходитъ въ *о* только въ словѣ нонѣ, какъ въ древне-русскомъ и современномъ сѣверно-великорусскомъ.

ы вм. *у* только въ словахъ — бытто, слыхъ, слѣдовательно опять таки въ тѣхъ же случаяхъ, что и на сѣверѣ.

О мѣнѣ *ы* съ *и* сказано ниже.

Второй признакъ, отличающій восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго по Далю слѣдующій: «никогда не произносятъ (въ восточномъ нарѣчіи) *и* вм. *ѣ*, ниже *я* вм. *е*, ни на оборотъ». (О нарѣчіяхъ 33).

Измѣненіе *е* на *я*, какъ извѣстно, на столько же не свойственно окающему нарѣчію, какъ и смѣна *о* на *а*. Вѣроятно Даль разумѣетъ здѣсь такіе случаи, какъ имянинникъ, сѣмяна и т. п., но это явленіе, имѣющее мѣсто и въ восточномъ нарѣчіи, не принадлежитъ, по моему мнѣнію къ области фонетики, а объясняются народной этимологіей [2]).

Обратное явленіе *е* вм. *я* есть такъ называемое перегласованіе, о которомъ — ниже.

Смѣна *ѣ* на *и* считается обыкновенно одно изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ сѣверной или новгородской фонетики. Если бы дѣйствительно оказалось, что восточному или владимірско-суздальскому нарѣчію смѣна эта вполнѣ чужда, слѣдовало бы признать его относительную особность отъ сѣвернаго, уже въ силу

---

[1]) Ср. замѣчаніе объ этомъ звуковомъ явле́ніи во 2-мъ отчетѣ стр. 120.
[2]) См. Матеріалъ стр. 41.

отсутствія въ немъ одной только этой черты. Но оказывается, что спорадическіе случаи смѣны *ѣ* на *и* встрѣчаются и здѣсь. Нельзя не вспомнить при этомъ, что и въ новгородскомъ нарѣчіи лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ новгородской губ. выдерживается эта смѣна, какъ болѣе или менѣе постоянное явленіе; затѣмъ, въ большей части мѣстностей этой губ. и всѣхъ другихъ, отчисляемыхъ къ сѣверному нарѣчію *и* вм. *ѣ* является лишь изрѣдка, въ ограниченномъ кругу словъ, нерѣдко въ двухъ только: *и*сть и *и*здить [1]).

Спорадическіе случаи измѣненія *ѣ* на *и* въ восточномъ нарѣчіи отмѣчаетъ и Даль, опредѣляя признаки говоровъ по уѣздамъ.

Во владимірской губ. онъ указываетъ на ковровское; засмотр*и*лся. Глаголъ смотр*ѣ*ть я слышалъ въ формѣ смотр*и*ть (посмотрить, до-смотрить) не только въ ковровскомъ, но и въ уѣздахъ владимірскомъ (къ югу отъ Владиміра) и судогодскомъ (вблизи Судогды). Въ послѣднемъ (деревня Сойма) слышалъ я, сверхъ того, поисти (пойисти = поѣсть) [2]). Въ ростовскомъ у., яросл. г., мѣстами ѣсть = ись (но, какъ и въ судогодскомъ владим. г., на сколько знаю,—ѣздить, а не издить). Тамъ же изрѣдка слышится, свойственно сѣверу, здись вм. здѣсь (здесь). Въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій *и* вм. *ѣ* я нигдѣ не слышалъ ни во владимірской ни въ ярославской губ. Не встрѣтилъ ни въ той, ни въ другой и смѣны кореннаго *ѣ́* на *и* [3]).

---

[1]) См. 1-й отчетъ.

[2]) Тамъ-же, вѣроятно, по аналогіи съ исть = ѣсть, и есть (3 л. н. вр. глагола быти) произносится почти какъ *и*сть.

[3]) Весьма однако вѣроятно, что при большемъ знакомствѣ съ краемъ отыскались бы и такіе случаи. Меня увѣряли, что въ судогодскомъ уѣздѣ можно слышать мѣстами (но, гдѣ именно, указано не было) — *и*исня. Въ виду меленковскаго хл*и*б, приводимаго Далемъ (О нарѣчіяхъ 36), можно придать вѣроятность этому сообщенію. Въ одной изъ программъ, доставленныхъ мнѣ г. Шпееромъ, есть слѣдующая отмѣтка: «*мѣстностями* (въ яросл. г.) выдерживается измѣненіе *ѣ* на *и* почти постоянно: недиля, мисто, медвидь, бида, сивер, звирь, свит и пр.». Понятно, что такимъ неопредѣленнымъ сообщеніемъ воспользоваться нельзя. Самъ я такихъ мѣстностей не встрѣтилъ, и ни отъ кого о нихъ не слыхалъ. Справка по этому поводу будетъ наведена.

Въ селѣ Карочаровѣ слышалъ — *си*вер. Но — не лишнее будетъ при этомъ замѣтить—и въ области южно-великорусскаго можно слышать мѣстами сиверко (но однако же — сѣвер)[1]).

Въ костромской губ. случаи смѣны *ѣ* на *и* чаще, чѣмъ въ двухъ вышеназванныхъ. Даль говоритъ, что «гдѣ окаютъ, тамъ (въ костромской губ.) смѣняютъ въ глаголахъ *ѣ* на *и*». (О нарѣчіяхъ 38). Но кромѣ тематическаго *ѣ* глаголовъ, встрѣчается эта смѣна и въ корняхъ словъ. Случаи этой смѣны представляютъ не только сѣверные уѣзды, пограничные съ вологодской губ., и восточные (ветлужскій, варнавинскій), по говору, какъ кажется, примыкающіе къ Вяткѣ, но и пограничный съ ярославской губ. костромской уѣздъ[2]).

Свойственное сѣверу *яе* вм. *ѣе* въ окончаніи сравнительной степени прилагательныхъ, оказывается не чуждымъ и восточному нарѣчію. Во владимірской губ. такихъ формъ я не встрѣтилъ; въ ярославской мѣстами онѣ слышатся: свѣтляе, бѣляе, тепляе — говорятъ въ юго-восточномъ углу ярославскаго уѣзда, вѣроятно и еще гдѣ либо.

«Никогда, говоритъ Даль, буквы *у*, *в* не замѣняются (въ восточномъ нарѣчіи) одна другою, какъ въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчіи». (О нарѣчіяхъ 34).

Это справедливо[3]). Но и въ новгородскомъ видѣ нарѣчій смѣна *у* и *в* такое рѣдкое явленіе, свойственно столь немногимъ мѣстностямъ и столь немногимъ словамъ, что конечно отнюдь не можетъ считаться характерною для него чертою.

Остальныя звуковыя черты, указанныя Далемъ, какъ отличительныя для сѣвера и востока, относятся къ области соглас-

---

[1]) Слыхалъ часто въ курской губ., при томъ тамъ, гдѣ нельзя предполагать малорусскаго вліянія. У Даля при формѣ сиверко (въ Словарѣ) указано только на *сѣв.* и *вост.*

[2]) Деревни: Саметь, Шунга, Мизкое.

[3]) Не принимаю въ разсчетъ сообщенной мнѣ формы *в*дарил, которая слышится въ Стародубьѣ (мур. у.). На говоръ Стародубья могло въ этомъ случаѣ оказать свое вліяніе южно-великорусское (рязанское) нарѣчіе.

ныхъ звуковъ. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній о гласныхъ.

Формы *втораго* полногласія (столоб, верёх, смерётушка) и т. п., — одна изъ отличительныхъ чертъ сѣверной фонетики.

Такихъ формъ въ восточномъ, на сколько знаю, нѣтъ. Исключеніе—вышеприведенное муромское молонья, встрѣчающееся и въ романовскомъ уѣздѣ ярославской губ.

Изъ словъ перваго полногласія, не встрѣчающихся на югѣ Россіи но свойственныхъ сѣверу, въ тѣхъ же двухъ уѣздахъ слышится мѣстами: оболоко, оболокоться (мур. у.), вередить (ром. у.).

Изрѣдка встрѣчающееся на сѣверѣ сокращеніе полногласныхъ формъ *оро* и *оло* въ ро и *ло*[1]) — въ восточномъ мѣста, кажется, не имѣетъ.

Случаевъ глухаго произношенія *е* и *и*[2]) не встрѣтилось; не могу привести ни одного примѣра и съ гласнымъ чистымъ на мѣстѣ древнаго глухаго въ концѣ словъ[3]).

Вмѣсто формъ ржаной, льняной (ръж—, льн—) слышится (въ судогодскомъ уѣздѣ) — рожаной, ленная, съ постояннымъ *о*, *е* на мѣстѣ древняго глухаго.

Стяженіе гласныхъ (отдѣлат = отдѣлает, знаш = знаешь) чаще слышалось мнѣ въ ярославской губ., чѣмъ во владимірской; въ послѣдней чаще въ муромскомъ и судогодскомъ уѣздахъ, чѣмъ въ другихъ.

Опускаются гласные звуки не рѣдко, — чаще въ началѣ (Лексѣй вм. Олексѣй, менины вм. именины), рѣже въ срединѣ словъ: плит вм. палит (мур. у.).

Есть случаи вставокъ гласнаго звука, условленныхъ группой согласныхъ: искары, скаворец (ib.; въ другихъ мѣстностяхъ не слышалъ).

---

[1]) См. Матеріалъ и пр. стр. 7 и первые три отчета мои.

[2]) См. второй и третій отчеты.

[3]) Разумѣю здѣсь случаи, подобные отмѣченнымъ въ «Матеріалѣ» и пр. на стр. 17—20.

Случаевъ переглaсованія во владимірско-суздальскомъ и ярославскомъ краяхъ меньше чѣмъ на сѣверѣ: *е* вм. *а* слышалъ я только послѣ йота и — изрѣдка — послѣ шипящихъ.

Обращаюсь къ замѣчаніямъ Даля касательно особенностей согласныхъ звуковъ въ восточномъ нарѣчіи.

«Буква *г* произносится твердо, никогда не обращаясь въ придыханіе». (О нарѣчіяхъ 33).

Но-тоже и на сѣверѣ... Впрочемъ нельзя сказать, что *г* никогда не произносится какъ *h*. Въ очень немногихъ словахъ такое произношеніе встрѣчается и на сѣверѣ и на востокѣ[1]).

«Въ окончаніи прилагательныхъ *аго*, *яго*, *его* произносятъ *в* вм. *г*, но не по московски, а съ оканьемъ» (ibid.). Но — какъ извѣстно — тоже самое по всему сѣверу. Ни въ новгородкой, ни въ вятской, ни — даже — въ олонецкой я не слышалъ *г* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. рода. Въ послѣдней мѣстами *г* въ этой формѣ сохраняется[2]), но и въ немногихъ мѣстностяхъ тѣхъ губерній, которыя относитъ Даль къ восточному нарѣчію, можно слышать *ого*, *его*, какъ то видно изъ его же статьи[3]).

«Дзеканье, свойственное сплошь западному говору и перешедшее мѣстами въ сѣверное, нигдѣ не встрѣчается въ томъ же видѣ въ нарѣчіи восточномъ» (ibid.).

Но дзеканье слѣдуетъ, по моему мнѣнію, признать исключительно западно-русскою принадлежностью; оно на столько же несвойственно восточному нарѣчію, на сколько и сѣверному[4]).

---

[1]) См. третій отчетъ. Въ казанской губ. *г* почти какъ *h* произносится въ словѣ богатый.

[2]) Гдѣ именно, Даль неопредѣляетъ (О нарѣчіяхъ 31). Въ сборникѣ онежскихъ былинъ Гильфердинга и *аго*, *ого* и *аво*, *ово*. Тоже и у Рыбникова. См. Матеріалъ 42—3.

[3]) О нарѣчіяхъ 38. Въ Судогдѣ на ярмаркѣ, толкаясь межъ народомъ, я слышалъ, между прочимъ, отчетливое *г* въ формѣ *чего*. Но мнѣ осталось неизвѣстнымъ, изъ какой мѣстности лицо, такъ заговорившее. Вообще замѣчу, что наблюденія надъ языкомъ народа въ сборныхъ пунктахъ очень ненадежны.

[4]) См. первый отчетъ мой. Стр. 2 и 21. — Жители дзекающихъ мѣстно-

«Никогда не замѣняютъ букву *ф*, *в* буквами *х*, *хв*, ниже на оборотъ, какъ въ рязанскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчіи» (ibid. 34).

И въ новгородскомъ такая смѣна — рѣдкость; рѣдкость она и во владимірскомъ. Но и въ послѣднемъ можно однако отмѣтить нѣкоторыя, сюда относящіеся случаи. Такъ въ муромскомъ уѣздѣ слышится мѣстами — Хавронья, Хевраль (дер. Корниловка), куфарка, куфня (Муромъ и его окрестности). Слѣдовательно, вм. *ф* иногда является *х* и вм. *х*—*ф*; *хв* вм. *ф* нигдѣ мнѣ не встрѣталось.

«Частица *что* всюду на востокѣ произносится *што*» (ibid.).

Это вѣрно. Но вѣдь и на сѣверѣ *што* является господствующею формой. Съ другой стороны, *що* и *ште*, свойственное нѣкоторымъ мѣстностямъ сѣвера, не составляетъ его исключительной принадлежности, встрѣчаясь кое гдѣ и въ области южно-великорусскаго нарѣчія [1]).

Я коснулся всѣхъ выставленныхъ Далемъ *отличительныхъ* признаковъ восточнаго нарѣчія, по сравненію его съ сѣвернымъ. Вмѣсто ожидаемой разности, оказалось между тѣмъ и другимъ сходство, доходящее почти до тожества.

Повторяются въ восточномъ и другія черты, свойственныя согласнымъ звукамъ сѣвера.

Такъ отвердѣніе однихъ согласныхъ и умягченіе другихъ — явленіе, столь не рѣдкое на сѣверѣ [2]) — встрѣчается, хотя и не часто, и въ восточномъ нарѣчіи.

И въ ярославской и во владимірской губерніяхъ вмѣсто — прежней, утреннее, поздняя, спальня, простыня — слышится мѣ-

---

стей тверской губерніи — очевидно бѣлорусскаго происхожденія. Во владимірской губ. я дзеканья нигдѣ не встрѣтилъ, хотя, по Далю, оно встрѣчается въ ней «на весьма ограниченной мѣстности» (О нарѣчіяхъ 33), именно въ судогодскомъ и вязниковскомъ уѣздахъ (ibid. 36). Въ ярославской, какъ извѣстно, дзекаютъ только ситакри.

[2]) Потебня. Два изслѣдованія 70.

[1]) См. «Матеріалъ» и первые три отчета.

стами: прежной, утренное, поздная, спальна, простина. Т. е. вм. *н-ей* и пр. *н-ый* и пр.; вм. *ня* (н'а) — *на*.

Губные въ концѣ словъ большею частью мягки въ обѣихъ губерніяхъ: корабь, рупь (рубль), кровь, оставь.

Изрѣдка слышится въ концѣ словъ мягкое *п* вм. твердаго: серпь, ястрипь (дер. Корниловка).

Вмѣсто польза — пользя (Зарѣч. сторона мур. у.; ibid. и — польга).

Вмѣсто дуп*ло* — дуп*лё* (ibid.).

Въ противоположность этому послѣднему примѣру, представляющему умягченіе *л*, можно привести нѣсколько случаевъ отвердѣнія этого звука: столарь, злущая (Корниловка), петелка (кажется, вездѣ на сѣверо-востокѣ).

Изрѣдка умягчается и отвердѣваетъ и другой плавный — *р*: грыбы, крык (въ обѣихъ губ.), но — криса, царяпать, дряница (Мур. у. Зарѣч. см.).

Имя города Владимір произносится въ болѣе древней формѣ, т. е. съ мягкимъ *р*: Владиміръ — Владиміря.

Мягкаго *ц* не слышалъ я ни во владимірской, ни въ ярославской губ.[1]).

Шипящіе большею частью тверды. Формы, подобныя — пошёл (Карачарово) слышатся очень рѣдко.

Во многихъ мѣстностяхъ *с*, въ нѣкоторыхъ *н* мягки передъ суфиксомъ прилагательныхъ *ск* (ьск): деревеньской, французькая рубаха, спаськой монастырь и т. п. Такія формы слышалъ я въ переяславскомъ, юрьевскомъ, суздальскомъ и муромскомъ уѣздахъ. Въ каждомъ — мѣстами. Въ ярославской губ. такихъ случаевъ мнѣ не встрѣтилось.

Гдѣ въ означенномъ случаѣ *с* произносится мягко, тамъ предшествующее ему *в* почти не слышится, какъ и на сѣверѣ[2]).

---

[1]) Суздальскій уѣздъ теченіемъ рѣки Нерли раздѣляется на двѣ части: лѣсную и опольную. Мнѣ говорили, что въ первой мѣстами слышится мягкое *ц*.

[2]) См. первый и третій отчеты.

Мягкаго *р* передъ суфиксомъ *ск* я не слышалъ[1]).

ъ древняго суфикса *ъц* (коньц — коньци и т. п.) въ рѣчи ярославцевъ и владимірцевъ изчезъ безслѣдно, равно какъ и *ъ* суфикса *ъство:* вездѣ слышалъ я — ко*н*ца, ца*р*ство, а не — ко*нъ*ца, ца*ръ*ство.

Смѣшеніе согласныхъ, ихъ взаимная мѣна, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ восточнаго нарѣчія, замѣчается такъ же часто, какъ и на сѣверѣ.

Случаи смѣшенія разнообразны.

Привожу для примѣра нѣкоторые, относящіеся къ муромскому уѣзду.

б вм. *п*: са*б*оги, са*б*ожник (вблизи Мурома).

в вм. *б*: волше*в*ница (Корниловка).

м вм. *в*: *м*нук (дер. Иваницы).

м вм. *н*: *м*ырять (Муромъ и его окрестности).

ф вм. *х* и *х* вм. *в* (см. выше).

т вм. *д*: га*т*ит.

т вм. *к*: *т*рахмал.

х вм. *к*: бал*х*он.

г вм. *к*: ежови*г*а, клупни*г*а.

л вм. *н*: по*л*едѣльник (село Озябликовскій погостъ).

й вм. *з'*: ра*й* (вм. разь, — сокращенное развѣ).

с вм. *ц*: *с*вѣты.

с вм. *ш*: *с*алаш (Озябл. погостъ).

ш вм: *с*: о*ш*мѣлился (дер. Пестенькино).

Почти всѣмъ приведеннымъ примѣрамъ находятся соотвѣтствующіе въ сѣверномъ нарѣчіи.

Наконецъ, и та звуковая черта, которая считается одною изъ характернѣйшихъ чертъ фонетики этого послѣдняго — мѣна *ч* и *ц* — имѣетъ мѣсто и въ восточномъ нарѣчіи.

Въ ярославской губ., за исключеніемъ Ситчины и Пошехонья,

---

[1]) Ср. сказанное во 2-мъ и 3-мъ отчетахъ о мягкости *н*, *р*, *с* передъ суфиксомъ *ск*.

нигдѣ не цокаютъ и не чакаютъ; но во владимірской, какъ видно и изъ статьи Даля о нарѣчіяхъ, цоканье встрѣчается не рѣдко; мѣстами же слышно и *ч* вм. *ц*.

Несомнѣнно, что явленія цоканья и чаканья охватываютъ въ предѣлахъ сѣвернаго нарѣчія бóльшія пространства, встрѣчаются чаще, чѣмъ въ восточномъ. Но для вопроса объ отношеніи рѣчи края, о которомъ говорю, къ рѣчи сѣверныхъ губерній важно во первыхъ то, что и въ немъ *есть* эта звуковая мѣна, во вторыхъ то, что она далеко *не повсемѣстна* и въ сѣверномъ нарѣчіи.

Смѣна *ц* на *ч* встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ обратная.

Я чакающихъ селеній во владимірской губ. не встрѣтилъ вовсе, но не сомнѣваюсь, что такія селенія есть, хотя ихъ и немного [1]).

Цокающія села и деревни я встрѣчалъ въ уѣздахъ: переславскомъ, юрьевскомъ, суздальскомъ, владимірскомъ, ковровскомъ и муромскомъ.

Цоканье въ ярославской губ. заключено въ опредѣленныя границы, свойственно лишь извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ ли во владимірской? Замкнуто ли и въ послѣдней цоканье въ извѣстные предѣлы, идетъ ли оно и въ ней сплошною полосой, или проявляется разбросанно? Рѣшеніе этого вопроса я считалъ (и считаю) важнымъ, но — не смотря на двукратную поѣздку мою во владимірскую губернію — не могу отвѣтить на него съ увѣренностью.

Этотъ вопросъ есть вопросъ о естественныхъ границахъ говоровъ, принадлежитъ, слѣдовательно къ числу тѣхъ, рѣшеніе которыхъ дается лишь продолжительнымъ пребываніемъ въ краѣ, долгимъ и обстоятельнымъ знакомствомъ съ нимъ.

Впрочемъ, я думаю, что даже и за тотъ промежутокъ времени, который я употребилъ на разъѣзды во владимірской губер-

---

[1]) По Далю — въ гороховскомъ и вязниковскомъ уѣздахъ. Въ этихъ уѣздахъ я не останавливался. По сообщенію гг. Добрыкиныхъ *ц* на *ч* смѣняется въ сѣверно-восточной части меленковскаго уѣзда: дер. Мичково и нѣкоторыя другія. Тамъ я тоже не былъ.

ніи, можно бы было опредѣлить, хотя мѣстами, топографію говоровъ въ ея предѣлахъ, если бы только разъѣзды эти производились по плану, составленному на основаніи указаній мѣстныхъ жителей. Но — если гдѣ и случалось получать эти указанія — онѣ были такого рода, что я не могъ придать имъ ни вѣры ни цѣны [1]).

На сколько могу положиться на свои наблюденія, цоканье во владимірской губ. не имѣетъ естественныхъ границъ [2]). Проѣзжая отъ Переяславля въ Суздаль, черезъ Юрьевъ, я въ каждомъ изъ этихъ городовъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, встрѣчалъ цокающія селенія, но на ряду съ ними и чистый говоръ.

Не останавливаясь на другихъ явленіяхъ въ области согласныхъ звуковъ ярославско-владимірскаго края, замѣчу вообще, что имѣющее мѣсто на сѣверѣ большею частію повторяется и здѣсь, и наоборотъ. Такъ — для примѣра — и здѣсь, какъ и на сѣверѣ не терпится сочетаніе *ст* въ концѣ словъ (хвос, трось, рѣчис, сѣсь вм. хвост, трость, рѣчист, сѣсть — часто слышится въ ярославской губ.); нерѣдко выпадаетъ *й* (да'ка, подём вм. дайка, пойдемъ — мур. и судог. уѣзды), *н* (съ йим — сузд. у.), начальное *с* передъ *т* ((с)только, (с)тупай — муром. у.), *б* въ род. пад. мѣст. 2 лица и возвратнаго (тея, сея вм. тебя, себя — мур. и судог. у.) и пр.

---

[1]) Въ образецъ того, какъ надежны такія указанія, приведу слѣдующій примѣръ. Въ Суздалѣ и Владимірѣ я разспрашивалъ лицъ, знакомыхъ съ краемъ, о мѣстностяхъ смѣняющихъ *ч* на *ц* въ суздальскомъ уѣздѣ. По словамъ однихъ, слѣдовало искать такія мѣстности къ сѣверо-востоку отъ Суздаля, по направленію къ Шуѣ, по словамъ другихъ — къ юго-западу. И это не значило, что тамъ *и* тамъ, а *или* тамъ, *или* тамъ...

[2]) Кажется, ковровскій уѣздъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, если не ошибаюсь, Клязьма раздѣляетъ говоры въ этомъ уѣздѣ: на правомъ берегу ея цокаютъ, на лѣвомъ говорятъ чище. Населеніе лѣваго берега, кажется, однородно съ шуйскимъ; населеніе праваго сближается съ муромскимъ и судогодскимъ. Замѣчательно, что Ока не раздѣляетъ говоровъ; цокающія селенія въ муромскомъ уѣздѣ встрѣчаются по обоимъ берегамъ ея. Такъ теперь, но вѣроятно не такъ было прежде.

И относительно *ударенiй* восточное нарѣчіе сходится съ сѣвернымъ.

Приведу нѣкоторые примѣры постановки ударенія во владимірской и ярославской губ.:

слóбода, Мур. у.;
платья́ ibid. (собир. значеніе. Ср. новгородское — братья́ и т. п.);
яблонéй ib.;
вёрстá, но — двѣ вéрсты переясл. у.;
дó гор. Муромъ;
лёгóк Люб. у.;
большá сестра Мур. у.;
кажи́нной день Сузд. у.;
и́дут (кажется, вездѣ въ восточныхъ губерніяхъ);
икать, вóпить, пóзвал — Мур. у.;
пóложил ib., но ibid. — предполóжил;
обрóбѣла Алекс. у.;
спитё Яр. у.;
óпасно Сузд. у.;
высóко Люб. у.;
далéкоココ Пересл. у.
волóковато (долго, продолжительно) Судог. у.;

Не рѣдко, какъ видно и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, удареніе переносится съ корня слова на предлогъ, управляющій именемъ, или сложный съ глаголомъ.

И со стороны *формъ*, по мнѣнію Даля, восточное нарѣчіе является обособленнымъ отрицательными признаками. Три та-

кихъ признака выставлено имъ. Одинъ изъ нихъ долженъ быть устраненъ, такъ какъ разграничиваетъ восточное нарѣчіе отъ южнаго, а не сѣвернаго[1]). Остальными двумя восточное противопоставляется новгородскому.

«Никогда не откидываютъ въ 3 л. глаголовъ окончанія *тъ*». (О нар. 34).

Кажется, это вѣрно. Мнѣ говорили, что въ суздальскомъ уѣздѣ «кое гдѣ» слышится 3 л. глаголовъ наст. врем безъ личнаго признака. Но я такихъ формъ не встрѣтилъ ни въ этомъ уѣздѣ, ни въ другихъ владимірской и ярославской губ. [2]).

«Обычно не замѣняютъ одинъ другимъ творительные и дательные падежи множественнаго числа, *ни родительный и предложный средняго рода единственнаго числа* (но гдѣ же есть такая смѣна?), ни, наконецъ, именительный женскаго рода единственнаго числа не употребляютъ вмѣсто винительнаго» (ibid.).

Послѣдней черты дѣйствительно нѣтъ въ восточномъ; но она свойственна и не всему сѣверу[3]).

Что касается до мѣны дательнаго и творительнаго, то она встрѣчается и въ восточномъ, хотя и гораздо рѣже чѣмъ въ сѣверномъ. И здѣсь, какъ и на сѣверѣ дательный вм. творительнаго слышится чаще, чѣмъ обратное явленіе, но и это послѣднее кое гдѣ встрѣчается.

Въ извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ владимірской губ. я этой мѣны не замѣтилъ[4]); въ ярославской дательный вм. творительнаго (с вам, ходить за ягодам) — въ ростовскомъ и ярославскомъ

---

[1]) Третье лицо глаголовъ оканчиваютъ твердо, *какъ въ сѣверномъ* (О нарѣчіяхъ 33).

[2]) Этимъ я не хочу сказать, что формъ съ опущеніемъ *т* (ъ) вовсе нѣтъ въ восточномъ нарѣчіи: я познакомился съ краемъ, на сколько позволяло время и другія условія.

[3]) См. третій отчетъ мой.

[4]) По Далю дат. вм. твор. употребляютъ во влад. губ. въ уѣздахъ — гороховецкомъ и (судя по примѣру: «приглашаютъ сосѣдку со всѣмъ дочерямъ»)— въ муромскомъ. Въ первомъ я не останавливался; въ послѣднемъ этой смѣны не слышалъ.

уѣздахъ; творительный вмѣсто дательнаго (лошадь бѣгает по грядами) — въ сѣверо-восточной части ростовскаго уѣзда [1]).

Тѣхъ архаическихъ формъ, которыя мѣстами встрѣчаются въ сѣверномъ нарѣчіи [2]), въ краѣ о которомъ говорю, я не встрѣтилъ.

Нерѣдко въ ярославской и владимірской губ. (чаще въ послѣдней) слышится краткая форма вмѣсто полной въ именительномъ единственнаго: до́бро село, кра́сно село (но — новое село), жидко мѣсто (сузд. у.), тёмна ноц, друга́ сестра, ни́щи (мур. у.).

Ударенія въ подобныхъ случаяхъ показываютъ, что эти краткія формы не остатокъ древности, а позднѣйшія сокращенія полныхъ.

Изъ позднѣйшихъ формъ, не встрѣтившихся мнѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, замѣтилъ я лишь одну въ восточныхъ. Это употребленіе въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ предложнаго падежа въ формѣ творительнаго: на бо́льшим (на большем), на лю́бым мѣстѣ, в эвтим, с йим. Эти и подобные имъ случаи мнѣ не разъ приходилось слышать въ губ.: тверской, ярославской, владимірской и казанской [3]).

Въ Рѣчи Муромцевъ слышится иногда отъ именъ на *к*(*ъ*) творительный множественнаго съ окончаніемъ *ими* вм. *ами*: столбиками.

Глагольныя формы во владимірско-ярославскомъ краѣ не представляютъ, на сколько знаю, никакихъ замѣчательныхъ особенностей [4]).

---

[1]) Мѣна твор. на дательный, кажется, не есть исключительная принадлежность окающаго нарѣчія. Она, если только можно въ настоящемъ случаѣ положиться на языкъ пѣсенъ, встрѣчается мѣстами и въ Бѣлоруссіи. См. въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ Шейна (1874.) стр. 233, 309, 310, 323, 322, 458, 485.

[2]) Неопр. накл. на *ти,* формы *даен* и *яси,* *ю* (вин. мѣст. 3 л. ж. р.) и пр. См. первые три отчета.

[3]) Эта особенность имѣетъ мѣсто и въ южно-великорусскомъ. См. Шейна Бѣлорусскія пѣсни стр. 328, 353, 367.

[4]) Въ Восточныхъ уѣздахъ костромской губерніи встрѣчается будущее сложное: иму дѣлать и т. п.

Отмѣчу только одну форму глагола пѣть, поразившую меня сначала своею странностью. Въ муромскомъ и судогодскомъ уѣздахъ вмѣсто пѣл, пѣла говорятъ мѣстами пѣил, пѣила. Такъ я пишу эти формы, и не сомнѣваюсь что пишу правильно. Считаю невозможнымъ писать пеил, пеила и видѣть въ *еи* слѣдъ прадавней двугласности *ѣ*. Я не слыхалъ, къ сожалѣнію, формъ настоящаго времени отъ пѣть, но думаю, что онѣ должны быть — не *пою*, *поешь*, а *пѣю*, *пѣешь*. Т. е., я считаю вѣрнымъ, что настоящее время этого глагола образовано по аналогіи съ формами его отъ глагола сѣять. Хотя прошедшее время и происходитъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, но аналогія могла коснуться и его [1]).

По отдѣламъ *словообразованія*, *синтаксиса* и *словаря* не могу сообщить на этотъ разъ, никакихъ особенностей.

Словъ, казавшихся мнѣ новыми, я за время разъѣздовъ встрѣтилъ не мало. Изъ нихъ только слѣдующихъ пяти не оказалось въ словарѣ Даля и областномъ академическомъ.

Воловато (Сдг. у.) — длинно, долго, медленно.

Опослины (Сзд. у.) — пиръ послѣ вѣнца [2]). (Сбщ.).

Послѣднее (Вл. и Юр. у.) = Опослины. (Сбщ.).

Розгонная лапша (Вл. и Юр. у.) — послѣднее кушанье на свадебномъ пиру; послѣ него гости разъѣзжаются. (Сбщ.).

---

[1]) Не знаю есть ли такая форма прошедшаго времени въ южно-великорусскомъ, но указанныя формы настоящаго времени имѣютъ мѣсто и въ томъ и въ другомъ. См. въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ Шейна стр. 11, 171, 226 и пр. Въ малорусскомъ подобныя формы встрѣчаются въ «казкахъ Ігнатія з Никловичъ». См. Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Драгоманова. Кіевъ. 1876.

[2]) Въ Суздалѣ и уѣздѣ, и также въ уѣздахъ юрьевскомъ и владимірскомъ, родственники невѣсты, въ особенности отецъ и мать ея, не бываютъ въ церкви при вѣнчаніи. Послѣ вѣнца ихъ приглашаютъ на пиръ, который и называется опослины или послѣднее (сбщ.).

Солонины (Яр. г.) -- заговѣнье передъ Петровымъ постомъ. (Сбщ. [1]).

-- --

Въ предъидущемъ я нѣсколько отступилъ отъ того пріема изложенія, котораго держался въ первыхъ трехъ своихъ отчетахъ. Это отступленіе условилось цѣлью, которую я имѣлъ какъ при составленіи настоящаго отчета, такъ и при разъѣздахъ своихъ по владимірско-ярославскому краю. На цѣль эту выше уже указано.

Что же по отношенію къ вопросу, которымъ задавался я, даютъ вышеприведенные факты?

Точно ли есть — не восточное *нарѣчіе* (о томъ и вопроса не было), а — восточное *поднарѣчіе* окающаго нарѣчія?

Все сказанное выше ведетъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Никакихъ обособливающихъ это поднарѣчіе признаковъ не оказывается.

Тожество языка ведетъ ли къ заключенію объ этнографическомъ тожествѣ населенія двухъ краевъ?

Не разъ высказано было у насъ мнѣніе, что лингвистическія изслѣдованія всего лучше могутъ послужить къ рѣшенію этнографическихъ вопросовъ. По сущности мнѣніе это вѣрно. Гдѣ есть русскій языкъ, — тамъ русская народность; гдѣ великорусское нарѣчіе — тамъ великорусское племя и т. д.; т. е. родовыя и видовыя понятія общаго понятія *языкъ* будутъ находиться въ соотвѣтствіи съ родовыми и видовыми понятіями общаго понятія *народъ*. Но все это вѣрно лишь по отношенію *къ настоящему*. Корелы или вотяки, забывшіе свой языкъ и вполнѣ усвоившіе

---

[1]) Слово это сообщено мнѣ вышеупомянутымъ г. Рагозинниковымъ, который съ большою, какъ мнѣ кажется, вѣроятностью ставитъ его въ связь не съ словомъ *соль*, а съ словомъ *солнце*. См. его статью въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1865 г. № 27: «По поводу одного изъ слѣдовъ мифическихъ вѣрованій въ ярославскомъ провинціальномъ нарѣчіи».

себѣ русскій, уже въ силу того — русскіе, а не корелы, или вотяки. Но для племенной исторіи важно знать именно то, — привитъ ли языкъ населенію данной мѣстности, или онъ является его прирожденнымъ достояніемъ. Этотъ вопросъ *исторической этнографіи* лингвистическія изслѣдованія сами по себѣ порѣшить не могутъ. При рѣшеніи его, кромѣ данныхъ по языку, требуются еще иныя свѣдѣнія.

Можно утверждать, какъ видно изъ предъидущаго, что мѣстами во владимірскомъ (по Далю) нарѣчіи повторяются черты новгородскаго, и это замѣчается не тамъ только, гдѣ то и другое нарѣчія географически соприкасаются, а нерѣдко и тамъ, гдѣ обоюднаго вліянія, взаимодѣйствія, или воздѣйствія одного на другое предположить нельзя.

Ярославская губернія имѣетъ въ большей части мѣстностей говоръ, близко подходящій къ тому, что въ звуковомъ и даже формальномъ отношеніи принято считать за норму великорусскаго языка. Но и въ ней, — оставляя даже въ сторонѣ Ситкарей и Пошехонцевъ, — сказываются мѣстами въ рѣчи населенія особенности, свойственныя новгородскому нарѣчію. Гораздо въ большей степени замѣчаются эти особенности во владимірской и костромской губ.

Встрѣчая въ той, другой и третьей населеніе съ чертами сѣвернаго говора, думаешь на трое: или населеніе такъ говорящее, есть остатокъ древнихъ новгородскихъ колонистовъ; или это позднѣйше выселенцы съ сѣвера; или это остатокъ племени, по рѣчи тожественнаго съ новгородскимъ. Чтобы порѣшить вопросъ такъ или иначе, прежде всего надо знать, на сколько давне населеніе въ извѣстной мѣстности, коренное оно или пришлое, и — если послѣднее, то откуда и когда пришло.

Было бы большой ошибкой построить какіе либо этнографическіе выводы на данныхъ языка, не выискавъ предварительно отвѣта на поставленные здѣсь вопросы. Лингвистическія данныя для этнографическихъ выводовъ нуждаются въ помощи исторіи, и безъ нея не приведутъ къ прочнымъ заключеніямъ. И важно

въ этомъ случаѣ знать не давній только ходъ заселенія края, а позднѣйшее движеніе населенія въ немъ, въ него и изъ него. Гдѣ найти такого рода свѣдѣнія, я не знаю [1]).

Удерживаясь по этому отъ всякихъ этнографическихъ соображеній, я, на основаніи извѣстныхъ мнѣ вышеприведенныхъ данныхъ языка владимірско-ярославскаго края, дѣлаю лишь слѣдующій выводъ: *не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками.*

Это вѣрно, если взять въ разсчетъ *всю сумму* тѣхъ вышеприведенныхъ чертъ языка, которыя встрѣчаются *разсѣянно* по владимірско-ярославскому краю. Если же (на что однако нѣтъ достаточныхъ основаній) и признать смѣну *ѣ* на *и* и *ч* на *ц* исконной отличительной чертой новгородскаго нарѣчія [2]) и считать *и* = *ѣ*, *ц* = *ч* заносными чертами во владимірское, — все таки послѣднее съ первымъ, какъ по звуковому такъ и по формальному строю, представляетъ одно цѣлое, противопоставляемое южно-великорусскому въ совокупности частей этого послѣдняго.

Сѣверо-восточное (окающее) нарѣчіе сохранило болѣе древности чѣмъ юго-западное (акающее). Послѣднее развило въ себѣ много такихъ чертъ, которыя древне-русскому были несвойственны. Самая яркая изъ этихъ чертъ — *аканье*.

Мы знаемъ приблизительно когда появилось оно, но не знаемъ, что именно его вызвало.

То обстоятельство, что *а* изъ *о* является подъ условіемъ неударяемости перваго, указываетъ, независимо отъ свидѣтельства памятниковъ, на относительно позднее возникновеніе этого явле-

---

[1]) На сколько мнѣ извѣстно, у насъ нѣтъ такого научнаго труда, изъ котораго можно было бы извлечь такого рода свѣдѣнія. Списки населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи, къ сожалѣнію, не даютъ при перечнѣ мѣстностей никакихъ относительно ихъ историческихъ указаній.

[2]) Смѣна *ч* на *ц* встрѣчается и въ области южно-великорусскаго нарѣчія, именно—мѣна эта есть и въ бѣлорусскомъ поднарѣчіи (а можетъ быть и еще гдѣ въ южной Руси): см. Бѣлорусскія пѣсни Шейна — стр. 132, 165, 179, 216, 452, 483. Мѣстами въ немъ встрѣчается даже смѣна *ц* на *ч*. См. ibid. стр. 375.

нія. Но, безъ сомнѣнія, эта звуковая особенность южно-великорусскаго стоитъ въ связи съ древними звуковыми свойствами рѣчи тѣхъ племенъ, среди которыхъ впослѣдствіи оно обнаружилось. Не климатическія же условія вызвали это превращеніе? Если *не*, то причина превращенія *о* въ *а* должна лежать въ общемъ строѣ фонетики древне-русскаго языка той полосы Россіи, гдѣ теперь акаютъ. Если же это такъ, то становится крайне сомнительнымъ, съ точки зрѣнія языка, допускаемое нѣкоторыми отожествленіе по племени Кривичей, потомки которыхъ акаютъ, съ Новгородцами, потомки которыхъ сохраняютъ неизмѣнно основное *о*...

Приведенныхъ выше данныхъ народной рѣчи я не могу на этотъ разъ, къ крайнему моему сожалѣнію, подкрѣпить приложеніемъ образцовъ народной рѣчи: мнѣ не удалось записать ни пѣсенъ, ни сказокъ.

Пѣсенъ по селамъ и деревнямъ я слышалъ не мало, но ни одной такой, которая со стороны языка заслуживала бы вниманія. Да и со стороны содержанія все то, что я слышалъ, было повтореніемъ, или по крайней мѣрѣ близкимъ варьянтомъ, уже извѣстнаго въ печати.

Тоже долженъ сказать я и о сказкахъ. Неудача полная: именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ являлся для меня прямой интересъ записать сказку, я не слыхалъ ни одной. Единственная прилагаемая здѣсь сказка записана не мной...

Былевой поэзіи во владимірской и ярославской губерніяхъ я не встрѣтилъ и слѣдовъ. На родинѣ Ильи Муромца, въ селѣ Карачаровѣ, я не только не нашелъ пѣсенъ о немъ, но даже и такихъ преданій, которыя представляли бы какія либо новыя данныя.

Имя Ильи знакомо каждому Карачаровцу и Муромцу, но въ

народѣ встрѣчаются уже лица, слившія въ одно смутное представленіе образъ Ильи богатыря и Ильи пророка [1]).

Карачаровцы знаютъ, что Илья до 30 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; былъ изцѣленъ калѣками; что помогъ своимъ родителямъ очистить лѣсъ, проявивъ при этой работѣ неожиданно для всѣхъ свою богатырскую силу; знаютъ — наконецъ — объ ускокахъ его коня, но — и только.

Престарѣлый священникъ села Карачарова, живущій тамъ уже полстолѣтія, говорилъ мнѣ, что прежде знали объ Ильѣ больше. Но изъ того, что онъ могъ припомнить, видно что и прежде, какъ и теперь, народъ ничего не зналъ о службѣ Ильи въ Кіевѣ, объ отношеніяхъ его къ Владиміру и о тѣхъ богатырскихъ подвигахъ, о которыхъ хранится столько былевыхъ пѣсенъ въ олонецкомъ краѣ.

Припоминая слышанное имъ когда-то, карачаровскій священникъ сообщилъ мнѣ объ Ильѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Были у Ильи товарищи. Сидѣлъ онъ разъ съ ними на крутомъ берегу Оки. Видитъ — внизу наложены бревна. Кто, спрашиваетъ Илья у своихъ товарищей, можетъ перенести всѣ тѣ бревна на гору?. Никто не могъ. А Илья взялъ да и перетаскалъ ихъ. Съ тѣхъ поръ и признали за нимъ богатырскую силу.

Это — ничтожный варьянтъ къ извѣстной чищобѣ лѣса. Кажется, онъ не былъ нигдѣ напечатанъ. Все остальное, что слы-

---

[1]) На полдорогѣ отъ Мурома въ Карачарово стоитъ среди поля, совершенно одиноко деревянная своеобразной постройки церковь (рисунокъ и описаніе ея г. Н. Добрынкина см. въ Ежегодникѣ владимірскаго губернскаго статистическаго комитета за 1875 г.). Я спросилъ извощика, который везъ меня, почему построена эта церковь на полѣ, вдали отъ села. Извощикъ (горожанинъ, муромскій мѣщанинъ) объяснилъ мнѣ, что по этому полю проѣзжалъ когда то Илья *пророкъ*; на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь церковь, конь Ильи ударилъ копытомъ, отъ чего проявился ключь; надъ ключемъ и поставлена церковь. — Куда ѣхалъ Илья пророкъ, о томъ извощикъ ничего не зналъ. На вопросъ мой — не разсказываютъ ли чего въ Муромѣ объ Ильѣ Муромцѣ, онъ отвѣчалъ: да вотъ это же и есть Илья Муромецъ — Илья Пророкъ.

шалъ я въ Карачаровѣ объ Ильѣ Муромцѣ, не представляетъ ровно ничего новаго.

Историческихъ пѣсенъ нигдѣ не слышалъ. Надѣялся найти или пѣсни, или хоть преданіе объ Иванѣ Грозномъ въ г. Александровѣ и его окрестностяхъ. Но въ поискахъ своихъ здѣсь я былъ такъ же «счастливъ» какъ Шевыревъ, 30 лѣтъ тому назадъ [1])...

СКАЗКА

о злущей волшебницѣ [2]).

Жил был барен; служил в полку, и ѣхал домой к матерѣ в побывку. Ѣхал-ѣхал и пристигла ево тёмна ноць. Доѣхал до села и просится к кому не то ноцовать. Выходит поп и говорит: барен, ноцуй у меня. Барен согласился. Лакей взвёл ево в горницу. И пробаял барен лакею: поставь сумоварцик [3]). Лакей поставел. И говорит барен: пошлю за попом.

Ну, свѣты вы мои, пришел [4]) поп. Сѣли за кампанью цай пить.

Говорит ему барен: цай, дѣти есть? — Есть три доцки, — хушь сейцас за стол сажай.— Не можно ли, говорит барен, мнѣ

---

[1]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть I, стр. 46—7.

[2]) Сказка эта доставлена мнѣ г. Добрынкиной, записавшей ее въ деревнѣ Корниловкѣ муромскаго уѣзда. Записана она съ стараніемъ сохранить особенности мѣстнаго говора, но фонетическое правописаніе въ ней однако не выдержано. Такъ въ родит. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій вездѣ поставлено *аго, ого*. Согласно муромскому говору я при перепискѣ измѣнилъ эти формы на *аво, ово*. Другихъ измѣненій при перепискѣ не сдѣлано. Только ъ отброшенъ вездѣ для единства правописанія съ приложеніями къ первымъ тремъ отчетамъ.

[3]) Конечно, черезъ форму *сомоварцик*? *у* изъ *а я* нигдѣ не встрѣтилъ.

[4]) Должно быть: или пришол или пришёл.

на нихъ поглядѣть? — По́звал поп доцерей. Пришли, сѣли, — одна другой краше. Барен на них таково умильно поглядыват. Ну, розошлись это они, приконцилась канпанья; стали ложиться спать; лакей и говорит барену: барен! сем ка я послушаю, — не бают ли что про тея доцери тѣ? — Подь, послушай.

Пошол лакей; не будь дурак, стал у двери и ну слушать. Больша́ сестра и говорит: ох, какой барен-о-т! Кабы он меня взял за сея, я бы ему из одново зерна испекла 33 пирога. И говорит друга́ сестра: ах, сестрица! цому вы выхваляитись, я бы ему из одной руценецки соткала 33 холста. И говорит мала: ах, сестрицы! цому вы выхваляитись: я бы ему родила сына, шта бѣлово сыра, во лбу — мѣсяц, по тыла́ — звѣзды, по колѣна ноги въ золотѣ, по запястьи руки въ серебрѣ.

Выслушал слуга, сказал барену. Барен встает на утро, посылает за попом и сватат малу доц.

Пошло дѣло. Долго-ль, коротко-ль сыграли свадьбу, и поѣхал он с ней к матерѣ. И настояло ему время опять ѣхать в полк...

Уѣхалъ барен, а без нево жона и родила сына, как сказывала. Съѣхались всѣ князья и бояре; дивуются; и послали барину письмо с лакеем.

Лакей шол-шол и дошел до села, гдѣ были ея сестры. А больша сестра была волшевница.

Лакей лег на лавку, письмо положел к образу, и уснулъ. А сестра проглядѣла письмо́, видит — написано: родила я теѣ, милый[1]) друг, сына что[2]) бѣлово сыра (и т. д)...

Она взяла изорвала письмо и написала: родила я теѣ, милый другъ, кутю́ да щеню́.

Понес лакей барену пи́сьмо. Барен приглядѣл и написал: «не замать бы до меня».

Лакей опять пошол тѣм селом. Опять сестра проглядѣла,

---

[1]) Должно бы быть: милой

[2]) Вѣроятно: што.

изорвала письмо и написала: «извести бы до меня». А сама взяла эта волшевница одѣлась в сестрины платья, сдѣлалась под ея волос, под ея голос и пэхала[1]) к барену.

А жона полуцила письмо и стала вóпить: батюшки свѣты! куды дѣтца?

Взяли и засмолили ее с сыном в боцку, глаза ей залили оловом и пустили на пóлу воду.

Поплыли они. Вот сын растет не по днямъ, а по цасам, и говорит он ей: мамынька! я потянусь: мнѣ тѣсно. — И говорит ему мать: дитятко! ты потянешся, — обруцики лопнутъ, боцецка розсыпется, мы потонем. — Он ей опять. Она и говорит: ну, потянись!

Он потянулся: боцка розсыпалась, и оцутились они на бережку.

Вот он посадил мать тут, а сам пошел в тальни́к. Наломал тальнику́ и сдѣлал салажень; кругом поставил 12 тыцинок, на каждой по колокольцику, и всѣ они звонят. — И и́дут нищи, глядят и дивуются: гли ка ты, што это за чудо?

И говорит сын матерѣ: матушка! я оборопусь мушкой, и сяду к нищим: послушаю, куда они пойдут, што баять будут. — Оборотись, дитятко!

Сѣл мушкой к нищим на сумки. И приходют они въ горот, к этому барену. Он высунулся в окно, и говорит: гдѣ вы, нищи, бывали? што вы, нищи, слыхали?

И говорятъ ему: видѣли мы доброво молодца в золотѣ, да с ним мать в салажикѣ слѣпая.

И говорит им барен: вот што, нищи: скажите вы доброму молодцу, чтоб он вышел в чистó поле и сказал бы: гуси-лебеди! уроните из под права крылышка по камушку. Они и уронют. Этим бы камушком он тер бы глаза матерѣ 3 дни по трожды.

Выслушал у нищих это все сын, полетѣл к матерѣ, сдѣлал

---

[1]) Т. е. поѣхала.

все, как велѣл барин[1]) и стал камышком матерѣ глаза пользовать... Она и открыла глаза тѣ.

А барен взял ружье да и пэхал быдто за охотой, а сам взял да и пэхал к этому салажики.

Увидѣл их, — обрадовался; взял жону и сына къ сеѣ домой, а злую волшевницу вывел в цисто поле и ростреялъ из ружья на воротах.

---

[1]) Такъ и выше разъ. Вѣроятно описка, а можетъ быть и колебаніе народнаго говора.

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

---

5. Архангельская, Вологодская и Пермская губерніи.

Далекій сѣверо-востокъ оказался гораздо болѣе сочувственнымъ дѣлу науки, чѣмъ губерніи средней полосы.

Если въ IV моемъ отчетѣ я счелъ не лишнимъ заявить Отдѣленію, что, мѣстами, въ средней полосѣ Россіи встрѣтилъ полное равнодушіе къ научнымъ вопросамъ со стороны лицъ ученаго вѣдомства, то теперь — наоборотъ — я считаю пріятнымъ для себя долгомъ заявить, что на сѣверо-востокѣ нашлись люди того же вѣдомства, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнесшіеся къ моему дѣлу и принявшіе на себя трудъ собрать и сообщить мнѣ цѣлый рядъ данныхъ, касающихся народнаго языка.

Въ вологодской и пермской губерніяхъ я оставался недолго; въ архангельской вовсе не былъ. Поэтому данныя народнаго языка послѣдней и большая часть относящихся къ первымъ двумъ, извлекаются мною изъ сообщеній, которыя обязательно сдѣлали мнѣ слѣдующія лица:

1) Преподаватель архангельской гимназіи И. М. Бѣлорусовъ,

2) Инспекторъ той же гимназіи г. Протопоповъ,

3) Директоръ вологодской гимназіи И. И. Красовъ,

4) Директоръ народныхъ училищъ вологодской губерніи Н. П. Левицкій,

5) Директоръ народныхъ училищъ пермской губ. г. Чоглоковъ. Особенно важны сообщенія гг. Бѣлорусова и Левицкаго.

Послѣдній препроводилъ мнѣ экземпляръ моей программы съ отмѣтками на поляхъ ея учителей вологодской губерніи — сольвычегодскаго, великоустюжскаго и яренскаго уѣздовъ. Полнотой и обстоятельностью изъ этихъ отмѣтокъ по преимуществу отличаются тѣ, которыя сдѣланы (неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ) о языкѣ населенія сольвычегодскаго уѣзда. Сверхъ программы, г. Левицкій доставилъ мнѣ обстоятельную записку о народной рѣчи въ тотемскомъ и кадниковскомъ уѣздахъ, составленную учителемъ тотемскаго уѣзднаго училища г. Ю. Ивановымъ.

Г. Бѣлорусовъ въ нѣсколькихъ письмахъ сообщилъ мнѣ свои наблюденія надъ народнымъ языкомъ нѣкоторыхъ мѣстностей архангельской и въ особенности — вологодской губерній (по преимуществу тотемскаго, частію никольскаго, кадниковскаго и др. уѣздовъ).

Сообщенныя мнѣ, а равно и подмѣченныя мною, данныя народнаго языка названныхъ трехъ губерній, группирую въ послѣдующемъ по тѣмъ рубрикамъ, которыя приняты были мною въ первыхъ отчетахъ моихъ.

Звукъ *о*, спорадически, какъ и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, смѣняется на *а*. По преимуществу замѣчается эта смѣна въ словахъ иноземныхъ, видимо въ такой формѣ занесенныхъ на сѣверъ изъ области южнаго нарѣчія: *а*фицер, м*а*нах (тотемскій и кадниковскій уѣзды), с*а*лдат, к*а*нтора (сольвычегодскій уѣздъ).

Изъ туземныхъ словъ: к*а*рап (великоустюжскій уѣздъ), к*а*-

рапь (яренскій) но и — *к*о*р*ап (сольвычегодскій), п*а*раход (ирбитскій, тотемскій и кадниковскій уѣзды). Въ послѣднемъ словѣ второе *а* вѣроятно вызвано ассимилирующимъ вліяніемъ перваго, въ — карап (корабль) — наоборотъ.

Во многихъ мѣстахъ архангельской, пермской и вологодской губерній въ родительномъ падежѣ единственнаго числа прилагательныхъ—ав*а* вмѣсто ов*о*. Въ вологодской губерніи такъ говорятъ въ тотемскомъ, кадниковскомъ, великоустюжскомъ и яренскомъ уѣздахъ.

о вм. *а* — въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ появляется нерѣдко.

Начальное *а* собственныхъ именъ почти постоянно смѣняется на *о*: Олексѣй, Оандрей, Ографёна (кадниковскомъ, тотемскомъ, сольвычегодскомъ уѣздахъ) и пр. Въ именахъ малоупотребительныхъ *а* остается: Имя *А*нна постоянно сохраняетъ *а*.

Въ нарицательныхъ именахъ измѣненіе начальнаго *а* на *о* замѣчается относительно рѣдко: *о*ртиль = артель (пермской губ.), омвон, олтарь (великоуст.).

Въ срединѣ словъ смѣна эта встрѣчается постоянно въ предлогѣ р*о*з вм. р*а*з при его сложеніи съ глаголами и именами:

ро́спуски, ро́звальни, роспа́шка (сольвычег. у.), роспустить, роспахать (ibid., и кажется — повсемѣстно).

Постоянно *о* вм. *а* въ словахъ, производныхъ отъ корня *роб:*

робота, роботник (во всѣхъ трехъ губерніяхъ), ро́бить (арх., сольвычег.).

Часто встрѣчается тоже измѣненіе въ корнѣ слѣдующихъ словъ: лодья, локей (сольвычег. у.), пороход (никол. у., перм. г.) пором, рокита (перм. г., ник. у.), ровне́ть, рости (сольвычег. у.), тонцовать (ibid.).

Слѣдовательно, тѣже случаи, что и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія.

И конечное *а* на *о* смѣняется лишь въ томъ единственномъ случаѣ, какой представляютъ другіе края этого нарѣчія, т. е.

въ именахъ мужескаго рода съ суфиксомъ *ушка* (*юшка*) и *ка:* батюшк*о*, дѣдушк*о*, Иванушк*о*, батьк*о*, дѣдк*о* и т. п.

Имена женскаго рода съ тѣмъ же суфиксомъ этого измѣненія не допускаютъ: бабушк*а*, тетушка [1]).

Мѣстами *к-о* вм. *к-а* въ именахъ мужескаго рода замѣчается, какъ постоянное явленіе, независящее отъ того, какой смыслъ слову придается образующимъ его суфиксомъ. Такъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ пермской губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сольвычегодскій и великоустюжскій уѣзды вологодской губ.) *к-о* вм. *к-а* только въ именахъ ласкательнаго значенія; уничижительныя имѣютъ *к-а:* Петрушка, Ванька, Васька и т. п.

Отъ такихъ формъ различаются, поэтому, со стороны значенія формы (великоустюжскія), подобныя слѣдующимъ: Ванькó, Олькó, Сашкó, Пашкó, браткó.

И ласкательныя удерживаютъ суфиксъ *ка*, если онъ является въ сложеніи съ предшествующимъ ему *ень*: Васеньк*а* и т. п. (сольвычег., великоуст.).

Начальное *е* смѣняется на *о:* въ собственныхъ именахъ: Олёна, Офим и т. п. (арх., волог., перм. губ.); въ нарицательныхъ: още (перм.), ошшо (сольвычег.), одва (арх., великоуст.). Въ срединѣ словъ постоянно *о* вм. *е* въ—робята и робенок. инóгда—топерь, топеря (кадн. и тот. у.).

О на *у* измѣняется очень рѣдко: у(о)гурцы (волог. у.), бутинки (перм.). Обратное измѣненіе: коковать (перм.). Вмѣсто *е*—*ю* въ словѣ очюнь (только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тотемскаго уѣзда).

Двугласный *уо* вм. *о*: труось = трость, спруосить только въ вологодской губ. на ограниченномъ пространствѣ, въ уѣздахъ тотемскомъ (на Толшмѣ, Кунижѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ) и кадниковскомъ (въ устьянской и васьяновской волостяхъ). Въ уѣздахъ—сольвычегодскомъ и великоустюжскомъ появляется

---

[1]) Ср. сказанное объ этомъ явленіи въ IV отчетѣ.

этотъ двугласный вмѣсто конечнаго *о*, но только въ звательномъ падежѣ: батюшкоў.

Тамъ же и въ томъ же только случаѣ является *ау* вмѣсто конечнаго *а:* матушкаў.

Въ кадниковскомъ уѣздѣ это *ау* обнаруживается въ звательномъ падежѣ лишь тогда, когда лицо, къ которому обращаются, находится отъ говорящаго, или — вѣрнѣе — призывающаго на значительномъ разстояніи[1]).

Не знаю, такъ ли въ другихъ вышеупомянутыхъ уѣздахъ[2]). Если такъ, то *у* есть только отзвукъ напряженнаго голоса и двугласнаго аў (и оў) въ формѣ звательнаго падежа, значитъ, не существуетъ.

Вмѣсто *ый* въ окончаніи прилагательныхъ является *ой* независимо отъ ударенія во всѣхъ трехъ губерніяхъ: красной, бѣлой и тому под.

Вмѣсто *ій* часто *ей* (видоизмѣняемое нерѣдко въ *ёй* и *ой*): Божей, волчей, лисей, Господнёй, синёй, весенной.

Ы на *о* смѣняется, кромѣ слова нонь (имѣющаго разнообразныя формы: нонѣ, нони, нонечи, ониче,оничи, нонеча, нонича, — сольвычег. и яр. уу.) въ слѣдующихъ: полонья (но и — полынья), бароня и барони, барошня и барошни, государоня и государони, осудари (кадн., тот., великоуст., сольвычег. и яр. уу.).

Ы вм. *у* и обратно очень рѣдко: слых (великоуст.), сколубаться (перм.).

У и *в* сближаются въ нѣкоторыхъ словахъ только по р. Толшмѣ въ тотемскомъ уѣздѣ вологодской губ.[3]). Въ сольвычегод-

---

[1]) Сообщеніе г. Иванова, который думаетъ, что «этотъ переходъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ сліянія существительнаго съ междометіемъ ау, потому что въ обыкновенной рѣчи говорится: матушка» и т. п.

[2]) Въ Пермской губ. *ау* вм. конечнаго *а* тажке только при призывѣ.

[3]) Такъ по одному сообщенію (г. Бѣлорусова); другое (г. Иванова) не упоминаетъ объ этомъ явленіи.

скомъ уѣздѣ въ словѣ пивцо (и другихъ подобныхъ?) «*в* имѣетъ неясный выговоръ, похожій и на *ў* и какъ бы на *л*» [1]):

Какой то средній звукъ между *в*, *ў* и *л* слышится (по сообщенію того же лица) тамъ же и въ формахъ прошедшаго времени: ходил и т. п. [2]).

И въ *е* переходитъ очень рѣдко: квартера (сольвычег,) фатера (том. и кадн.), мундер (ibid.), жолет и жолетка из ж*е*лет, ж*е*летка (сольвычег.) [3]).

Чаще встрѣчается смѣна *е* на *и;* это явленіе по преимуществу развито въ сольвычегодскомъ уѣздѣ: поти(е)ре(я)ть, поти(е)ря, ви(е)ди, пови(е)ду, ли(е)бедь, либедка, сило, овичка, ти(е)чёт, пистик, писс(есч)яной, си(е)бѣ и т. п.

Въ великоуст. и яр. уу. такихъ случаевъ нѣтъ; въ другихъ уѣздахъ вологодской, а равно и въ губерніяхъ архангельской и пермской, смѣна *е* на *и* проявляется рѣдко: сибѣ, тибѣ (кадн., Грязов., волог. уу.), ище (ibid., перм.), питля (ib.), либедь, пистик (тот., кадн. уу).

Переходъ *е* въ *ё* совершается часто. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно было бы привести примѣры такого перехода на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ. Нѣтъ однако ни одной мѣстности, къ которой бы относились всѣ случаи этой смѣны. Они разбиты по мѣстностямъ и слѣдовательно по говорамъ. Въ одномъ говорѣ замѣчается больше такихъ случаевъ, въ другомъ меньше; въ одномъ — одни случаи, въ другомъ — другіе. Кажется, всего болѣе распространенъ переходъ *е* въ *ё* въ вологодской губерніи; всего менѣе—въ архангельской.

---

1) Слова неизвѣстнаго мнѣ лица, сдѣлавшаго отмѣтки о языкѣ населенія сольвычегодскаго уѣзда.

2) Въ Этнографическомъ Сборникѣ томъ V, въ свадебныхъ пѣсняхъ Сельскаго уѣзда для такихъ случаевъ употреблена буква *у*.

3) Формы, подобныя—*пер*, *мер* (т. е. пир, мир—см. Матеріалъ и пр. стр. 10) по сообщенію г. Бѣлорусова слышатся въ тотемскомъ уѣздѣ; сообщеніе г. Иванова не подтверждаетъ этого. И по отношенію къ формамъ, представляющимъ смѣну конечнаго *и* на *е* (см. Матеріалъ, программу и первые отчеты), сообщенія, различныхъ лицъ стоятъ между собой въ противорѣчіи.

Перехода втораго *е* полногласныхъ формъ въ *ё* (берёг, верёх) нигдѣ не замѣчается.

Сохраненіе *е* въ слогахъ ударяемыхъ встрѣчается очень рѣдко и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ: ве́дра вм. вёдра (перм., тот.), Ле́в, Петр. (перм.).

Ѣ смѣняется на *и*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта смѣна замѣчается только въ нѣкоторыхъ въ словахъ; въ большинствѣ же случаевъ на мѣстѣ *ѣ* стоитъ *е*. Въ другихъ *и* вмѣсто *ѣ* представляетъ почти постоянное явленіе. Рѣдко слышится *и* вм. *ѣ* въ архангельской губерніи, нерѣдко въ пермской, часто въ вологодской. По преимуществу проявляется такая замѣна *ѣ* въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ, кадниковскомъ и тотемскомъ.

Привожу для примѣра рядъ сообщенныхъ мнѣ словъ, смѣнившихъ коренное *ѣ* на *и* въ рѣчи населенія перваго изъ этихъ уѣздовъ:

вики (мн. отъ вѣк)
виник
висить
звирь
віеть (т. е. вѣять)
витёр
дивка, дивишник
ротозій
лисница
литняя пора
клить
плисень
линь
полинцё (= полѣнце)
хлиб
минеть (= минять)
мидь, миденица
миреть (= мѣрять)

мистечко
мисець (= мѣсяц)
митить (= мѣтить)
пить, писня, пинье (= пѣть и пр.)
прить (= прѣть)
встрича, стрича
стрилеть (= стрѣлять)
рипище (поле, засѣянное рѣпой)
ричка
ричь
сивер
сини
синцё (= сѣнцо)
ситка, ситочка
сіеть (= сѣять)
систи
сидѣлко (через-сѣдѣльникъ)
тинь
тильцё
затія
цидить
ципь

Есть слова, въ которыхъ на мѣстѣ кореннаго *ѣ* является *и* въ однѣхъ формахъ, *е* въ другихъ:

в н*и*гѣ живёт, но н*ѣ*га,
нед*ѣ*ля — на ниди*л*ѣ,
нев*ѣ*ста — по нив*и*стѣ.

Изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ видно, что слогъ съ *и* вм. *ѣ*, ассимилируетъ съ собою предъидущій слогъ, превращая въ немъ *е* въ *и*.

Почему *е* и *и* на мѣстѣ *ѣ* чередуются иногда въ корнѣ одного и того же слова при его измѣненіяхъ—не ясно. Вышеприведенные примѣры показываютъ что качество слога на появленіе той

или другой замѣны *ѣ* не имѣетъ вліянія [1]). Не стоятъ эти замѣны въ зависимости и отъ ударенія.

Слова, въ литературномъ языкѣ употребляющіяся съ *е* вмѣсто древняго *ѣ:* время и песокъ имѣютъ такую же звуковую форму и въ народномъ языкѣ арх., перм. и волог. губ. [2]).

Тематическое *ѣ* глаголовъ смѣняется на *и* во многихъ мѣстностяхъ этихъ губерній [3]).

Въ глаголахъ *ѣ*сть и *ѣ*здить почти вездѣ *и* на мѣстѣ *ѣ*.

Въ сольвычег. у. *и* вм. *ѣ* втораго изъ этихъ глаголовъ является только въ неопредѣленномъ наклоненіи; но когда глаголъ сложенъ съ предлогами смѣна эта имѣетъ мѣсто и въ другихъ формахъ.

Конечное *ѣ* флексій не смѣняется на *и* даже тамъ, гдѣ смѣна эта въ корняхъ является особенно распространенною.

Нарѣчіе гд*ѣ* произносится гд*е*,—въ пермской и вологодской обыкновенно съ приставкою *ка:* гдѣ-ка. Но нарѣчіе зд*ѣ*сь чаще встрѣчается въ формѣ зд*и*сь.

Въ сравнительной степени прилагательныхъ именъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ вмѣсто *ѣе*, въ большинствѣ мѣстностей употребляется *яе*. Конечный гласный звукъ этого суфикса произносится неодинаково: кромѣ *яе* (арх., перм. г. ирбитскій уѣздъ), встрѣчается *яё:* тепляё, порняё (отъ порный—сильный, крѣпкій), голодняё и т. п. (кадниковскій и тотемскій уѣзды) и *яя*: свѣтляя, умняя, скоряя, добряя, миляя и т. п. (кунгурскій и пермскій уѣзды пермской губ., сольвычегодскій — вологодской).

Въ неопредѣленномъ наклоненіи и прошедшемъ времени глагола сѣсть вм. *ѣ* — *я:* сясть, сял (перм.); тематическое *ѣ* глагола

---

[1]) И тѣ данныя, которыя приведены, касательно смѣны *ѣ* на *и*, въ первыхъ четырехъ моихъ отчетахъ не подтверждаютъ мнѣнія А. А. Потебни о зависимости замѣнъ *ѣ* въ сѣверно-великорусскомъ отъ качества слога. См. Два изслѣдованія, стр. 81—3.

[2]) Въ сольвычегодскомъ уѣздѣ: времё, но — вр*и*мечко.

[3]) Въ сольвычегодскомъ уѣздѣ эта смѣна чаще въ настоящемъ времени, чѣмъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

видѣть мѣстами тоже смѣняется на *я:* видял (сольвычегодскій уѣздъ).

Эти два явленія встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ другихъ частяхъ сѣверно-великорусскаго [1]). Въ вологодскомъ краѣ (грязовецкомъ у.) есть, сверхъ того, формы поляз = полѣз, пояду = поѣду, въ другихъ краяхъ сѣв.-вост. нарѣчія мнѣ не встрѣтившіяся.

Въ сольвычегодскомъ народномъ говорѣ есть, какъ видно изъ сдѣланнаго мнѣ сообщенія, еще три слова, смѣняющія на *я* коренное *ѣ:* пр*я*сной, цв*я*ток, с*я*чется.

Это — замѣчательное явленіе, надъ объясненіемъ котораго нельзя не призадуматься въ виду того, что въ говорѣ этомъ *ѣ* обычно смѣняется на *и*, а *е* не переходитъ въ *я*.

На мѣстѣ древнихъ глухихъ—обычныя общерусскія замѣны.

На мѣстѣ конечныхъ *ъ*, *ь* нигдѣ не употребляютъ чистыхъ гласныхъ.

Есть случаи постояннаго гласнаго звука на мѣсто бѣглаго, смѣнившаго древній глухой: колод*е*цы, молеб*е*ны (кунг. и перм. у. пермской губ., тотемскій — вологодской), лоб—лоба (великоуст., тотемск. и кадн. уу.), в роту (великоуст. у.).

Е въ *ен* словъ, подобныхъ — *корень*, мѣстами удерживается въ косвенныхъ падежахъ (перм., кунг.).

Слово — ровъ не выпускаетъ *о* въ косвенныхъ падежахъ: рова и т. д. (ibid.).

Изъ формъ перваго полногласія употребляются, кромѣ обычныхъ, слѣдующія: веремя (мезенск., арх. г.), вередить (ibid.) тотемск. и сольвычег. уу. волог. губ., ирбитскій — пермской) хороброй (мезен.), морок (= мрак) (великоуст.). Муравей, журавль имѣютъ формы: *моро*вей (гряз.), *жара*вій (сольвычег. у.).

Формъ втораго полногласія, такихъ, какъ новгородскія — верёхъ, столоб, вовсе не встрѣчается. Нѣтъ и новгородско-олонецкой формы — смерётушка.

---

[1]) См. первые два мои Отчета.

Употребляется только — *мо*л*о*нья (шенкурск. у. арх. г., сольвычегодск. — вологодской, ирбитской, кунгурской — пермской) [1]).

Выпаденіе гласныхъ звуковъ, не условленное стяженіемъ, ассимиляціей ихъ, замѣчается рѣдко.

По сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу отмѣтить лишь два относящихся сюда слова: пугвица (арх., тотемск.), плящій вм. палящій (тот., великоуст., яренск., сольвычег.). Это послѣднее слово въ такой формѣ слышится большей частію тогда, когда оно является эпитетомъ слова морозъ. Вмѣсто плящій мѣстами, въ этомъ случаѣ, говорятъ — пл*ю*щій (сольвычег.).

Стяженіе гласныхъ въ настоящемъ времени глаголовъ перваго спряженія, т. е. ассимиляція соединительнаго гласнаго звука *е* съ тематическимъ или кореннымъ *а* — сильно распространенное явленіе во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Этимъ стяженіемъ условливается меньшее количество случаевъ съ *ё* вм. *е* въ 2 и 3 лицахъ единственнаго и множественнаго глаголовъ настоящаго времени. Гдѣ нѣтъ стяженія, тамъ напримѣръ, чит*аё*ш, гдѣ есть оно — читаш и т. п. Не знаю, предполагаетъ ли форма читаш форму читаёш, или явилась непосредственно изъ читаеш.

Въ великоустюжскомъ, тотемскомъ, грязовецкомъ и кадниковскомъ уѣздахъ преобладаютъ стяженныя формы; въ сольвычегодскомъ, за исключеніемъ 2 лица единственнаго числа, стяженіе встрѣчается рѣдко, почему въ 3 л. ед. ч. н. вр. глаголовъ съ тематическимъ *а*, соединительный гласный звукъ *е* произносится или какъ *ё* или какъ *э:* он чит*аэ*т книгу [2]).

Приставныя гласныя встрѣчаются очень рѣдко: авторник (тот. и кадн. у.).

Перегласованіе *а* въ *е* распространено повсемѣстно.

---

[1]) По сообщенію г. Протопопова въ Арх. губ. вм. молонья встрѣчается форма *молвина*. Ва какой именно мѣстности есть такая странная форма, того къ сожалѣнію не сообщено.

[2]) «Вообще *е* въ этомъ отношеніи произносится не ясно; какъ бы выпускается, но не совсѣмъ». Такъ сказано въ сообщеніи, изъ котораго взятъ мною приведенный примѣръ. Можетъ быть э въ читаэт есть нейотированное *е*?

Всего чаще встрѣчается оно подъ вліяніемъ йота. Кажется даже, я (йа) неизбѣжно превращается въ *е* (йе): егненок, едро, ечмень, если, ейцо, естреб, емской, еровой, езвить, еишница; віеть, сіеть, стоеть; заец и т. п. Такъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ.

Кромѣ *й*, перегласованіе замѣчается при слѣдующихъ звукахъ:

ч: чеща (арх., тот.), чесовой (ирб.), начельник, качеть, качей и т. п. (сольвычег.);

в: везать (арх., тот., ирб.);

д: дедя = дядя (тот., кадн., сольвычег.).

з: зеть (перм.);

л: гулеть (сольвычег.), угледать (ирб.);

н: ронеть (тот., кадн.), погоней, ровней = погоняй, ровняй, погонеть, ровнеть (сольвычег.), неня (перм.);

м: време и времё (арх., тот.);

п: петь (перм., яренск.);

с: се и сё (арх., волог.), седь = сядь (ирб.);

р: ребой (сольвычег.), ковыреть (великоуст.), крежи, но — кряж (ирб.).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что *е* изъ *а* послѣ означенныхъ звуковъ независимо отъ того, есть ли это *а* (*я*) основное, или стоитъ оно на мѣстѣ ѧ.

Какъ должны были произноситься слова вязать, дядя и прочіе вышеприведенныя, чтобы видоизмѣниться въ везать, дедя: какъ в'азать (вьазать), д'ад'а (дьадьа), или какъ вйазать, дйадя?

Вмѣсто *е*—обратное предъидущему явленіе—изрѣдка встрѣчается *я*. Такое превращеніе, какъ и въ другихъ краяхъ сѣвернаго нарѣчія, имѣетъ лишь то *е*, которое въ сочетаніи съ *н* (ен) = ѧ: сѣмян (сольвычег., ирб., тотемск., кадн.) [1]).

Придыхательнымъ звукомъ при начальныхъ гласныхъ является *в:* Восподь = Господь (сольвычег., тот., кадн., ирб.), воспа, вострой, вотчим (сольвычег.).

---

[1]) Объ этомъ явленіи см. въ первыхъ отчетахъ.

Слово Господь чаще употребляется въ формѣ Осподь (тот., кадн., сольвычег., великоуст.), предполагающей придыхательное *h*.

Слово государыня является, какъ и слово Господь, въ двухъ формахъ: *о*сударыня и *во*сударыня. Вмѣсто государь обыкновенно *о*сударь (сольвычег.).

Въ области *согласныхъ* звуковъ большею частію повторяются черты, свойственныя и другимъ частямъ окающаго нарѣчія.

Въ порядкѣ вопросовъ, поставленныхъ мною въ программѣ, привожу относящіяся къ согласнымъ важнѣйшія явленія.

Ь суфикса *ьц* большею частію оставляетъ свой слѣдъ на смягченіи предшествующихъ ему согласныхъ *н*, *р*, *с*. По преимуществу замѣчается это явленіе въ вологодской губерніи и частію въ пермской. Въ архангельской, на сколько можно судить по сообщеніямъ, оно встрѣчается рѣдко.

Вологодской же губ. по преимуществу свойственно умягченіе тѣхъ же согласныхъ передъ суфиксами ьк, ьск, ьств. Въ пермской и архангельской[1]) передъ этими суфиксами смягчается только *ц*: молодецькой, но царской, деревенской.

Въ волог. губ. это смягченіе всего болѣе выдержано въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ, великоустюжскомъ, тотемскомъ и кадниковскомъ.

Передъ суфиксомъ *ство* (ьств-о) *р* мягко только въ послѣднихъ двухъ: царьство или чярьство.

Передъ суф. *ьц* въ сольвычег., великоуст. мягки не только выше означенные звуки, но и *п*, *т*: купьцю, отьця.

Тамъ же передъ суф. *ьск* мягко произносятся звуки *в* коронной и *с* суфикса: земьськой.

Въ словахъ, подобныхъ московская, — *в*, какъ и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, неслышится, а *с* предшествующее суфиксу, произносится мягко[2]).

---

[1]) Объ языкѣ населенія архангельской губерніи — считаю нужнымъ напомнить это — я говорю *исключительно* на основаніи сообщеній.

[2]) Въ тот. и кадн. уу. это слово, по сообщенію г. Иванова, звучитъ мосъкоская. Вѣрно-ли?

Звукъ *ц* и въ концѣ и въ срединѣ словъ во всѣхъ трехъ губ., большею частію, произносится мягко: молодець, сонцё, отцю, купця.

Есть мѣстности (кадн., тот., перм., кунг.), въ которыхъ *ц* въ подобныхъ случаяхъ произносится и твердо и мягко.

Шипящіе, за исключеніемъ *ч*, большею частію тверды: жона, пошол. Такъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, но не повсемѣстно: въ Грязовцѣ я слышалъ: дѣтушёк и под.

С въ возвратномъ *ся*, въ концѣ глаголовъ звучитъ неодинаково: *са* (великоуст., сольвычег., ирб, кунг.), *сё* (арх.), *со* и *са* (мез.): училса и т. д.

Когда звуку *с* этого мѣстоименія, предшествуетъ *т* (учится) группа *тс* большей частію переходитъ въ *тц*: учитца и учитця (великоуст., сольвычег., яренск.). битцо (тот., кадн.).

Губные въ концѣ словъ большей частію сохраняютъ мягкость: кровь, карапь. Великоуст. и сольвычег. у. Въ послѣднемъ нэрѣдка встрѣчаются и твердые *в*, *п*: кров, корап, церков. Такъ и въ ирб. у. Въ перм., кунг. — мягко.

Л мягко въ словѣ дят*ель* — сольвычег., ирб. уу.

Твердое *л* передъ *н*, условленное безслѣднымъ изчезновеніемъ *ъ* суфикса *ън*, довольно часто встрѣчается въ вологодской губ.: болной, печалной, хмѣлной (великоуст., сольвычег., тот., кадн., гряз.).

Въ Грязовцѣ *л* въ прошедшемъ времени, въ первыхъ трехъ лицахъ ед. ч., произносится мягко: съѣл — почти какъ съѣль [1]). Твердое *р* вмѣсто мягкаго и обратно — въ немногихъ словахъ немногихъ мѣстностей: крык, тюрма (сольвычег.), вверхю (ирб.), завтря и завтрё (великоуст. у.).

Въ конечномъ слогѣ *ня* именъ существительныхъ, если ему

---

[1]) Считаю нужнымъ замѣтить при этомъ, что форму эту, а равно ниже приводимыя формы неопр. наклоненія съ отвердѣвшимъ *т* я слышалъ только отъ дѣтей (учениковъ и ученицъ народнаго и уѣзднаго училища и женской прогимназіи). Но, по увѣренію грязовецкаго штатнаго смотрителя, такъ говорятъ и взрослые.

предшествуетъ мягкое *л* (ль), *н* отвердѣваетъ и вмѣсто *ня* слышится *на*: колокольна, купальна, швальна и т. п. Такъ постоянно въ сольвычег., яренск. и—иногда—въ великоуст., тот. и кадн. уу. Не чужда эта особенность и пермской рѣчи (кунг., ирб.); замѣчается она и въ архангельской.

Вмѣсто *н-ій* въ прилагательныхъ часто *н-ой*, конечно, черезъ форму *н-ёй*: осенной, ранная и т. п. (великоуст., сольвычег., ирб., тот., кадн., арх.).

Обратнаго явленія (т. е. превращенія *н-ый* въ *н-ій*) нѣтъ.

Т въ окончаніи неопр. накл. глаголовъ мѣстами отвердѣваетъ. Такъ въ Грязовцѣ вм. пѣ*ть*, бы*ть* я слышалъ почти пѣ*т*, бы*т*.

К сочетается съ *ё* въ окончаніи прилагательныхъ *ёй* вм. *ей* изъ *ій*: заморьскёй, молодецькёй и т. п. (тот. и кадн. у.), но — руськой, деревеньской (ib.).

Конечно, послѣднія формы образовались изъ первыхъ (ій-ей-ёй-ой), какъ формы запрягом, сожгот (никольскій уѣздъ, на Кокшенгѣ) изъ формъ запрягём, сожгёт.

Въ Грязовцѣ *д* произносится мягко въ словѣ пре*дь*ки.

Случаевъ отвердѣнія *д*, кажется, нѣтъ; равно какъ и всѣхъ тѣхъ, неупомянутыхъ здѣсь, случаевъ смѣны твердаго согласнаго на мягкій и наоборотъ, которые изчислены въ моей программѣ и упомянуты въ предъидущихъ отчетахъ.

Такъ какъ *ц*, въ срединѣ и концѣ словъ, большею частію произносится мягко, то естественно [1]), что оно мѣстами смѣняется на *ч*. Смѣна эта однако далеко не заурядное явленіе там, гдѣ *ц* мягко. Так в великоуст. у. не чакают. В сольвычег. или остается мягкое *ц* при своем звукѣ, или слышится вмѣсто опредѣленнаго звука *ц* нѣчто среднее между *ц* и *ч*. Въ никольскомъ уѣздѣ вм. *ця*, *цю* и т. д. слышится опредѣленное *ча*, *чу* и пр.

Въ тотемскомъ мѣстами *ц* сохраняется: улиця (Кокшеньга) или переходитъ въ *ч*: заеч, улича (с. Леденгское). Мѣстами въ

---

[1]) См. объ этомъ явленіи 1-й отчетъ.

этомъ уѣздѣ слышится то *ц*, то *ч* въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ: чарь и царь, словчё и словцё [1]). Въ кадник. уѣздѣ *ч* изъ *ц* постоянно мягко: конечь, овчя. Нечасто встрѣчается *ч* вм. *ц* и въ губ. арх. и пермской (арх., перм., кунг. уу.).

Ц вмѣсто *ч* слышится во всѣхъ трехъ губерніяхъ; но не вездѣ эта смѣна имѣетъ одинакую степень распространенности. Такъ въ кадн. у. почти каждое *ч* смѣняется на *ц:* цистить, церной и т. п.; въ сольвычег. же случаи этой смѣны рѣдки: цей (чей), цья, поцему, охоць и немногія другія.

Передъ *ч* звукъ *ц* изъ *ч* переходитъ въ *с:* молосной (кадн.); иногда и передъ *т*: сто (вм. цто = что) (волог., тот.). Тамъ, гдѣ есть смѣна *чн* на *сн* (черезъ *цн*), встрѣчается на мѣстѣ первой изъ этихъ группъ и *шн:* мушной, яшной, лавошник, истошник (кадн.).

Конечно *ш* въ такихъ словахъ должно было явиться непосредственно изъ *ч* и непредполагаетъ смѣны его на *ц*.

Иногда *с* изъ *ц* является какъ результатъ ассимиляціи звуковъ: пе*сс*яной вм. пе*сц*яной изъ пе*сч*аной (сольвычег.).

Основное *ц* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пермской и вологодской губерній смѣняется на *с* передъ гласнымъ звукомъ: улиса, сарь (ирб. у.), сапля (ib., тот., кадн. у.).

Существованіе этого явленія въ пермской губ. давно уже засвидѣтельствовано Далемъ [2]). Такъ какъ смѣну эту мнѣ приходилось въ восточныхъ губерніяхъ слышать только отъ инородцевъ [3]), то я сомнѣвался, чтобъ она была свойственна рѣчи природныхъ русскихъ. Однако, полученныя мною сообщенія устраняютъ это сомнѣніе: въ пермской губ. приведенные выше звуковыя формы съ *с* вм. *ц* слышатся въ средѣ не обрусѣлаго, а природно-русскаго (по преимуществу заводскаго) населенія.

Передъ согласными смѣны этой нѣтъ, за исключеніемъ одного

---

[1]) По сообщенію г. Бѣлорусова цокаютъ исключительно женщины, мужчины же чакаютъ.

[2]) О нарѣчіяхъ 29.

[3]) Такъ Чуваши въ казанской губ. говорятъ с(з)онт и т. п.

слова: свѣты (ib.), которое; впрочемъ встрѣчается мѣстами, въ такой формѣ не только въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, но даже и акающаго.

З на *ж* не смѣняется. Обратная смѣна замѣчается въ слѣдующихъ словахъ: рогозка, залѣзо, порозной (ник., кадн., тот., великоуст., сольвычег., арх., ирб.).

Весьма распространена замѣна *щ* на *ш* и *шш:* ошшо, ешшо, свяшшенник (арх.), ешшо, чешша, слашше, сушшій (сольвычег., тот., кадн.). Мѣстами, вслѣдствіе диссимиляціи: исшо, сшипать (ирб. у.).

М мѣняется на *в* въ словѣ: вного (великоуст., сольвычег.).

Л вм. *в* только въ словѣ: треложить (сольвычег., перм., кунг.).

Чаще замѣчается обратное явленіе. Смѣну *л* на *в* — одна изъ характерныхъ чертъ нѣкоторыхъ вологодскихъ говоровъ — представляютъ слѣдующія слова: савдат (тот. у.), товковать, повзать, довбить, повно (сольвычег., яренск. великоуст. уу.) [1]).

За исключеніемъ перваго изъ приведенныхъ словъ,—чужаго, заноснаго, — во всѣхъ остальныхъ *ов* вм. *ол* = древнему *ъл.*

Не менѣе замѣчательна сродная съ этой, хотя и не тожественная съ ней, другая черта нѣкоторыхъ вологодскихъ говоровъ: смѣна въ прошедшемъ времени *л*(*ъ*) на *в*(*ъ*). Впрочемъ, какъ то выше уже замѣчено, нъ этомъ послѣднемъ случаѣ слышится не *в*, а нѣчто среднее между *в* и *у*, какъ бы краткое *у:* ходиў, думаў и т. п. (сольвычег., великоуст.).

Эта особенность выдѣляетъ тѣ вологодскіе говоры, которымъ она свойственна, изъ всѣхъ остальныхъ области окающаго нарѣчія.

Ф на *п* не мѣняется и не замѣняетъ собою сочетанія *кв*; *хв* вм. *х* только въ словѣ охвота (арх.).

Ф вм. *х* только въ — куфарка, куфня (ирб., сольвычег., великоуст., яренск.).

---

[5]) Послѣднее слово въ такой формѣ встрѣчается и въ пермской губ. (ир[б]. у.); въ архангельской поўно (арх. у.).

Х вм. *ф* тоже лишь въ иноземныхъ — штох, полштоха (ib.).

Х вм. *с* нигдѣ не встрѣчается.

Г постоянно имѣетъ характеръ звучнаго. Въ концѣ словъ произносится въ однѣхъ словахъ какъ *г*, въ другихъ какъ *х* или *h*: мок = мог, Боh = Бог (арх.). Въ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ *г* постоянно переходитъ въ *в*.

Слѣдовъ смягченія гортанныхъ въ живой рѣчи нѣтъ.

д и *т* имѣютъ обще русское смягченіе; но вм. *ж* изъ *д* встрѣчается изрѣдка и *жд*: урождай (в. уст., слвч., ирб., арх.), прихождать (тот), прихождане (арх), но — прихо́жане (ib.), обвождять лошадь = обводить (тот. у.), горождане, обиждаться (ib., кадн. у) съижденіе = съѣденіе (тот. у.). Въ одномъ только словѣ *жд* на мѣстѣ *ж* изъ *г*: ублаждать (в. уст., слвчг., арх.).

Вмѣсто пріѣ*зж*ать мѣстами пріѣждять (тот. у., кадн. у.).

Мѣстоименіе *что* произносится въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаково: што (яр., арх), што, штё, щё (тот., кадн. в. уст.), що́ (шенк), чо и цо (кемскій, прм., кунг).

Изъ случаевъ опущенія согласныхъ звуковъ особенно часто замѣчается, какъ и въ другихъ мѣстахъ окающаго нарѣчія, опущеніе *т* и *д* послѣ *с* (*з*): пусь = пусть (слвчг. в. уст. яр), кус = куст (ib.), гвось = гвоздь (в. уст.), грусь = грусть=грузд (ib.), хвос, трось, сись, кось и т. п. (во всѣхъ трехъ губ.).

Весьма распространенное явленіе и опущеніе *д* и *т* въ группѣ *дств*: росво, слѣсво (ирб., в. уст., слвчг, тот.); но — и слѣдство, родство (слвчг), сротственник (яр.).

Мѣстоименіе 3 лица въ косвенныхъ падежахъ употребляется нерѣдко безъ *н*: от её и т. п.

Въ нѣкоторыхъ словахъ опускаются цѣлые слоги: кстить (крестить), сенни (сегодни), гыт (говорит), паре(нь), вре(ш) и т. п. (влг., арх.).

Перестановки звуковъ всего чаще при *р*: врать лён, т. е. рвать лен, горовлю = говорю, чевряк = червяк (Вотча). Иногда и при другихъ словахъ согласныхъ: незамог = занемог. (Гряз.).

Въ постановкѣ ударeній, сравнительно съ другими частями окающаго нарѣчія, особенностей, кажется нѣтъ.

Одно лишь явленіе, свойственное рѣчи населенія ирбитскаго уѣзда пермской губерніи, не повторяется, на сколько знаю, въ другихъ мѣстахъ. Это удареніе на послѣднемъ слогѣ творительнаго падежа, употребленнаго вмѣсто дательнаго: ходите к нами́ в гости, он пошол къ вами́ и т. п.

Въ отдѣлахъ словообразованія и формъ тоже немного особенностей.

Наиболѣе рѣзкая изъ формальныхъ особенностей, это—окончаніе творительнаго падежа множественнаго числа именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ на *има*, *ыма*, вм. *ами*, *ями*.

По преимуществу эта особенность свойственна рѣчи населенія сольвычегодскаго уѣзда вологодской губерніи; встрѣчается, сверхъ того въ шенкурскомъ архангельской [1]). Вотъ нѣкоторые примѣры употребленія этого окончанія: чашкима, ложкима, книгима, дѣвкима, работникима, деньгима, сарафаныма, огородыма, конима и т. п. (слвчг. у.), орѣхима (шенк. у.); красныма, хорошима, бойкима (слвчг. у.); двоима (ib. и шенк. у.), троима и трёма, четвeрыма, шестима (слвчг. у.).

Всего чаще встрѣчается это окончаніе въ числительныхъ.

и или *ы* этой формы являются въ ней, смотря по тому, какъ оканчивается именительный падежъ множественнаго числа: *и-ма* — тогда, когда им. мн. оканчивается на *и*, *ы-ма* — когда его окончаніе *ы*. Тотъ и другой звуки имѣютъ слѣдовательно значеніе тематическихъ звуковъ; суфиксомъ формы твор. падежа должно быть поэтому признано не *има*, *ыма*, а только *ма*.

---

[1]) Такъ — по сообщеніямъ, сдѣланнымъ мнѣ. А быть можетъ, кругъ распространенія этой формы и гораздо шире.

Какъ смотрѣть на это *ма?* Имѣемъ ли въ немъ случай возобладанія формы двойственнаго числа, или позднѣйшаго видоизмѣненія суфикса множественнаго?

Вѣроятно первое: измѣненіе *ми* на *ма* со стороны звуковъ совершенно немыслимо; а аналогіи для такой формы *(ма)* въ другихъ падежныхъ формахъ нѣтъ.

Если бы твор. пад. постоянно встрѣчался въ формѣ *и-ма*, можно было бы объяснить образованіе ея черезъ звуковую перестановку: *и*-м-*а* вм. *а*-м-*и*; но звукъ *и* передъ суфиксомъ *ма*, какъ уже сказано выше, является лишь въ извѣстномъ опредѣленномъ случаѣ.

删тел. множественнаго вм. творительнаго въ большей части вологодской губ. употребляется почти постоянно; гораздо рѣже замѣчается обратное явленіе. Въ пермской мѣстами (ирб. у.), кажется, употребляется твор. вм. дат. на столько же обычно, какъ и дат. вм. тв.

Въ арх. г. замѣчается смѣшеніе дат. и предл. п. ед. ч. съ родительнымъ: дат. п.: — матушки, сестры, Александры; пр. п.: — на головы, на картины, по воды (арх. у.).

Слово — день — склоняется по темѣ на *и*: р. п. дни (влг. г.).

Слово — мать — въ им. п. ед. ч. встрѣчается въ древней формѣ: мати, иногда — матерь, рѣдко — мать (Вотча. тот. у.).

Вмѣсто сил*ою* — сил*ом*: силом взять (ib.)[1]).

Имя сущ. при числит. два иногда ставится не въ двойств., а во множ. ч.: два рубл*и* (Грязовецъ).

Прилагательныя въ им. п. ед. ч. встрѣчаются и въ полной и въ краткой формѣ: неправильна(я) (ib.).

Для выраженія превосходной степени прилагательныхъ употребляются формы на *ющій:* сильнѣющій, умнѣющій (вл. г.).

Род. п. прил. ед. ч. ж. рода имѣетъ мѣстами форму — ыё: молодыё (Тот. у.), форму очень древнюю, представляющую первую ступень видоизмѣненія основной формы ыя (ыѧ).

---

[1]) См. Матеріалъ и пр. стр. 47.

Свойственная вятской рѣчи форма дат. п. мн. ч. мѣст. 3 лица — имя́ встрѣчается и въ пермской губ.

Въ глаголахъ замѣчается стремленіе къ уравненію темъ неопред. накл. и наст. вр.: брехай (вл. г.).

Иногда средній залогъ является въ формѣ возвратнаго: проживалися = проживали (тот. у.).

Форма обдуело = обдуло (тот. у.), вѣроятно, предполагаетъ неопр. наклоненіе — обдуеть изъ обдуять.

Форма невѣрши (ib.) по всей вѣроятности не формальное, а фонетическое явленіе, условленное выпаденіемъ слога *ив:* не вѣр(ив)ши.

Есть случаи образованія будущаго времени изъ глагола *иму* и неопредѣленнаго наклоненія спрягаемаго глагола: иму дѣлать, имём дѣлать (грязов. у.).

Встрѣчаются древнія формы неопред. накл. на *ти:* спати (см. приложенную сказку).

Признакъ 3 лица въ глаголахъ настоящаго времени, на сколько мнѣ извѣстно, не отбрасывается.

Случаевъ вокализаціи личнаго окончанія нѣтъ[1]).

Нарѣчія когда, тогда имѣютъ формы — ковды, то́вды (слвчг. у.) и койду́, тойду́ (арх.).

Глаголъ мстить сохраняетъ древнее управленіе: онъ требуетъ вин. пад.: мстит ево (гряз. у.).

Дѣепричастная форма употребляется иногда вмѣсто формы прошедшаго времени: взявши да и пошол (тот. у.).

[1]) По словамъ Даля, нѣкоторымъ мѣстностямъ пермской губерніи свойственна чрезвычайно странная особенность: употребленіе 1 л. ед. ч. наст. вр. въ формѣ 3-го: я сдѣлает и т. п. Такъ въ Верхотурьи и Шадринскѣ. Изъ этихъ мѣстностей я свѣдѣній не имѣю. Всѣ тѣ лица, къ которымъ я обращался въ пермской губ. съ распросами объ этихъ формахъ, отвѣчали мнѣ, что никогда не слыхали ничего подобнаго. Можетъ быть эти формы существуютъ въ рѣчи обрусѣлыхъ инородцевъ?

Вин. п. им. сущ. ж. р. ед. числа при неопр. наклоненіи глаголовъ имѣетъ форму именительнаго: косить трава, творить квашня и т. п. (яренскій, устьсысольскій, устюжскій уѣзды; вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ).

Странно, что при словѣ змѣя прилагательныя и мѣстоименія ставятся, какъ и слѣдуетъ, въ женскомъ родѣ, а глаголъ прошедшаго времени въ мужескомъ: дал ему вторая змѣя, наѣлся змѣя и пр. (см. прилагательную форму).

Слѣдующихъ, употребляемыхъ въ вологодской и архангельской губерніи словъ, или нѣтъ ни въ Толковомъ словарѣ Даля, ни въ Областномъ академическомъ; или они помѣщены въ иномъ значеніи; или не обозначена мѣстность употребленія ихъ; или — наконецъ — отнесены они исключительно къ южному нарѣчію [1]).

Б.

? Буркалы — нижеколѣнная часть ноги Гряз. В. г. [2]).

Бычек — небольшое облачко. Тот. у. на *Вотчѣ*.

В.

Вино — водка ib.

Водка — вино виноградное ib.

---

[1]) Лишь очень немногія изъ приводимыхъ здѣсь словъ, сообщенныхъ мнѣ разными лицами, могъ я провѣрить личными наблюденіями. Большая часть (всѣ относящіяся къ тотемскому уѣзду) словъ сообщена мнѣ г. Бѣлорусовымъ нѣкоторые (грязовецкія) смотрителемъ грязов. уѣздн. училища г. Пономаревымъ и учителемъ того-же училища г. Фаевымъ. При словахъ, въ точномъ опредѣленіи значенія которыхъ я не увѣренъ, поставленъ вопросительный знакъ.

[2]) Такая форма этого слова вызвана, мѣстами, особенностью словообразованія: въ сольвычегодскомъ уѣздѣ суфиксъ *ч-ій* обыкновенно смѣняется на *ч-ин*: лѣсничин — лѣсничій и т. п.

Г.

Грамота — всякая бумага, — писанная или неписанная, писчая и неписчая ib.

Глупый, глупенькій — молодой, недозрѣлый: глупый плод ib.

Городничин — городничій (Слвчг. у.).

Е.

Ерушник — Слвчг. Яр. у. — см. Ярушник въ О. Сл.

Ж.

Жатель. Важбал. Тот. у. см. Пригнёт.

Животок — молодое животное. *Вотча.*

З.

Злыдни — несчастные, бѣдные люди ib.

Заутрó — ib. См. Доп. къ О. сл.

И.

Йокнуть — дрогнуть ib.

Йидера — яства (см. прилагаемую сказку).

К.

Кавбат. *Вотча* = бычек.

Кирбь. *Гряз.* см. у Даля: кербь.

Коты. *Вотча* — тоже что чиркú, но съ опушкой.

Кисляда ib. см. въ О. сл. кисляга во 2-мъ значеніи.

? Крес. *Кадн. у.* — лучше: крес идти, чѣм сидѣть дома [1]).

? Куст — отдѣльная часть лѣса *Гряз.*

? Кумельной ib. — кой как, кой какой.

Л.

Лагун. *Вотча.* — маленькой боченок.

Лепуга. *Кунеж. Тот. у.* — шуба по колѣна, чѣмъ либо покрытая (непокрытая — *полушубок* ib.).

Лутошко. *Вотча.* — См. у Даля.

---

[1]) Это интересное слово требуетъ провѣрки. Сообщено оно мнѣ въ Вологдѣ. Кѣмъ именно — непомню.

М.

Мот. *Гряз.* — 10 пасм.

Н.

На́ для. *Вотча.* — Кажется.

Настоятельша — царица, правительница. (См. прилагаемую сказку).

Нани. *Гряз.* — даже: роботали — роботали, *нани* устали.

П.

Питера — питьё, напитки (см. прилагаемую сказку).

Попрыск — извѣстное разстояніе (см. *ib.*).

Помысленный. *Гряз.* — любезный.

Попён. *Вотча.* — наказаніе.

Пригнёт. *ib.* См. рубль.

Пугатливый *ib.* — пугливый.

О.

? Отурить. *Гряз.* — обезпамятить.

Р.

Рубль. *Карбанга Кадн. у.* см. въ Доп. къ Обл. сл.: рубель.

Рукотерник *Вотча.* — худая тряпка, которою вытираютъ *только* руки (не =, слѣд., по значенію словам ручник, — полотенце).

Рылена. *Вотча.* = яндава (въ другихъ мѣстахъ Тот. у.) = братыня (Никольскій уѣздъ).

У.

Ученичек. *ib.* — ученик (ученик ib. — учитель).

Ушляе *ib.* — лучше: этот лён ушля того [1]).

Ч.

Черевики́ *ib.* См. въ О. сл.: череви́ки.

Чирки *ib.* — низенькіе башмаки безъ опушки по верхнимъ краям.

---

[1]) Сравн. степень отъ неупотребляемаго *ушлый*, слово, которое по образованію слѣдуетъ кажется сопоставить съ *дошлый*.

Прилагаемая сказка, записанная на Вотчѣ (тотемскаго уѣзда вологодской губерніи), доставлена мнѣ г. Бѣлорусовымъ. Хотя, какъ онъ сообщаетъ мнѣ, сказка эта «нѣсколько разъ была поправляема со словъ разскащика», она далеко не воспроизводитъ особенностей народной рѣчи. Въ ней много отклоненій отъ фонетическаго провозглашенія[1]). Не удивительно: записать точно сказку или пѣсню въ народѣ дѣло далеко не легкое, требующее навыка. Въ этомъ убѣдился я собственнымъ опытомъ...

Со стороны содержанія сказки это является варьянтомъ къ двумъ изъ тѣхъ, которыя были мною сообщены Отдѣленію во второмъ и третьемъ отчетахъ.

СКАЗКА.

О солдатѣ и его женѣ.

Было у нашево царя императора выбрано 12 человѣк савдатов. Каженому савдату дано было по 12 патронов; на кажной патрон велѣно было убить по 12 птиц.

11 савдат ходили — всѣ свои патроны рострилѣли, не могли ничево убить. 12-й савдат растрилѣл 11 патронов; остался один патрон.

Литили вверху три голубушки. Он стрилил — одну голубушку и подстрилив. Очудилась красная дѣвушка.

Умѣл ты подстрилить, говорит, так я жена твоя буду: не винец меня винчал, а пуля.

---

[1]) Такъ прилагательныя и мѣстоименія оканчиваются въ этой сказкѣ на *го*; превращенія *е* въ *о* большей части не означены (пошел, черну, лужек), 2-е лицо глаголовъ н. вр. оканчивается на *шь*, *т* не выпущено въ словѣ кость и т. п. При перепискѣ сказки я измѣнилъ вездѣ *го* на *во* въ род. п. прил. и мѣстоименій, все же прочее оставилъ безъ перемѣны: быть можетъ, въ нѣкоторыхъ по-крайней-мѣрѣ случаяхъ, кажущееся мнѣ невѣрнымъ условливается не ошибкой записывавшаго, а колебаніемъ между различными звуковыми формами самаго народнаго говора.

Тутъ онѣ прихождают в свой дом и говорит онъ женѣ своей: надо явиться к царю бѣлому. Приходит он к царю Так и так, говорит, ваше королевское величество,—стрилял я в голубушку—застрилил красную дѣвушку.

Показать мнѣ её нужно, говорит царь.

Приводит тогда савдат жену к царю, и тот ну её упрашивать: выходи говорит, за меня, чѣм жить тебѣ за простым савдатом.

Нѣт отвѣчает, коли пуля меня обвинчала, так я и жить за ним буду.

Тогда осержается царь, призывает опять своего савдата и говорит ему: даю тебѣ столько-то времени: иди туда, невѣдомо куда; принеси то, невѣдомо што. А не принесешь, — так голова тебѣ на плаху.

Закручинился савдат; приходит к женѣ и повѣдывает ей, что ему царь приказал.

Ничево, говорит, муж мой возлюбленный: молись ко Спасу да ложись ко спати; утро вечера мудренѣе.

А сама обвязывала лѣвую руку тальянским платом, брала черну книгу и кричала зыцнымъ голосомъ: ужи, мыши, крысы, няньки, дворянки, сбирайтеся, слетайтеся.

Собралась вся ея сила и спрашивает она: не знаешь ли, сила моя возлюбленная, что это означает—пойди туда, невѣдомо куда; принеси то, невѣдомо што?

Не знаем, говорят.

И дает она мужу своему на другое утро ейчо: куда оно покатится, туда ты за ним и ступай, говорит.

Вот и пошел он из того мѣста, гдѣ они проживалися. Шол,—близко ли далеко ли, низко ли высоко ли и дошел до провалища. А в провалищѣ том город большой. И подкатилось ейчо к самому что ни есть большому дому, а в дому там проживала настоятельша города.

Входит савдат в дом, видит: сидит старушка престарѣлая.

Увидала она ево и заговорила: ах—ах—анюшки! доселѣ рус-

ской кости слыхом было не слыхать, видом не видать, а нынче русская кость сама на дом пришла. Чей да откуда и куда пошел?

А ты, говорит савдат, сначала меня напой накорми, да в постельку уложи, так завтра я все тебѣ и раскажу.

Напоила она ево, накормила, на кровать уложила, и на другой день он ей и расказывает, как стрилял он в голубушку, а застрилил красную дѣвушку.

Это сестра наша меньшая, говорит тогда старушка престарѣлая; знаю, говорит, что тебѣ нужно.

Тогда обвязывает она лѣвую руку тальянским платом, берет черну книгу и кричит зыцным голосом: ужи, мыши (и так далѣе, как выше).... Не знаешь ли ты сила моя возлюбленная (и проч. как выше).. .

Не знаем, говорят.

Тогда дает она ему другое ейчо и велит опять идти за ним.

Вот идет он — близко ли далеко ли, низко ли высоко ли — и приходит к другому провалищу. А в провалищѣ этом опять большой город, и опять подкатилося ейчо к самому богатому дому, гдѣ жила настоятельша тово города, третья сестрица ево молодыё жены. Обвязывала и она лѣвую руку тальянским платом, брала черну книгу и кричала зыцным голосом: ужи, мыши (и пр. как выше). Не знаете ли (и пр., как выше)... Не знаем, говорят.

А всѣ ли вы в скопѣ, спрашивает.

Нѣт еще, говорят, между нами большой старой лягушки.

Послать её сюда, приказала она.

Вот пришлепнула большущая лягушка, и спрашиваетъ у неё царица: не знаешь ли, говорит лягушка-квакушка, што означает—поди туда, невѣдомо куда, принеси то, невѣдомо што?

Знаю, отвѣчает та.

Так садись же на её, говорит царица савдату, и поѣзжай, куда повезет тебя.

Сѣл он на лягушку. Отшлепнула лягушка попрыска три и провозит ево к дому.

Ступай, говорит, туда; што там есть, то и неси: это то и есть невѣдомо што.

Пошел он в дом. А там стоит только печка, а в ей ничево нѣту, — в зубах поковырять нечѣм.

Што тут возмешь? думает он.

Встал он за печку и немножко понаровил. Приходят 12 разбойников. Пришли они и вскричали: эй, Тютюн! накрой на 12 персоней!

И стали вдруг накрываться столы со всякой питерой и йидерой. Наѣлись разбойники и ушли. Вот выходит изъ за печки савдат и зовет: эй, Тютюн? накрой на двѣ персоны!

Накрыл ему Тютюн. Савдат сѣл и говорит: и ты, Тютюн, садись со мной.

Вот, говорит тогда Тютюн, 20 лѣт служил я ворам, а никогда никто меня не приглашал; наконец то добрый человѣк добрым словом нашел.

Поѣл савдат, и говорит Тютюну: пойдем со мной.

Хорошо, бери меня, говорит Тютюн.

И пошли они вмѣстѣ. Находят они на змѣю и говорит савдату эта змѣя: накорми меня, а не то я тебя съѣм.

Тютюн! говорит савдат, накрой на 12 персоней.

Наѣлся змѣя и говорит: отдай мнѣ Тютюна, а я тебѣ дам за нево ящик; как кокнешь ево, так и появятся города с пригородками, деревни с подселками.

Закручинился савдат. А Тютюн ему шепчет: отдай — я опять с тобой буду.

Послушался савдат, взял ящик и пошел одинъ без Тютюна.

Змѣя потом задумал поѣсть, а и забыл, как зовут то невѣдомо што.

Эй, Мишка, Гришка! зычит.

Не тут то было: Тютюн убѣжал к савдату. Вот — я опеть с тобой, говорит.

Находят они на другую лютую змѣю; змѣя и говорит савдату: съѣм тебя, если меня не накормишь.

Тютюн! кличет савдат. Накрой на 12 персоней.

Нанес Тютюн всякой питеры и йидеры. Наѣлся змѣя и просит отдать ему Тютюна. А за это, говорит, дам я тебѣ огниво: как тепнёшь, так и савдат. И насѣчешь ты великую силу.

Закручинился опять савдат. А Тютюн ему шепчет: отдай, говорит,—я опять с тобой буду.

Пошел савдат один. Попошел немного, и вспомнил, что уж скоро выйдет строк, что дал ему царь, а до города своево еще далеко. Сѣл он на лужек и заплакал.

Что я буду дѣлать? говорит. И Тютюна—то со мною нѣт.

Я здѣсь, отвѣчает, тот. О чем так закручинился?

Так и так, говорит савдат. Быть моей головѣ на плахѣ.

Полно, уговаривает Тютюн, молися Спасу да ложися спати: утро вечера мудренѣе. Может дѣло то и поправно будет.

Савдат уснул, а Тютюн ево загреб на руки и представил к самому городу. Проснулся савдат, и не вѣрит своим глазам.

Ах, паре! говорит. То коли не наш город! Постой, я пойду посмотрю: если там моя жена, то наш и есть.

Пошел он в город, отыскал свою жену, и привел её на то мѣсто, гдѣ оставил Тютюна. Здѣсь кокнул он в ящик, што дал ему первая змѣя, — и стал строить города с пригородками, деревни с подсёлками. Тепнул потом огнивом, которое дал ему вторая змѣя: и пошли у него савдаты, и стало силы видимо невидимо.

Видит всё это царь и дивуется: откуда взялося новое царство.

Пошел на нево войной. Савдат ево побил. Сдѣлался сам царем. И стал жить да поживать с молодою женой.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

въ

XVII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ*).

---

*) Въ этотъ указатель не включены тѣ статьи настоящаго тома, къ которымъ приложены особые указатели.

IX—X. LIII. Составилъ адресъ, отъ имени Отдѣленія. Юго-Славянской Академіи. X—XI. LIII. Сообщилъ о работахъ Патеры, А. О., по приготовленію къ изданію переписки Добровскаго. XI. О его трудахъ по разработкѣ памятниковъ письменности и славяно-русской словесности, по собиранію палеографическихъ матеріаловъ. Его палеографическія наблюденія. О древней глаголической письменности. LI—LII. Написалъ: Записку о трудахъ проф. Потебни. Жизнеописаніе Вука Стеф. Караджича. LII. Сообщилъ свѣдѣнія, о произведеніи Миличевича о Сербіи. LII—LIII. О трудахъ Юго-Славянской Академіи. LIII.

«Starine», сборникъ. Изд. Юго-Славянской Академіи. IX.

Строевъ, акад. П. М. Отъ вдовы покойнаго, получено акад. Срезневскимъ для Академіи Наукъ, пять портфелей «Матеріаловъ для Исторіи славяно-русской литературы». III. О матеріалахъ оставшихся послѣ покойнаго. Акад. Бычковъ взялся разсмотрѣть библіографическій и біографическій словарь покойнаго. VII. Воспоминаніе о немъ, записка академ. Срезневскаго. Юбилей его пятидесятилѣтней дѣятельности. Начало дѣятельности. Первые историческіе опыты. Его «Краткая Россійская Исторія». LX. Изданіе «Современнаго Наблюдателя Россійской Словесности». По изданію «Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ». LXI Занятія по обозрѣнію и описанію рукописныхъ библіотекъ. Сближеніе съ Калайдовичемъ. Занятія по описанію рукописей библіотеки, графа. Ѳ. А. Толстаго. Изданіе «Законовъ в. к. Іоанна Васильевича и внука его ц. Іоанна Васильевича». LXII. Вліяніе Калайдовича на него. Изданіе Софійскаго временника. LXIII. Взглядъ на Русскія лѣтописи и вообще «Временникъ Нестора». LXIII. LXIV. Его начальникъ А. Ѳ. Малиновскій. Уволенъ отъ коммисіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ. LXV. Занялся приготовленіемъ къ изданію Псковской лѣтописи. LXV. LXVI. Обозрѣвалъ рукописи Новгородской Софійской библіотеки. LXVI. Мысль объ общемъ обозрѣніи всѣхъ рукописныхъ сокровищъ Россіи. LXVI. LXVII—LXX. Путешествіе въ Новгородъ. Продолженіе занятія лѣтописями: Записка «О Византійскомъ источникѣ Нестора». Смотритель библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго. Описаніе рукописей. Составленіе извлеченій изъ дѣлъ Донскихъ казаковъ. LXVI. Описаніе старопечатныхъ книгъ библіотеки Толстовской. Продолженіе труда Сопикова. LXVII. Снаряженіе археографической экспедиціи. Избранъ начальникомъ экспедиціи. LXX. Нашелъ дѣятельнаго помощника Бередникова. Два отдѣленія экспедиціи. Число осмотрѣнныхъ экспедиціей библіотекъ и архивовъ. LXXI. Результатъ трудовъ экспедиціи. LXXI—LXXII. Осмотрѣнныя имъ библіотеки. LXXI. Учрежденіе археографической коммисіи. Изданіе Актовъ, собранныхъ археографической экспедиціей. Его «Хроно-